

АШЪБЕК

Собрание сочинений в пяти томах

Ташкент
Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма
1986

СОЛНЦЕ НЕ ПОМЕРКНЕТ

Роман

Перевод Б. С. Пармузина

Глава первая

Кромешная тьма. Цедит дождик — монотонно, гнетуще. И кажется, будто не капли падают сверху, а стальные иголки упираются в самую душу.

По большаку, протянувшемуся вдоль леса, шагает насквозь промокший батальон. Шагает, разбрызгивая грязь, медленно, тяжело. В первом ряду Аскар-Палван и Бектемир, а в последнем, как обычно с трудом поднимая ноги, плетется Али.

Бектемир изучил все привычки своего друга Палвана. Вот и сейчас по тому, как тот фыркает, ясно, что он расстроен, раздражен. Да как же иначе! Бектемир тоже не в силах слова сказать. И это не только от усталости. События, которые пришлось пережить, сделали и его задумчивым, молчаливым.

Не успели бойцы на маленькой станции выбраться из вагонов, как один за другим начали раздаваться взрывы. С пронзительным воем пронеслись самолеты. Но этот вой тонул в гулких разрывах бомб, в грохоте опрокидывающихся вагонов. Ввысь стремительно, точно быстрые чижи, взлетали куски рельсов; поднимались облака пыли и дыма. Вокруг раздавались крики и стоны.

Бектемир впервые видел такую страшную картину.

Когда он выглянул из-за угла уцелевшей каменной стены, ему показалось, что все уничтожено и, кроме него, не осталось ни одной живой души. Но вскоре он увидел других бойцов. Погибло всего лишь около десяти человек и немногим больше ранено. Это очень удивило его. Невозможно было поверить: из такого столпотворения выйти живым!

А из земляков только рябой Сафар пострадал. Да и то отделался легкой царапиной.

После бомбежки батальон снова построился и упрямо зашагал дальше.

На своем пути бойцы встретили превращенный в груды битого кирпича город, дымящиеся деревни. Вдоль дорог валялись опрокинутые, покореженные машины, обугленные повозки.

Бойцы шли молча. Шли, пока не раздалась команда:
— Воздух!

Немецкие самолеты появились неожиданно. Издалека донесся знакомый вой, и самолеты, словно коршуны, бросились на разбегающихся бойцов.

Спас лес. Стволы деревьев, раскинув ветви, старались прикрыть людей. Но сами деревья гибли. На них жадно набрасывались огонь и металл. Будто ад опрокинулся с неба. Деревья падали со стоном, который, казалось, вырывался из их зеленых-презеленых, безобидных душ.

На ночь батальон остановился в разрушенной, сожженной деревне. В ней не было признаков жизни. Даже собаки не лаяли. Только тоскливо шелестел листьями дождь да неизвестно откуда доносилось тяжелое уханье пушек.

В непроницаемой темноте глаза бойцов старательно искали убежище, чтобы отдохнуть. Ноги то и дело спотыкались о кирпичи, доски, оконные рамы, бревна. Немного поднимало настроение веселое перемигивание огоньков самокруток да короткие, приглушенные фразы:

— Здорово ты пятками сверкал!

— А своих, случайно, не было видно?

— Свои не бросаются в глаза.

Бектемир сел на корточки, прислонившись к толстому стволу дерева, тут же, на обочине дороги. Он проголодался, но было лень снять вещевой мешок, развязать и вытащить хлеб. К тому же Бектемир вспомнил, что мешок завязан крепко-накрепко, а хлеб, вероятно, весь промок.

Широко открыв глаза, смотрел Бектемир из-под густых бровей в темноту. Только раз он шевельнулся: мокрым рукавом шинели, папахивающей гнилым войлоком, стер с лица воду.

Смотрел Бектемир, но ничего не видел и устало опустил голову. Словно того момента и ожидали воспоминания. Они сразу же обступили его со всех сторон. Вначале отрывочные, щемящие душу, они постепенно связывались

всегда собой, и Бектемир возвращался в близкий ему мир.

Их было пять братьев. Жили они хорошо, относились друг к другу с большим вниманием и заботой. В кишлаке их семью уважали, говорили о ней с доброй улыбкой.

Старший брат, Тахир, уже несколько лет был на руководящей работе в городе, а второй, Кадыр,— в колхозе бригадиром. Камал учился в институте в Ташкенте, но в прошлом году ушел в армию. Он был моложе Бектемира. А пятый, самый маленький, Туйчи, недавно стал зоотехником.

Вспомнилась бойцу и любимица семьи, единственная сестра, семнадцатилетняя Зайнаб. Вероятно, по-прежнему возится с буйной ватагой ребят в детском саду. Они вокруг нее так и вьются, любят свою веселую воспитательницу.

В последнем письме Камал сообщал, что служба в артиллерии ему нравится, что они готовятся к боям.

Но пока письмо шло, многое могло измениться. Перед глазами Бектемира прошли яркие картины шумных, звонких дней детства. Камал был почти одного роста с Бектемиром и всегда участвовал во всех играх.

«Что же с ним сейчас!— неволью бледнея, подумал боец.— Где он? Может, рядом, сражается под Москвой, а может...» Но последнее предположение он сразу же отогнал.

Бектемир почувствовал потребность поговорить с кем-нибудь из близких, рассказать о своей жизни, подробно расспросить об их делах.

Перед глазами встал знакомый до каждой морщинки образ матери, сухонькой, подвижной женщины. С любовью и заботой воспитывала она своих детей, отдав им всю жизнь, до последней минуты.

— Чтобы не стыдно было перед богом,— случалось, говорила она.

Но уж, конечно, не это было причиной ее постоянного внимания к детям.

Вспомнил Бектемир и своего отца — крупного, сильного. Совсем недавно, казалось только вчера, он слушал его слова.

— Кости мои окрепли в работе,— сказал отец однажды.— Есть еще сила во мне. Если уж мои джигиты держат колхоз, если уж они шагают сквозь огонь и воду, то и мне не пристало думать об отдыхе. Люди работают, и я буду. Грохот мельницы как раз мне по душе.

Односельчане уважали этого много повидавшего. В жизни человека, умевшего говорить мягко, убедительно, посвятившего себя труду. Вероятно, повседневный труд и подарил редкое обаяние его открытому лицу, внимательным глазам.

Посмотреть бы в эти глаза, поцеловать бороду...

Бектемир словно прошел через двор своего дома, увидел оставшийся от дедов навес для скота, вновь постренные комнаты, темный, морщинистый ствол тутовника посреди двора. Почему-то тутовник вспомнился с набухшими, спелыми ягодами, из которых вот-вот брызнет сок. Увидел Бектемир и забор, тыквенные коробки с молоком и сливками... Он словно почувствовал запахи теплого вечера, услышал ленивый, приглушенный шелест листы.

На какой-то миг очутился Бектемир и в доме старшего брата, полном звонкого смеха, криков и визга детей. А потом воспоминания вывели его на широкий простор полей. Любил Бектемир землю. С наслаждением вдыхал он весенний запах травы, любовался вершинами гор. К ним особенно тянуло его. Но Бектемир мечтал не просто бродить по горам. Воспитанный в трудовой семье, он не мог жить без работы.

— Буду чабаном, — решил юноша.

И эту мечту ему помогли осуществить.

Без сожаления Бектемир расстался с городом, где он жил около года у старшего брата.

— Что же ты сбежал из Ташкента? — смеялись люди. — Там весело, интересно жить, а ты...

— Нет. Скучно там, — серьезно отвечал Бектемир и, махнув рукой, объяснял: — Правда, город хороший, но на улицах стоит шум, грохот. Весь день. А во дворе у брата ни росточка, гладко вокруг. Воду пьют из железной трубы. Ветер и тот редко залетает.

Отец одобрительно отнесся к поведению Бектемира.

— Что поделаешь, — говорил он, — вырос парень в кишлаке. Пусть и работает здесь. Важно, что с душой относится к своему делу.

...Многое бы еще вспомнилось, да помешали. Подошли земляки. В батальоне узбеков было немного, около пятнадцати человек. Держались они вместе. Когда выдавалось свободное время, сразу находили друг друга. Было у них что вспомнить о прошлом.

В последние встречи они чаще всего говорили о близости передовой. О фронте зашла речь и сейчас.

Сафар-чутир, мягкого нрава человек, который ночью

даже ходить в одиночку боялся, с тяжелым вздохом произнес:

— Что же будет завтра, попробуй догадайся. Кто-то останется жив, кто-то умрет.

Бектемира порой тоже преследовали такие мысли, но он голосом беспечного джигита бодро сказал:

— Что будет, то и будет. Кому что суждено. А за упокой души молиться рано. Посмотрим еще!

— Точно,— подхватил таким же тоном его сосед — веселый ташкентец.— Одной смерти не миновать, но зачем спешить? Не к чему нам торопиться. И нос нечего вешать. Мы, узбеки, дети одного отца и должны поддерживать друг друга. Где бы ни были, что бы с нами ни случилось. Все за одного, один за всех. Жизнью должны жертвовать. Или пусть наши тела затопчут враги.

— Зачем ты выделяешь узбеков?— удивился Бектемир.— Посмотри, как дружно живут все бойцы! Одна семья. В армии мы все должны держаться друг друга.

— Хвала тебе,— поддержал Аскар-Палван.— Ты дело говоришь, Бектемир.

— Все это правильно,— осторожно согласился Али.— Но следует помнить и о другом. Если с кем-нибудь из нас случится несчастье, пусть другие быстро выроют могилу.

Его почтительно слушали.

Али был маленького роста, узкогрудый, рыжий. Из-за пустяка он становился нервным, раздражительным. Слово спичка, вспыхивал и, втянув тонкую шею, начинал ругаться. При этом рыжие усы его вздрагивали.

— Ты что заладил одно и то же?— перебил его Бектемир.— И в лагере твоя голова печалилась о могилах. Неужели не о чем думать больше?

— Действительно,— веско сказал Аскар, — нужно думать о жизни. Джигит с надеждой — джигит с крепкими крыльями.

Аскар был на два года старше Бектемира. Выделялся он продолговатым лицом с ястребиным носом, хорошим, высоким ростом, крепким телосложением. Правда, грудь его была не такой широкой, богатырской. Но известные палваны, изучающе рассматривая Аскара, делали свой вывод: «Мясо жилистое силу придает, до старости не растреплется».

Откуда-то вынырнул Ахмедов, живой, подвижный.

— Какие новости, братья-узбеки?— Сидите мокрые под

дождичком. Неужели лень подняться? Вон напротив вас большой сарай. Вошли бы туда — и порядок: сухо, тепло, тихо.

— Об этом ли нужно думать?— взялся за свое Сафар.— Что-то с нашими душами завтра будет?

— А что в душах-то у вас есть?— засмеялся Ахмедов.— Да и существуют ли они? Жизнь хороша. Это верно. Ее и нужно ценить, беречь. А душа? Сгорит ли тело в огне, растерзают ли его собаки — все одно смерть. Только не стоит о ней думать. Нужно фашиста бить, давить, жечь. Вот о чем пристало думать джигитам, а не о смерти. Будешь драться с песней — и смерть обойдет тебя, даже не поцарапает.

— Это уже мужской разговор,— восхищенно потер ладони Аскар-Палван.— Именно так нужно жить, так воевать. Только трус бежит от боя и находит смерть.

Ахмедов посмотрел на товарищей и обратился к Аскару:

— Здесь друзья вели разговор о том, чтобы поддерживать друг друга, быть опорой в каждом деле. Окрылять друг друга. Это тоже отлично.

— Разговор шел о любви к человеку, Ахмедов. Мы даже кость джигита должны ценить больше золота.

Беседу прервал надсадный от простуды голос капитана Стеклова. Раздалась команда.

И сразу все зашевелились. Послышались шутки:

— Поночевали — и хватит...

— Да... Отлежали бока.

Люди привычно находили свое место в строю.

Снова раздался голос комбата.

Батальон тяжело качнулся и шагнул в кромешную тьму.

Наутро батальон столкнулся с противником. Немцы, видно, рассчитывали дать решительный бой и прорвать фронт. Но батальон успел оконпаться. Бойцы выгодно расположились на возвышенности. Цепи гитлеровцев были перед ними как на ладони. Несколько атак, даже поддержанных танками, не дали возможности продвинуться врагу. К вечеру гитлеровцы утихли.

Снова наступила ночь. Вдали, придавленный облаками дыма, замер лес. Дым полз над искореженной, искромсанной землей.

Небо нависло усталое, печальное. Под его покровом отдыхали люди, используя каждую минуту наступившей тишины.

Оглядывая усталых, запыленных солдат, медленно шел генерал Александр Васильевич Соколов. Его сопровождали несколько командиров. Генерал беспрерывно курил. Как всегда подтянутый, гладко выбритый, он шагал мимо солдат, внимательно слушая торопливое объяснение капитана Стеклова.

Комбат, вероятно, докладывал о положении в своем подразделении.

Возле небольшой группы солдат командиры остановились.

— Ну, как дела?— просто, как у давних знакомых, спросил генерал. Ответив на приветствие, он внимательно рассматривал строгие лица.— Увидели немца? Пощупали?

— Танки у него, товарищ генерал,— нахмурив брови, уныло произнес один из бойцов.— Танки— это сила. Что с ними поделаешь? Руки коротки у нас.

Генерал понимал настроение солдат. Он только вздохнул, продолжая молча рассматривать их. За него ответил комбат:

— Наши дрались хорошо. Конечно, если бы не танки, мы погнать бы могли немца. Танки— это точно, сила.

Капитан говорил сдавленным, озабоченным голосом, косясь на генерала: если бы тот сказал что-нибудь утешительное, веское, подбодрил бойцов.

Генерал еще раз осмотрел сгрудившихся вокруг него солдат и твердо, чеканя каждое слово, сказал:

— Позади Москва. А перед нами сильный, страшный враг. Опасность сейчас велика. Но вы подумайте, что случится, если мы дрогнем, если отступим.

Солдаты молчали. В их сознании не могла удержаться эта мысль и на какую-то долю секунды. Они не могли представить, чтобы Москва... Да нет... Не может этого быть...

— Конечно, у немца много техники,— продолжал генерал.— Он все сейчас собрал в один кулак, думает обрушить удар на Москву и покончить с нами. Сразу со всей страной покончить.

— Ишь ты! Быстро решил.

— Посмотрим, чем он кончит, немец-то.

— Заставим повернуть.

Солдаты плотнее обступили генерала.

— Я думаю,— довольно улыбнулся Соколов,— заста-

вим повернуть. Обязательно. Мы дружны, едины. Нам и карты в руки.

Трудно ему было говорить, генералу. Трудно обещать то, чего у него нет. Где она, техника, где они, воспетые в песнях танки, которые несутся быстрее ветра?!

Генерал повернулся к командиру батальона:

— А вот насчет слаженности в бою — у нас не всегда хорошо. Случается, воюем кто как может. Немец это, может учесть. Смотрите. Вот как нам нужно держаться, — генерал сжал кулак и взмахнул им.

Соколов понимал, что говорит не то. Ничего конкретного пока не мог пообещать. А как бы добрая весть подбодрила усталых людей!

Генерал вытащил пачку «Казбека», взял папиросу, помял ее и, сжав в зубах, закурил.

— Всегда думайте о том, что за нами Москва, что мы должны ее защитить.

— Сможем, товарищ генерал...

— Отстоим...

— Выдюжим!

Соколов одобрительно кивнул и, простившись с солдатами, пошел дальше. Он верил этим бодрым словам. Верил непоказному оптимизму. Такие люди не дрогнув встретят смерть. Но сквозь бодрые голоса прозвучала и трезвая, с каким-то укором, фраза: «Танки у него...»

Солдаты могут не двинуться с места, но по ним, по солдатам, пройдут танки...

Бектемир, сидевший в стороне, прислушался к разговору и поинтересовался:

— Кто это?

Сосед Бектемира, молодой солдат, многозначительно поднял брови:

— Наш генерал... Соколов. — Солдат принялся сворачивать козью ножку. — Большой человек.

— Да, — согласился Бектемир. — Каждое слово его обдуманное, нужное.

— Замечательный человек, — продолжал солдат. — Правда, чуть-чуть горд. Но это ничего. Воюет хорошо. Пришлось мне быть с ним в Западной Украине. Показал он себя там.

Солдат покосился на Бектемира, проверяя, какое впечатление произвели эти слова, и с наслаждением затянулся крепким, густым дымом.

Бектемир с интересом смотрел вслед удалявшимся командирам. Он неожиданно почувствовал себя спокойнее.

Вон как твердо, уверенно шагают много повидавшие в жизни люди.

С ними, наверное, не пропадешь.

Глава вторая

Все вокруг изменилось. Иначе выглядят и величественный русский лес, и необозримые поля. Иначе выглядят и люди. Живут они так же дружно, так же порой шутят, смеются. Но теперь в их разговорах иногда слышатся тревожные нотки:

— Сколько же у него самолетов?

— Откуда только берутся танки?

— Ну и сила прет на Москву!

Однако никакой паники. Люди трезво оценивали обстановку. Они твердо знали, что немцам не видать Москвы.

— Победа или смерть!

Нет. Это был не лозунг. Эти слова шли от сердца. В них было одно желание — своей грудью защитить Родину от врага.

И пусть по вечерам звучали грустные песни. Пусть. Эти песни посвящались родному краю, милым березкам, далеким матерям и невестам. Тому, что нужно было беречь от врага, тому, что хранилось в самых заветных уголках сердца.

Разве можно отступать, разве можно поднимать руки перед врагом? Нет и нет!

— Победа или смерть!

— Уничтожим фашистов!

Этими мыслями жили солдаты всех национальностей. Жил весь фронт. Жила вся страна.

Солдаты ждали встречи с врагом, чтобы с ним расчитаться.

Вначале фронт показался Бектемиру не очень страшным. Окопы, блиндажи, проволочные заграждения — это даже интересно, любопытно. Где-то неторопливо, тяжело ухают пушки, изредка нервно стрекочут пулеметы. Бектемир озирается кругом. Особенно его подмывает посмотреть вперед. Но он много слышал об осторожности, потому не решается. Наконец, терпение его иссякает и он, словно подсматривая из-за забора, вытягивает шею.

На поле, сплошь покрытом увядшей, пожелтевшей травой, боец видит два черных танка: один — накренившийся

набок, другой — уткнувшийся в землю. Бектемир подобно рыбе, которая, с плеском вынырнув из-под воды, снова в мгновение исчезает, несколько раз высовывал голову... И вдруг мимо него с визгом пронеслись пули. Бектемир, выругавшись, поспешно опустился.

Сзади кто-то дернул его за ремень.

— Ты что? В своем ли уме? — молодой солдат погрозил ему кулаком. — А что, если сюда немец мины пошлет?

Бектемир, глядя на смуглого казаха, плечистого и подвижному, ловкого, виновато произнес:

— Хотел на немца посмотреть. Увидеть его физиономию.

— Пропади он пропадом со своей харей. Зачем тебе смотреть? На свинью он похож...

— А далеко ли до немцев? — уже осмелев, спросил Бектемир.

— Четыреста шагов, — без малейшего колебания ответил казах, словно он сам только что измерил это расстояние.

— Блиско, — согласился Бектемир.

Солдаты разговорились.

Бектемир узнал, что боец родом из Чимкента.

— Давай руку, брат. Земляки мы. Недалеко от нас живешь. Зовут-то тебя как?

— Кулумбет.

И казах, прищурив и без того узкие глаза, заговорил о своем ауле, колхозе. Рассказал, что он уже месяц как на фронте, поведал о страшных боях, в которых участвовал, о том, сколько видел крови, скольких похоронил товарищей.

— Вот что значит фронт, — заключил Кулумбет.

Вытащив из кармана маленький шелковый кисет, вышитый, видно, с большой любовью, он протянул его Бектемиру:

— Закуривай.

— Кисет у тебя замечательный, как тюльпан весенний, — произнес Бектемир, потрогав пальцами мягкий шелк, и взял щепоть махорки для большой самокрутки.

— Земляки подарки шлют. Этот кисет чудесная девушка вышила, — вздохнув, произнес Кулумбет. — Моя же там осталась, дома. Ни письма, ни весточки нет.

— Жена?

— Да. Жена. Всего три дня обнимал. А когда уходил, много слез пролила она... Так и оставил ее в слезах. Сам голову потерял. Шутка ли. Как она теперь одна?

— Не тужи, друг,— успокоил Бектемир, стараясь говорить бодрее.— Вернешься — бутон твой, яркий, полный красоты, снова раскроется для тебя.

— Здесь коса у смерти большая, как радуга. Хотя в народе говорят, что от богатыря и смерть бежит...

— Верно говорят,— согласился Бектемир и неожиданно спросил:— Вот ты скажи мне, почему наши не наступают? Почему не гонят немца от Москвы?

— Командиры знают,— неопределенно ответил Кулумбет,— здесь приказ сильнее бога. Наверное, для атаки не очень удобное время. Наступит время.— пойдем в наступление. Ждут.— И вдруг откровенно сознался:— Ой-бой! Ты еще не видел огня немцев! Ох какой огонь!

Долго еще размышлял Бектемир после разговора с молодым казаком.

Окоп казался тесным, тихим, как нора суслика. Но враг был рядом с этим «спокойным местом». И это лишало бойца покоя.

Бектемиру захотелось выстрелить. Он даже вытер винтовку рукавом, щелкнул затвором. Однако на какое-то мгновение ему стало не по себе.

«Зачем я тороплюсь?— подумал он.— Жизнь не мила, что ли? Все будет впереди».

В эту минуту взгляд его упал на находившегося неподалеку Али. Лицо земляка странно менялось — то краснело, то бледнело, глаза бегали, ноги пританцовывали, словно наступили на горячий уголь.

— Что это с тобой случилось?— приблизившись, спросил Бектемир.

— В животе у меня урчит! А тут тесно. Кругом люди... Что делать?

— Вот забота! Садись где попало, ведь кругом-то грязно.

— Стыд-то какой!— продолжая пританцовывать, воскликнул Али.

Молодой узбек, сержант, торопливо проходивший с пакетом, остановился на миг, поняв, в чем дело, весело рассмеялся:

— Ие! В окопе нет места? Садись на лопату, а затем вышвыривай вон!

Он подмигнул Бектемиру и, торопясь, пошел дальше.

Воздух начал наполняться усиливающимся гулом. Бектемир, чуть приподняв сжимавшую виски каску, уставился в небо. Северное солнце казалось бодрым, ласковым. На прозрачной, чистой лазури неба он увидел, словно

груды хлопка на хирмане, белые облака. Они легко плыли по небу, меняя очертания. Вдали, из-за дымящегося леса, появились самолеты. Их было много. Они, хвастаясь своей неотразимой силой, приближались уверенно, грозно. Черные крылья, все увеличиваясь, закрыли небо. Бектемир невольно впился пальцами в вязкие стенки окопа. Он лишился способности смотреть, думать, понимать... Земля вздрогнула, качнулась. Воздух прорезал какой-то дикий, словно при светопреставлении, грохот. Буйная, огромная сила, сталкивая горы, опрокидывала их. Со стоном разлетались в стороны комья земли. Бектемир замер, он не чувствовал kloкотавшего в груди сердца. Перед его широко открытыми глазами были только дым, пыль, смерть. Вот-вот втянет его в свою пасть взбесившийся, зазывающий буран.

И вдруг сразу наступила жуткая тишина. Бектемир словно очнулся после страшного сна. Он дышал тяжело, прерывисто. Доносившиеся издали редкие выстрелы казались каплями, которые падают звучно из желоба крыши и подчеркивают наступившую ночную тишину. Бектемир пополз к телу, распростертому неподалеку от него. Он с трудом узнал лицо молодого русского солдата, которого совсем недавно видел. Чуть дальше лежал другой боец. Дышал он тяжело, с хрипом, пытался поднять голову. Бектемир хотел ему помочь, но воздух снова наполнился гулом. И снова с неба низвергся огонь. Бектемир обнял землю. Поблизости раздался страшный грохот.

Подобно тому как морская волна вышвыривает купающегося на берег, какая-то сила оторвала Бектемира от земли и подбросила вверх.

Открыв на мгновение глаза, он увидел, что лежит засыпанный землей. Потом Бектемир услышал оружейную стрельбу. Снаряды, которые, выворачивая душу, летели с жутким стоном, разрывались рядом. Бектемир выполз из-под земли, грязной пятерней вытер лицо, обляпанное глиной, и поднялся на ноги.

Перед ним лежала разорванная колючая проволока. Царапая руки и лицо, Бектемир перелез через проволоку. Только сейчас он ощутил, как неприятный холодок прошелся по стриженной голове. Надев подвернувшуюся под руки каску, он вспомнил и про оружие. Взгляд упал на винтовку, валявшуюся поодаль, узнал — его винтовка. Схватив, он торопливо почистил ее рукавом, затем зашагал к группе бойцов. Нужно быть с ними рядом. Одному нельзя. Одному сейчас легко пропасть.

Бектемир увидел капитана Стеклова. Лицо комбата было гневным, глаза тревожными; осторожный и одновременно уверенный в своей силе, он бросал короткие команды. Махнув рукой, капитан вдруг пополз вперед. Бектемир подумал про себя: «Сердце с огоньком!»

Бородатый, насупившийся боец, выбрав, как он, вероятно, думал, самое удобное место, лежал притаившись.

И вдруг Бектемир услышал крик Аскар-Палвана. Он осмотрелся, но ничего не увидел вокруг, кроме дыма, пламени и густой пыли, взлетавшей в воздух. Через мгновение уже ясно донеслись голоса его земляков. Бектемир проворно пополз.

Земляки, опустившись перед кем-то, плакали. Бектемир, задыхаясь, торопливо подошел к ним.

— Лишились мы Азимджана. Ах, несчастные мы! — причитал Сафар.

— Ах, братишка любимый наш! — закричал Палва.

Грудь Азимджана поразил осколок мины. На глаза Бектемира навернулись слезы. Он поцеловал покрытое пылью холодное лицо и, поднявшись с колен, посоветовал товарищам:

— Увидит командир, ругаться будет. Разойдитесь по местам! Ведь бой идет. Разойдитесь!

Он потащил труп Азимджана, то взваливая его на спину, то осторожно волоча за собой, и уложил его поодаль на густую пожелтевшую траву, под низкорослым деревом с изуродованными ветвями. Перед глазами Бектемира в мгновение прошла вся небольшая, но интересная жизнь друга. Если бы можно было в стороне вырыть глубокую могилу и, пусть не прочитав молитву-фатиху, своими руками предать его земле! Боец с минуту молча смотрел на труп. При виде раны и безжизненно блестящих, как черное стекло, глаз земляка сердце Бектемира сжалось и он только тяжело вздохнул. Так же ползком прижимаясь грудью к земле, Бектемир вернулся в окоп.

— Снова «юнгерсы»! Тьфу, сволочи! — хмуро выругался бородатый боец. — И откуда они? Туча тучей.

Бектемир уставился в небо. «Три... девять... одиннадцать, семнадцать... двадцать два...» Он сбился со счета. Прижимая людей ко дну окопов, с каждым мгновением небо все более захлестывала волна нарастающего гула.

— А где наши самолеты? — крикнул Бектемир бородатому соседу.

— Четверть уничтожена на земле, четверть осорела в небе. Половина в других местах была немцев. Вот так! — неожиданно ответил тот и выругался.

— Чтоб они в преисподнюю провалились! — сквозь сжатые зубы добавил Бектемир. — Фрицы проклятые!

Русский что-то еще сказал, но Бектемир уже не мог его расслышать. Самолеты рванулись вниз с резким воем, протяжным свистом. Казалось, они не выйдут из пике, а начнут буравить землю. Появилось желание тоже уйти в землю. В глаза лезла пыль, перемешанная с дымом. Стало трудно дышать.

Бектемиру эти крылья казались неотразимой, дикой силой. Гордый, смелый парень сейчас почувствовал себя слабым, пришибленным. Все его существо наполнилось гневом, в глазах горела ненависть, но Бектемир сознавал, что свои силы он не может сейчас использовать. Он не может даже шевельнуться.

Удаляющийся гул самолетов еще не совсем утих в небе, а вдали уже замелькали танки. Они росли, увеличивались, приближались тяжелой, внушительной волной.

Разгоряченный Стеклов криками и резкими жестами расставлял бойцов по местам. Вперед пробрались броневой бойщики. Длинные стволы противотанковых ружей спрятались за кустарниками и горами земли.

Танки приближались ровным строем, словно подвижные железные крепости. Они нагло и уверенно покрывали расстояние. А вот, кажется, даже увеличили скорость. Все вокруг наполнилось скрежетом металла.

Бектемир одним из первых заметил немецких автоматчиков, бежавших за танками. Сколько их было? Трудно сказать. Очень много. Автоматчики, спрыгнув с машин, приближались под прикрытием этих железных чудовищ. Стволы пушек на танках начали изрыгать огонь. Поле наполнилось неопишваемым шумом.

Бойцы встретили немецкую пехоту огнем из винтовок. Бектемир тоже начал стрелять. Но как ни пытался он совладать с собой, как ни пытался, собрав весь гнев, прицеливаться верно, все-таки при виде грозных машин не мог поднять голову.

Неужели пройдут? Неужели ничто не сможет их остановить?

Но вот противотанковые пушки встретили железную лавину сплошной волной огня. И внезапно два передних танка клюнули землю, словно споткнулись. Они стреляли, но бессильны были сдвинуться с места. Через мгновение они потонули в густом черном дыму. Вслед за ними замерли еще три больших танка. Но другие продолжали упрямо двигаться вперед. Их было около десяти. И вдруг

одна за другой четыре машины, бешено взревев, остановились. Танкисты в ужасе выпрыгивали на землю, пытались бежать. Одежда на них горела. Но гитлеровцев настигали пули. Наконец оставшиеся машины, резко повернув, стали удаляться.

— Уходят, уходят! — раздались радостные возгласы.

— Ага! Удирают!

Но в этот миг Бектемир увидел слева тяжелый танк, который с лязгом стремительно лез вперед. Сердце бойца захолонуло. Через мгновение своим огромным, как гора, туловищем танк вдавит в землю живых людей! Вдруг словно из-под земли появился молодой русский парень. Он, спокойно взмахнув рукой, швырнул гранату, и она взорвалась на башне танка. Вторую гранату бросил, прицелившись в самую гусеницу, Ахмедов и камнем кинулся на землю.

Танк окутался облаком дыма.

На поле горели танки, словно драконы, погибавшие в гневно изрыгаемом ими же огне. Воздух наполнился горьким запахом. Куда ни взглянешь, всюду трупы.

«Попал ли я? — думал про себя Бектемир и ответил: — Нет, если враг не перевернется перед глазами, как дикий кабан, этот выстрел не в счет!»

Губы Бектемира высохли, дыхание словно застряло в гортани. Солдат поднес флягу к губам — там ничего не было; запрокинув голову назад, он прижал флягу к губам — хотя бы несколько капель.

Бектемир с удивлением посмотрел на флягу. Она была пробита пулей. Зло отшвырнув ее, он попросил воды у соседа, бородатого солдата.

— Что, жарко? — протягивая флягу, спросил боец.

Бектемир кивнул головой.

Желание было необычным, думал, что не утолить ему жажды и ведрами воды. Однако, сделав два маленьких глотка, он вернул флягу. Бектемир почувствовал блаженство не только в теле, но словно ощутил его в самой глубине души. Стало легче дышать, посветлело в глазах. И боец крепко сжал винтовку. Как только исчезли танки, горизонт снова закрыли своими крыльями самолеты. Они надвигались стремительно, упрямо, уже знакомой дорогой. Опять раздались гулкие разрывы бомб. Воздух застонал. Многострадальная земля взвихрилась пылью. Не успели затихнуть разрывы бомб, как посыпался град пуль.

Бектемир уткнулся лицом в стену окопа.

«Теперь всё кончено! Кажется, кости мои останутся в злой яме. О боже!» — сказал он про себя.

Но вскоре стихло! Боец, подняв голову, осмотрелся вокруг и опять вдали увидел танки, которые темными рядами стремительно надвигались на окопы. Через голову снова начали перелетать снаряды. За танками Бектемир успел заметить автоматчиков. Они бежали, падали, вставали. Снова атака! Боец, тяжело дыша, начал стрелять. Какой-то жар охватил все его тело, казалось, пламя добралось до самых костей. Мельком взглянув по сторонам, он увидел, что товарищ справа замер. Голова его была окровавлена. Бородатого солдата с левой стороны не было видно. Танки, рассеявшись по полю, ползли и ползли. Все громче слышались пьяные выкрики немецких солдат. Автоматы и пулеметы словно соревновались между собой в бешеной трескотне. Мины со злостью рвали землю. В этот момент Бектемир заметил в низине горстку бойцов, которые, поднявшись, побежали навстречу танкам. Хотя он не слышал никакой команды, он был не в силах больше прижиматься к земле. Он выскочил из окопа и ринулся вперед. Но из-за пыли, дыма, визга пуль, летевших густо, как саранча, сразу закружилась голова. Бектемир, словно споткнувшись, упал на изрытую землю.

Что делать? Где ему преклонить голову? Неужели танки все же пройдут, вдавив его в землю, как инжир?! Бектемир решил приготовить гранаты. Он ощупал ремень, но там их не было. Понял, что потерял.

— Проклятье! — вырвалось у Бектемира. От злости и бессилия он затрясся. Кто-то, перешагивая, задел его и, внезапно остановившись, потянул за плечо. Бектемир поднял голову и увидел бородатого солдата, по щеке которого стекала струйка крови.

— Вставай! Назад! Команда была! — вне себя крикнул боец.

Бектемир, падая, перепрыгивая через трупы, проваливаясь в воронки от бомб и снарядов, побежал за товарищем.

Он не помнил, как они добрались до широкой дороги у густой стены леса и присоединились к группе бойцов. Куда они шли? Куда торопились? Нет, этого никто не знал, об этом никто не спрашивал.

Некоторые из бойцов, перевязав на скорую руку раны, шли, стиснув зубы. Шли, чтобы не отстать от товарищей.

Раненые даже пытались бежать изо всех сил. При резких движениях из ран начинала сочиться кровь. Капитан

Стеклол шел прихрамывая. Иногда он невольно хватался за колени, словно успокаивал боль. Капитан то и дело подозрительно посматривал на небо. Но оно пока было тихим, пустым. Солдаты шли молча. В этой группе Бектемир увидел Сафара и Али. Сафар неумело перевязал шею, лицо его было бледным. Али, звякая лопатой о винтовку и надвинув каску на самый нос, еле передвигал ноги.

— Где остальные?— спросил Бектемир Сафара, слегка тронув его за плечо.

— Умер бедняга Касымджан. В клочья разорвало. На моих глазах.

— Другие?

— Живы. Палван впереди.

— Что с тобой случилось?

— Задело,— облизывая сухие губы, произнес Сафар.— Осколком. Слегка задело.

— Значит, смерть поиграла с тобой,— вступил в разговор Али.— Просто пошутила,

— Чтоб черт побрал ее шутки. Чем так, лучше бы стукнула прямо и вогнала в землю,— махнул рукой Сафар.

Мимо Бектемира, тяжело ступая, прошел боец. На плече он нес раненого, ноги которого почти задевали землю. Голова раненого была туго перевязана. Но Бектемир все-таки узнал в нем друга.

— Ахмедов? Ты? Что с тобой, Ахмедов?

Из-под бинта смотрели глаза тускло, бессильно, с горечью.

— Ну, как ты? Рана тяжелая?

— Тяжелая. Плохо...— едва шевельнув губами, ответил Ахмедов.

Бектемир, затянув ремень, обратился к русскому солдату:

— Давай мне! Давай я теперь понесу.

— Ничего, я сам,— тяжело дыша, ответил тот.— Еще немного.

Бектемир видел, что боец не в силах идти, и, не обращая внимания на его возражение, подставил плечо. С помощью друзей он взял Ахмедова на спину и торопливо зашагал, словно намерен был занести его в ближайший дом и уложить в постель.

На перекрестке дорог бойцов догнала большая машина. В ней вповалку лежали раненые. С борта машины кадала кровь.

— Положить всех раненых,— приказал комбат.

Бектемир положил Ахмедова. Пожав его холодную руку, погладив лицо, со вздохом отошел.

Машина еще не успела скрыться, как внезапно показались два самолета. Все бросились в лес.

Бектемир лежал в траве, за толстой стройной сосной. Опять гул самолетов, который казалось готов был вырвать сердце из груди. Опять вдали одна за другой разрываются бомбы. Самолеты начали пикировать. Бектемир вскочил и, сделав несколько шагов, уткнулся лицом в стелющиеся ветви низкорослого дерева. Словно он надеялся, что дерево спасет его. Перебегая от одного к другому, к третьему, Бектемир искал у деревьев помощи.

Самолеты пронеслись совсем низко над верхушками. Лес наполнился свистом пуль. На Бектемира посыпались сучья.

Из-за деревьев, из травы и кустарника слышались крики и стоны.

Внезапно наступила тишина. Раненые притихли. Будто они не верили в тишину и сейчас хотели убедиться, что теперь никто не нарушает покоя.

Поредевший батальон тронулся в путь. Сейчас он не походил на боевое подразделение. Это скорее всего была группа бойцов — запыленных, грязных, усталых.

Лицо Стеклова показалось Бектемиру худым и бледным, а большие голубые глаза, прищуренные сейчас, — полными горя. Капитан пытался преодолеть боль, шагал прямо, но, сделав несколько шагов, останавливался и, кусая губу, смотрел на солдат.

— Подтянись!— вдруг крикнул он.

Знакомая команда ободряюще подействовала и на самого Стеклова и на его подчиненных.

— Подтянись!— повторил комбат.

Этой короткой командой он навел порядок в подразделении.

Нахмутив брови, капитан Стеклов упрямо двинулся вперед.

Не пройдя и двухсот шагов, батальон остановился посреди дороги. На разбитой машине и рядом с ней были груды человеческих тел. На эту машину совсем недавно положили тяжелораненых. Сейчас на ней не было ни одного живого, ни одного сохранившего человеческий облик. Только шофер машины, уткнувшись носом в землю, хрипел и вздрагивал. Даже старые солдаты, много раз видавшие смерть, отвели глаза в сторону. Ноги Бектемира за-

дрожали. Но все же он узнал Ахмедова и замер над его телом. Глаза невольно наполнились слезами.

— Хороший был парень, очень хороший был,— покачивая головой, произнес Стеклов.

...Батальон свернул с дороги в лес, из леса — в болото. Из болота вышел на открытое бездорожье. Долго шагал, не останавливаясь на ночлег. Только к рассвету батальон добрался до скопления таких же малочисленных, вышедших из боев, подразделений.

Глава третья

Так получилось в этой сумятице, что Аскар-Палван и Али сами не заметили, как оторвались от батальона и вынуждены были нырнуть в густой лес. Палван, ввиду своей природной беспечности, пока не придал этому никакого значения.

— Спрашивая, Мекку нашли. Пока ноги целы, будем себе двигаться,— произнес он, покручивая свои запыленные усы.

Али был доволен:

— Слава богу, вышли на край преисподней. Во всяком случае, отодвинулись подальше от напасти!

— С помощью аллаха дойдем до своих! — подбодрил Палван.

— Конечно дойдем. Не могли же мы от них далеко уйти...

Спокойствие Аскара передалось и Али. Тем более, что в лесу было тихо, и боец ни о чем не хотел думать.

Аскар-Палван, опустив голову и заложив руки за спину, словно возвращаясь, как некогда, с поля домой, солидно вышагивал, разговаривая неторопливо, вполголоса:

— Диву даюсь. Не укладывается в голове... Гм... Как звенья в цепи, были связаны друг с другом, а расстались. Эх, судьба! Судьба так всеильна, что будь ты хоть из камня сделан, одним щелчком, как орех, разобьет тебя! На войне и ангел беспощаден, дорогую жизнь не станет долго отнимать... Удар — и руки, ноги отлетают. Удар — и голова на дереве...

— И глаза смотрят вниз, на тело... Интересуются, как оно там поживает... — хрипло прибавил Али.

— Гмм... — промычал Аскар-Палван. — Все может быть, все! А где Бектемир? Что с Сафаром? Пыль смерти ослепила наши глаза. Разбрелись мы в разные стороны.

— За Бектемира я спокоен,— авторитетно заявил Али.— Голова у него работает, он сумеет постоять за себя. Но Сафар пуглив и растерян, как теленок.

— Голова, говоришь!— резко прервал Аскар-Палван.— При чем тут голова? Вон с Касымджаном что случилось. А с тем русским парнем? Говорил, что в четыре года начал читать. Одна пуля, и он рядом со мной землю прикусил, бедняга. Судьба, значит!

— Какая там судьба! Заладил: судьба да судьба. При чем тут она? От такой силы и судьба вдребезги разлетится!— сердито сказал Али.— Если тугай загорятся— что сухо, что мокро— все равно. Такие напасти, как снаряд и мина, заставят треснуть и железную крепость судьбы.— Али вдруг перестал ворчать.— Эй, куда мы идем? Есть у тебя такой компас, как у командира?

— Глаза мои— компас,— недовольно бросил Палван.— Шагай, не разговаривай.

Они продирались сквозь плотную стену деревьев. Тишина леса постепенно успокоила бойцов. Прошло немного времени, и тяжелые думы выветрились. Необычно чистая, свежая зелень дарила людям силу. Особенно для них, сыновей края, где отсутствуют леса, зрелище казалось необычно прекрасным и удивительным. Они уже побывали во многих лесах. Но тогда шли бои. Тогда свистели осколки и пули, стонали их товарищи... Сейчас все выглядело иначе. Чище, красивей, первозданней... Сейчас словно впервые они увидели лес и смотрели на него с жадностью. Стройные, могучие сосны невольно притягивали к себе взгляд. Али, восторженный, обнял одну из них.

— Ты помнишь боковую балку на потолке колхозной конюшни?— неожиданно спросил Али.

— На спине вашего брата она взобралась на крышу,— улыбнулся Аскар-Палван.

— Та балка, наверное, младшая сестра вот этого самого дерева,— Али погладил ствол.— Срубить бы, обстругать гладенько, как зеркало, и тогда строить дом. Пусть семь слонов танцуют на крыше— не качнется.

Аскар одобрительно кивнул головой. Действительно, было бы хорошо из таких деревьев построить добротный, красивый дом. И пусть в нем живут хорошие люди, пусть к ним приходят гости...

Верхушки деревьев, обнявшись, образовали большущий шатер. В лучах склонившегося к горизонту солнца через зеленоватый отблеск теней просачивалось голубое небо:

Бойцы срывали и пробовали лесные ягоды, дувствуя себя точно на прогулке. Им, привыкшим к сочным сладким плодам, лесные ягоды не понравились. Аскар-Палван поморщился:

— Какая кислятина!

— Наверное, их не едят,— сделал вывод Али.

Встретился небольшой овражек со стоячей водой, покрытой грязной пеной, Али, вытянув вперед винтовку, по стволу упавшего дерева, подобно канатоходцу, живо перебежал на другую сторону. Аскар-Палван неловко сделал два-три шага и оказался по пояс в воде. Ругаясь, он выбрался на берег.

— Не все же время красотой любоваться,— философски заметил Али.

Бойцы выбрались на возвышенность, которая сплошь была покрыта березами. Глаза Али снова заблестели. Эх, если бы мог он сейчас с острым топорком в руках срубить самое стройное деревцо и взвалить на плечи, чтобы построить хороший дом. Проклятая война! Сколько можно было за это время сделать.

— Она схожа с нашим тополем. Но ее можно назвать дочуркой тополя — гладенькая, ровненькая,— по-своему определил Али.— Посмотри, как свеча. А кожица ствола нежная, будто шелк. Так и поблескивает.

— Если бы одно из тысячи этих деревьев было яблоней или грушей, русский край можно было бы назвать раем,— медленно и веско сказал Аскар-Палван.— Пошли туда, вниз.

И он стал спускаться.

— Эй, дурень, куда?— закричал Али.— Ведь нога человека там не ступала.

— На дорогу или в деревню выйдем. Не весь же мир покрыт деревьями?— ответил Палван, не останавливаясь.

Скоро перед их глазами открылась полянка, поросшая густой травой. Как толпа людей обступает в день, большого кураша площадку борьбы, так лес со всех сторон обступил полянку.

— Эй, «компас», самый точный! — съехидничал Али.— Удивляюсь тебе. Не различаешь, где право, где лево, а еще знатоком себя считаешь.

— Выйдем. Говорю, что выйдем,— упрямо твердил Аскар-Палван, тяжело опускаясь на траву.

— Нет, ты все-таки скажи, куда мы идем?

— Примерно на восход солнца, куда же еще?— прерывисто дыша, произнес Аскар и, сняв каску с головы,

положил ее рядом.— Весь лоб отдалил этот чугушый колпак!

— Нужный камень не тяжел,— заметил Али, удобней устраиваясь на траве.— Этот самый колпак для нас — как панцирь для черепахи. Ведь только вчера около тебя мина взорвалась. Если хочешь знать, осколок ее стукнулся о самую мою голову. Ничего, обошлось. Шишка только вскочила, но остался жив-целехонек. И колпак ничего. Стал лишь кривой, как колхозный кузнец Азим.

Али снял каску с продавленным боком и, потрогав шишку на голове, снова надвинул на самые глаза.

Помолчав, боец провел рукой по животу и недовольно заворчал:

— Ой-бой, что-то внутри посасывает, горько... Сколько можно без еды жить?

— А у меня? Аппетит мой разинул рот карнаем, бросай, мол, что угодно.

Аскар-Палван, прищутив глаза, посмотрел на лес, тянувшийся до самого горизонта и подернутый каким-то зеленоватым дымком.

— Тишина-то какая!— почти шепотом произнес Палван.

Но вдруг невдалеке зашуршала листва: бессильно упали осколки.

— Ого, и здесь напоминает о себе немец,— оглянулся по сторонам Палван.— О боже! Что он здесь делает? Никого же нет вокруг? А может, это партизаны? Вот бы встретиться с ними! Накормили бы нас и вывели на нужную дорогу... Ну, что скажешь?

— Что скажу? Бог дал тебе целый батман силы и только один мискал разума!— раздраженно проворчал Али.— Если немец прорвал плотину, можешь теперь встретить его где угодно. Вставай!

Аскар-Палван неторопливо поднялся, и товарищи, поразмыслив, свернули в сторону.

Наступал вечер. В этом тихом лесу день устало закрывал свои глаза. Подходило время сна.

В лесу темнеет раньше, быстрее.

Бойцы улеглись на мокрой траве. Несмотря на усталость, они долго не могли заснуть. Ветер наполнил лес таинственными шорохами. Ночную тишину изредка нарушал гул. Это высоко в звездном небе пролетали самолеты.

На рассвете друзья, крепче подтянув ремни, отправились в путь. Шли молча, сберегая силы.

Все явственнее слышался гул моторов. Не было сом-

нения, что где-то вблизи дорога. Аскар-Палван внимательно, изучающе посмотрел вперед.

— Дорога!— воскликнул он.— Наши идут по дороге. Смотри, Али!

— Вижу, «компас»,— не сдержался друг.— Пошли быстрее.

Через несколько минут они вышли из леса.

— Теперь никуда не свернем!— обрадованно крикнул Али.— Если и помрем, так уж на самой дороге. Боже, никого не заставляй шататься по лесу.

По дороге нескончаемым потоком двигались машины с солдатами. Машины, груженные военным снаряжением, были искусно замаскированы ветками. Здесь же, в пыли, медленно шли женщины, дети, старики. По обе стороны дороги, настороженно рассматривая этот поток, стояли молчаливые деревья.

Аскар шагал по обочине дороги уверенно, широко. Стараясь не отстать от друга, за ним катился шуплый Али.

Мучительной, шумной дороге, казалось, не будет конца. Только к вечеру подвела она друзей к городу— маленькому, чистому, зеленому. Хотя на улицах было много солдат и шли военные машины, ужас войны здесь пока не чувствовался. Но город готов был уже к отпору. На стеклах окон были наклеены крест-накрест узкие полоски бумаги. По улицам патрулировали солдаты. У зенитных пушек дежурили артиллеристы. Фронт был далеко, но мало ли что может случиться.

Как в мирное время, не обращая на бойцов внимания, спешили девушки.

Они знали, что на них смотрят восхищенные глаза, слышали и грубоватые солдатские шутки.

Всем своим равнодушным видом девушки давали понять: «Можете говорить что угодно...»

Равнодушие придавало им особую прелесть, они еще больше расцветали от своих легких, скромных улыбок. Иногда острым словом они заставляли покраснеть шутника, вызывая хохот его товарищей.

Шутник только разводил руками:

— Ну и девка... Отбрила— и все тут.

Али тоже решительно остановился, намереваясь сказать что-то проходившей мимо молодой работнице. Аскар-Палван сердито тряхнул его за плечо:

— Не прибавилось в тебе разума! Состарился, а все еще нет мужского достоинства. Тебе ли распутничать?

— А сам-то? Как верблюд тянется шеей в цветник, так и ты заглядываешься на каждую девушку! — сердито отрезал Али.

— Ладно, ладно. Пойдем вон туда. Там, должно быть, веселое зрелище.

В самом центре города, на площадке, окруженной цветами, уже поблекшими от дыхания осени, веселятся бойцы. В центре круга танцуют несколько девушек — живо, быстро, задорно. Развеваются пышные, золотистые волосы, выбившиеся из-под белых, красных и зеленых беретов.

С дымящимися самокрутками в губах втиснулись в ряды озорно кричащих бойцов Аскар и Али. Удары широченных, как рукавицы для отделки лепешек, ладоней Палвана привлекали внимание.

— Вот силища.

— Да, руки бог дал ему. Позавидуешь...

В круг вошли несколько бойцов. Солдатские сапоги гулко топали по асфальту. Плясуны ловко ударяли ладонями по коленям, шли вприсядку, пронзительно свистели. Увлеченный гармонист тоже выскочил в круг.

Когда веселье было в самом разгаре, площадь внезапно наполнилась гулом. Через город проходила артиллерийская часть.

Танцы прекратились.

Сейчас земляки вспомнили, что они по-настоящему голодны. Палван попросил друга подождать у площадки, сам куда-то сбегал и принес буханку хлеба. Али был вне себя от радости.

— Вот это понимаю — солдатская сноровка. Молодец, Аскар!

— Спрячь! — Аскар протянул хлеб.

Али проворно засунул хлеб за пазуху, предварительно отломив кусок.

Палван, покручивая реденькие усы, хитро прищурил глаза, произнес:

— Здесь, земляк, не следует вешать носа!

— Ча-чай-чайхана, — произнес Али, с трудом прожевывая хлеб. — Вот бы в чайхану. Как ты думаешь, Аскар?

— Это было бы здорово!

— Но где найти чайхану?

Внимательно осмотрев несколько улиц, бойцы не обнаружили чайханы.

— Город-то хороший, чистый, а вот про чайхану забыли.

— Русские не ценят чай,— с сожалением добавил Палван.

— Город без чайханы некрасив, как чапан без рукава,— вынес решение Али и подозвал мальчишку лет десяти-одиннадцати.

Положив руку ему на плечо, боец спросил:

— Где-нибудь чайхана есть в городе?

Мальчик попытался назад и удивленно ответил по-русски:

— Что сказали?

— Чайхана... Большой самовар, сидишь, чай пьешь,— смеясь, косноязычно перевел Али свою же просьбу.

Мальчик, с ног до головы осмотрев бойцов, улыбнулся.

— Чай? Это можно... Пойдемте со мной,— он показал рукой.

Бойцы, ускорив шаг, двинулись вслед за побежавшим мальчиком. Они свернули на маленькую улицу.

Конечно, никакой чайханы, где собираются любители почаевничать, они не видели, а вошли в темную комнату. Мальчик провел бойцов через набитую разной утварью переднюю, где гудел всюду примус, и поманил мать во двор. Через минуту он вернулся и пригласил бойцов в комнату. Над большим столом сверкала электрическая лампочка. Аскар-Палван, чуть прищурившись от света, благодарно улыбнувшись, посмотрел на хозяйку — женщину средних лет, рыжеволосую, высокого роста. На ее лице, несколько поблекшем от забот, он заметил какое-то внутреннее волнение и испуг.

— Хорошо. Рахмат. Чай есть?— спросил Аскар-Палван и, вытащив из-за голенища свой неразлучный острый нож, разрезал им хлеб. Женщина смотрела то на нож с красивыми узорами на ручке, то на неожиданных гостей. Потом, не скрывая своего недовольства, повернулась и ушла в переднюю.

Али, наполнив рот хлебом, жевал с большим аппетитом. Его взгляд неторопливо скользил по обстановке, расположенной, словно принадлежности куклы у девочки, в строгом порядке.

— Вон, оказывается, и патефон есть,— кивнул он.— После чая послушать бы разок. Может быть, Халима-ханум споет какую-нибудь чудесную песенку!

Аскар-Палван глубоко вздохнул:

— Однажды я пластинку «Румалым» купил! Вот радость была, вот времечко! Все теперь прошло, уплыло.

Хозяйка поставила на стол большой медный чайник, стаканы и беспокойно взглянула на двери.

— Марджа, садись, бери хлеб!— пригласил Али.

— Муж есть? На фронте? Скучна-а, да?— спрашивал Аскар-Палван, осторожно поднося к губам горячий стакан.

Женщина сидела молча, рассматривая людей, разговаривавших на незнакомом языке. Вдруг она, побледнев, встала с места.

Бойцы многозначительно переглянулись.

— Для этой милашки мы как стружка в глазу,— произнес Аскар-Палван, почувствовав себя неловко.

— Пей скорей. Пойдем отсюда. Она боится нас,— продолжал Али.

— Нужно идти. Хватит чаевничать.

Но хозяйка, поняв, что они собираются уходить, внезапно изменила свое отношение к неожиданным гостям.

— Да вы сидите, пейте чай, отдыхайте. Пожалуйста, сидите.

Она взяла с полки фотографии, разложила их на столе и, показывая каждую отдельно, принялась объяснять, кто и когда был запечатлен на этих снимках.

Хозяйка рассказывала неторопливо, но ее глаза, полные тревоги, невольно то и дело посматривали на двери. Не успели еще бойцы допить чай, как в сенях раздались гулкие шаги. И вот в комнату вошли два милиционера. Один — небольшого роста, круглый, полный старик с наспуленными бровями, усатый; второй — молодой, высокий, сухощавый. Должно быть, от быстрой ходьбы они дышали прерывисто. С ними пришел и мальчик, он стал у дверей, прислонившись к стене, по-взрослому серьезный, гордый. Заметив разложенные на столе фотографии, мальчик хмуро посмотрел на мать.

Полный старик решительно, грубо приказал:

— А ну-ка покажите ваши документы.

Аскар, не поднимаясь с места, спокойно начал шарить за пазухой. Али, нервно скривив губы, встал с места и осторожно сделал шаг. Он намеревался взять и повесить за плечо прислоненную к стене винтовку. Молодой милиционер вырвал винтовку из его рук, тщательно осмотрел ее и снова приставил к стене.

— Не тронь.

— А ну давай винтовку! Давай! Видали его?!— закричал Али.— Это моя винтовка. Как вы смеете распоряжаться?

— Не кричи!— зло взглянул на него милиционер.— Без криков разберемся, что вы за типы.

Старик вертел документы в руках, долго, внимательно рассматривал их, даже поднял на свет. Будто разочаровавшись, протянул своему товарищу. Тот смотрел то на бумаги, то на владельца, затем бросил красноармейские книжки на стол. Старик, тяжело опустившись на стул, еще раз многозначительно осмотрел бойцов:

— Значит, свои. А откуда вы взялись? И куда путь держите?

Бойцы переглянулись и только вздохнули.

Описать все приключения было чрезвычайно трудно. Знакомые русские слова, словно ведро из колодца, выходили наружу с огромным трудом. Али, пытаясь объяснить, что он из колхоза «Красная звезда», даже вспотел.

— Понимаешь... Красный... Ну красный...

Он никак не мог сказать по-русски «звезда». Наконец, сообразил показать на звезду. Старый милиционер засмеялся, тряся животом, и, повернувшись к растерянному мальчику, произнес:

— Что, богатырь! Вот мы и взяли за горло фрицев! Приказывай, как с ними справляться.

— Сказал, что в доме у них сидят шпионы. Целых два. Ну мы и побежали сломя голову. Шутка ли сказать? Фрицы!— пояснил другой милиционер.

Мальчик виновато отвел глаза. Но кажется, он хотел еще постоять на своем:

— Надо хорошенько дознаться. Возможно... Кто там знает еще... Кто они такие? А может...

— Оставь, Миша, свои глупые подозрения,— перебила мать.— Они наши. Посмотри на них. Они из Средней Азии. Знаем «Ташкент — город хлебный». Ты не читал эту книгу...

Бойцы до сих пор думали, что вся эта история просто одна из проверок, самых обычных в дни войны. Теперь стало ясно, в чем дело. Палван расхохотался. Али сердито покачал головой:

— Надо же, за шпионов приняли.

— Нечего обижаться,— добродушно заметил старый милиционер.— Война. Нужно брать на заметку каждого, кто вызывает малейшее подозрение. В городе, да и вокруг него, нередко встречаются шпионы. А вы уж нас извините, друзья.

— Ничего, ничего,— примирительно сказал Аскар.

Милиционеры, закурив, попрощались и вышли из комнаты.

Хозяйку точно подменили. Она стала такой, какой была в жизни.

На столе появились варенье, сахар, печенье.

— Пожалуйста, пейте, ешьте.

Бойцы не заставили повторять приглашение.

За чаем хозяйка рассказала о муже, ушедшем на фронт, о своей работе и жизни.

— Как я испугалась, когда узнала, что у меня в доме шпионы, — откровенно призналась она. — Даже сердце остановилось, ноги отнялись.

Аскар, улыбаясь, покачал головой.

— Надо такое придумать, — рассмеялась хозяйка. — А ведь я на всякий случай присмотрела в сених топор. Кто знает, чем бы все это кончилось, пока не пришла помощь...

Мальчишка, вначале чувствовавший себя виновным и потому сидевший с насупленным видом, понемногу оживился. Он притащил и раскрыл свои тетради, отцовские книги, стал показывать картинки.

— Что сейчас на фронте, а? — спрашивал он. — Бьем мы фрица?

С деловым видом Миша высказал несколько личных замечаний о положении на фронте.

По его рассуждениям выходило, что войну ведут одни танкисты. Была бы возможность, он, кажется, сейчас же забрался бы в танк и отправился на фронт. Расспрашивая о танкистах, он сам приводил примеры их отваги, героизма.

Хотя джигиты понимали только кое-что, огонь в глазах юного «бдительного воина» покорял их.

Когда огромные, красивые стенные часы солидно пробили девять раз, Палван, моргнув другу, поднялся:

— Спасибо!

— Куда же вы? Оставайтесь ночевать.

Гости невольно переглянулись, заколебались. Хозяйка, видя их нерешительность, быстро отодвинула столы и стулья в сторону, постелила на полу. И бойцы, не раздеваясь, легли на эту постель. Свет погас.

...Шум, заполнивший тесную комнату, заставил в одно мгновение освободиться из крепких объятий сна и вскочить на ноги. Палван, споткнувшись в темноте, стукнулся головой о шкаф. Ноги застряли в стульях. Он никак не мог их вытащить, задвигал, застучал.

Девочка, лежавшая в кровати у изголовья бойцов,

пронзительно заплакала. Хозяйка, хлопотавшая в темноте, растерянно кричала:

— Миша, лампу, штепсель... Ах, проклятые собаки, и до нас дошли. До города нашего. Миша, беги к тете Марусе. В подвал, к тете Марусе!

В небе нарастал гул фашистских самолетов. Стали глухо взрываться бомбы. Сквозь вздрагивавшие стекла можно было видеть огонь. Солдаты, взяв на руки девочку, протянули ее матери:

— Успокойте... Укачать надо...

Миша по-взрослому зло ругал фашистских стервятников. Схватив мать за руку, он, босой, без шапки, потянул ее во двор.

Хозяйка, прижимая ребенка к груди, послушно шла за сыном.

Бойцы наощупь разыскали винтовки и выбежали на улицу. Погруженный в дым и пламя, полумесяц на небе, искривленный словно от боли, блестел тускло, печально. Бомбы ныряли с пронзительным воем, взрывались. Земля вздрагивала, здания валились. Двери, рамы отлетали, будто у них появлялись крылья. Стекла разлетались вдребезги, осыпаясь мелким песком под ногами.

— Немцы!

— Сюда! Мама, сюда!

— Ой, что же будет!

Эти крики слышались со всех сторон.

Люди бежали из домов, бежали в ужасе. Стремясь не отстать от своих владельцев, летели вещи. Звенели стекло и металл, глухо падали деревянные балки.

Из общего шума вырывались людские голоса, крики детей и женщин, стоны раненых.

А в воздухе не прекращался гул самолетов. Бомбы беспощадно рвали богатырское тело города, большую жизнь, поднятую силой и трудом миллионов рук.

Прожекторы, вытягивая гигантские лучи, щупали бездонное небо. Зенитки огрызались металлом и огнем; А бомбы продолжали методично рваться во всех концах.

Город в пучине огня. Пламя, обглодав его и словно не насытившись, бросалось вверх, желая обнять и небо.

Дым, пыль, копоть, огонь...

Аскар-Палван и Али бегали в круговерти адского бурана, надеясь найти клочок безопасного места. Они то обнимали деревья, на которые натыкались, то прижимались к каменным стенам домов.

Снова и снова в грохоте раздавались полные ужаса голоса.

На центральной площади города бойцы застыли на месте. Здесь пожар бушевал с полной силой. В воздухе уже прекратился гул, и люди вступили в дерзкую борьбу с огнем. Аскар и Али по зову какой-то внутренней силы рванулись в охваченный пламенем дом.

— Дети там... Дети!— кричала вслед Аскару женщина.

С неожиданной ловкостью воин вскарабкался по лестницам на верхний этаж. Задыхаясь в горьком дыму, обливаясь потом, он бешено работал топором.

С первым ребенком спустился Аскар вниз и, вдохнув свежего воздуха, снова полез в облака дыма. И так несколько раз.

Али тоже пустился за другом, отдавая всю силу, тающую в его маленьком сухошавом теле. Вместе с сотней воинов они, обжигая руки, швыряли в сторону железо, кирпичи, камни, раскапывали лопатами груды земли, искали засыпанных людей.

— Вот бы кетмень сейчас достать,— сокрушался Али.— Эх, не понимают русские, что такое кетмень...

Боец вовремя отпрянул в сторону, чем и спас себе жизнь: из сарая, охваченного пламенем, с широко вытаращенными глазами выскочила лошадь. Испуганное животное мчалось прямо на Али и быстро исчезло где-то в темноте. Если бы боец растерялся — прощай жизнь...

Али облегченно вздохнул.

Рассветало. Сквозь дым и пыль постепенно начал проступать город. Улицы были полны кирпичей, земли, скрюченного металла, обугленных досок, перепутанных проводов. Валялись осколки посуды, разная утварь, поломанная мебель. Ветер листал страницы обугленных книг, качал едва державшиеся вывески.

Бледные, дрожащие люди со стиснутыми зубами стояли около своих жилищ.

Земляки, с трудом волоча обессилевшие ноги, отошли от горящих зданий и присели на корточки под искореженным, обуглившимся деревом. Они то и дело сплевывали угольную пыль.

— Какая несчастная ночь!— разглядывая пожарище, вздохнул Палван.— Не дай бог никому таких дней.

— Да... Страшно... Но зачем столько бед на мирных жителей? В чем их вина? Проклятые фашисты совсем не ведают о боге!

Вдруг земляки посмотрели друг на друга и неожидан-

но рассмеялись. Лица их от копоти и пыли стали неузнаваемыми.

— Пойдем умоемся. Вон там река,— предложил Аскар.

В медленно текшей воде плыли вещи, обрывки бумаги. Бойцы вымыли руки, протирая их песком и глиной, вымыли лицо, голову.

— А теперь как?— пытаюсь улыбнуться, спросил Палван, поворачиваясь к другу.

— Ты выглядишь, точно наши возчики угля. Отлично!— ответил Али.

Холодная вода освежила. Почувствовав себя значительно лучше, воины пошли к площади. Среди больших черных воронок, против груды земли и золы, с поникшими головами стояли дети и женщины. Палван нежно погладил золотисто-желтые волосы мальчика. Это был Миша. Лоб его сморщился, глаза смотрели печально, беспомощно. Он поднял голову, но ничего не сказал. Лицо женщины, босой, без платка, в изорванном платье, так изменилось, что бойцы едва признали вчерашнюю хозяйку.

— А как дом?— машинально спросил Палван.

— Вот!— женщина едва шевельнула губами и показала на холмик земли.

Дом, видно, был разрушен в одно мгновение. Бойцы смотрели по сторонам и никак не могли узнать вчерашнюю улицу. Сплошные развалины...

— А девочка?— страшная догадка заставила побледнеть Аскара.— Девочка где?

Женщина вздрогнула.

— Погибла она. Погибла в этой кутерьме... Нет дочурки...

— Как? Совсем пропала?— взволнованно спросил Али, поняв, в чем дело.

По лицу женщины покатались слезы.

— Не плачь, не плачь!— зачем-то произнес Палван.— Горе не только у тебя, сейчас оно у всех. А фашиста когда-нибудь постигнет месть. Самая страшная месть.

Сжав руки, женщина воскликнула:

— Бейте их, собак, чтоб ни один не остался. Бейте их, где только увидите... Ой, дочка моя!..

— Уничтожим фашиста,— глухо сказал, глядя в землю, Палван.— Семя его уничтожим.

— Марджа,— пытаюсь утешить, Али тронул женщину за плечо.— Мы никогда не простим врагу. Фашист плохой! Очень плохой!

Понурился, земляки отошли от пепелища.

Когда они уже сидели на широкой цементной ступеньке разрушенной станции и жевали хлеб, к ним неожиданно подошел знакомый лейтенант — бухарский парень. Он в лагере некоторое время обучал солдат.

— А, земляки! Как дела?— лейтенант протянул руку.

Бойцы поднялись и предпочли широко, по-узбекски, обняться.

— Курбан-ака, садитесь, ешьте хлеб,— обрадованно пригласил Палван.

— Так что вы здесь подельваете? Почему не на фронте? Пришли пожар тушить?— насмешливо осведомился командир.

Палван коротко рассказал лейтенанту о пережитых приключениях. Али изредка осторожно вступал в разговор.

На смуглом, худошавом лице лейтенанта мелькнула улыбка. Прикурив папиросу от какой-то чудной зажигалки, он вдруг строгим голосом заговорил о военной дисциплине:

— Это что же получается, друзья? Если каждый боец будет бродить где захочет, чем все это кончится?

Бойцы смущенно переглянулись.

— Так мы и войну проиграем.— Помолчав, лейтенант добавил:— А для вас это пахнет трибуналом.

— Мы не дезертиры, товарищ лейтенант!— тяжело топтался на месте Палван.— Так получилось...

— Ну ладно. Пойдемте. Хотя у меня нет времени, но я попытаюсь узнать, где сейчас находится ваша часть.

Аскар пошел рядом с лейтенантом.

За двумя богатырями покатился на коротеньких ножках Али.

Глава четвертая

Бектемир, положив винтовку на колени, немного вздремнул, чутко и настороженно, как птица. Внезапно вздрогнув, он поднял голову и открыл глаза. В его груди все сжалось: только что ему снились горы родного края, где он вырос и где ему был знаком каждый дикий камень, каждая тропинка, где в зарослях арчи гуляет приятный, веселый ветерок.

Он даже увидел баранов с большими подпрыгивающими курдюками. Он даже услышал клекот воды, скачущей по камням, переливающейся на солнце. И захотелось чабану, чтобы сладкий сон повторился. Закрыв было глаза,

он невольно улыбнулся. «Вот и стал я похож на Насредина, который сожалел, что ему не удалось во сне сосчитать петухов!» — подумал про себя Бектемир. Приподняв тяжелую каску, опущенную по самые брови, он воспаленными от недосыпания глазами взглянул вокруг себя: был туманный, осенний рассвет.

Деревья с переломанными ветвями, почерневшие от пожаров, погрузились в какое-то страшное безмолвие. Вдали, из-за смутных очертаний возвышенности, выползла густая черная завеса, она тяжело стелилась над землей. Наверное, это горела всю ночь, обнимая небо дымом, деревня.

Ночью огонь большого пожара казался Бектемиру очень близким.

«Где-то рядом горит, — думал он. — Каждую ночь. Сколько деревьев превращается в золу!»

Боец снял мешочек с шеи, развязал его и вытащил кусок хлеба, остатки сахара и большой кусок колбасы. Колбасу он брезговал есть. Другие узбеки, прибывшие на фронт раньше его, с аппетитом уминали ее, словно она была из конины, домашнего приготовления. Они упрашивали Бектемира, а иногда и дразнили:

— Ну что особенного? Мясо. Обыкновенное мясо...

— Нет, — упрямо твердил Бектемир, — не буду.

Сейчас Бектемир толкнул молодого русского бойца, который сидел рядом с ним, дымя папиросой:

— На, возьми... В узбекском законе нет этого... свинина.

Боец неуверенно взял колбасу.

— Спасибо. Но вообще закон твой не годится. Бросай его. Приучайся жить по-солдатски.

Бектемир, не желая спорить, только махнул рукой и крепкими зубами стал хрустеть... Сахар и хлеб. Это было хорошо, вкусно. Вот если бы сейчас чайник крепко заваренного зеленого чая! О! Бектемир в этом деле понимал толк!

В летние дни, когда чабану приходилось пасти коров, он даже не обращал внимания на молоко. Но зато под маленьким черным кумганом огонь почти никогда не потухал. Когда прозрачная горная вода начинала klokотать, Бектемир, размяв на ладони в порошок заварку, бросал ее в кипяток.

Потом, растянувшись на траве, с наслаждением вдыхая аромат, не спеша, с достоинством тянул этот неповторимый напиток.

Сейчас Бектемир из фляги сделал только несколько глотков и снова закрыл ее — он берег воду.

— Ты фрица хоть одного уложил? — с лукавой искоркой в голубых глазах поинтересовался русский.

— Нет, — уставившись, в землю, вздохнул Бектемир.

— Боишься, что ли, их?

— Ты сам боишься, — бросил Бектемир, широко раскрыв черные, большие глаза.

Лицо Бектемира, только что по-детски ласковое, простое, теперь сразу стало сердитым, гордым.

Русский даже удивился такой перемене и, оглядев с ног до головы этого широкоплечего, по-видимому, сильного парня, виновато улыбнулся:

— Не обижайся. Я так сказал. Просто интересно. Знаю, среди вас много хороших солдат. Один твой земляк, по фамилии Камбаров, около Смоленска такое показал фрицам... Эге!

— А где он сейчас? — наклонился вперед Бектемир, заинтересовавшись таким сообщением.

— Убит.

Бектемир, ошарашенный, с чувством горького сожаления покачал головой. Он молча, как всегда, с большой охотой принялся чистить винтовку. Не придавая значения своей одежде, он бережно, любовно относился к оружию.

Когда Бектемир привел в порядок винтовку, он внимательно посмотрел по сторонам. Вон и Али. Шинель у него до самых пят. Боец сосредоточен, напряжен. К Али подошел и присел на корточки Аскар-Палван. Бектемир поинтересовался, как земляки провели ночь.

— Хотя гром на небе не прекращался, но немножечко все же уснули... — степенно ответил Аскар-Палван.

— Какой уж там сон! — скривил губы Али. — Большой запас пороха, видно, у этого самого гада.

— Если даже наши стреляют, то все равно кажется, что немец! — прищурил глаза, вставил Аскар-Палван. — Не так ли?

— Откуда это ты все знаешь? — Рыжие усы Али задрожали.

Вытащив из-за пазухи сверточек превратившегося от сухости в пыль насвая, он кинул щепотку под язык.

— Если бы даже привезли с собой целый батман, и то, наверное, поберегли бы, — заметил Бектемир. — Нужно учиться такой бережливости.

— Курим, пока курится, — смакуя табак и выплыв-

вая слюну, произнес Али.— Кругом одна смерть: сейчас я существую, а через минуту, возможно, отправлюсь в путешествие на тот свет.

— Верно,— согласился Бектемир.— Базар смерти в самом разгаре. Но, слава богу, пока живы.

Али повернулся и, безнадежно махнув рукой, пошел. Бектемир с грустью глядел ему вслед.

— Вспоминая детей, поплакал ночью,— догадался Аскар-Палван.

— Да. Нелегко ему,— подтвердил Бектемир.

Аскар-Палван тоже откровенно признался, что истосковался по маленькой дочурке.

— Как она лепечет, вертится вокруг. «Папа, папа!»— стоит только войти в комнату.

— Друг, пусть пришлют карточку твоей дочурки. Напиши домой,— только так Бектемир мог почувствовать земляку.

— Знаешь, в нашей стороне вряд ли отыщется фотограф.

— Найдется!— уверил Бектемир.— Ты напиши. Пусть карточка будет у тебя.

Аскар-Палван, словно почувствовав облегчение, выпрямился во весь свой рост:

— Обязательно напишу.

Потом они снова заговорили о войне. Бектемир пожалел, что до сих пор ему не пришлось участвовать в настоящем бою.

— Не поймешь, что это за бой,— согласился Аскар-Палван.— Только одна перестрелка минами, снарядами. Да с неба еще постреливают. Если уж бой, так чтоб был настоящий!

— Ты что, пришел с немцами бороться, как на кураш?— засмеялся Бектемир.

— Нет. Вот если дерутся саблями или, скажем, ножами— это бой. А сейчас человек— словно муравей. Его придавит, и не заметишь.

— Верно, но есть богатыри, которые проявляют себя и в этом железном аду. Просто нужно уметь воевать.

Аскар-Палван задумался и не успел еще ответить, как артиллерия наполнила воздух протяжным гулом. Бектемир невольно сжал винтовку. Гул нарастал с каждой минутой. И вот уже стремительно взлетают вверх комья земли и оседают пылью, смешанной с огнем и дымом.

Что делать Бектемиру, в кого стрелять? Он лежит, кусая от злости губы. Как он желал смерти гитлеровцам,

покрывшим все вокруг пламенем. Если бы по велению судьбы какое-нибудь несчастье вмиг поглотило их и наступил повсюду покой и мир!

Но этого не случится. Враг существует, враг наступает, и его нужно уничтожать своими руками.

Бектемир переполз в одну из ближайших зияющих воронок. Теперь мины начали разрываться в значительном отдалении от него.

Опять вдали показались черные танки. Они стремительно приближались, стреляя на ходу. Но и перед ними стали рваться снаряды. Одновременно три машины, словно пораженные параличом, остались стоять неподвижные, обессиленные. Бектемир, обрадованный, отпустил крепкое словечко:

— Так ему... Так...

И вот уже совсем неожиданно из леса со скрежетом и лязгом выскочили около двадцати советских танков.

Они неслись вперед, словно давным-давно ждали минуты, когда можно будет рассчитаться с врагом.

Немецкие солдаты, следовавшие за своими танками, растерялись. Они начали в панике отступать, падая, поднимаясь и снова падая. Бектемир принялся стрелять, ему захотелось выбежать вперед. Но он вспомнил, что этого делать без приказа нельзя.

А навстречу шли новые и новые танки гитлеровцев.

Враг решил во что бы то ни стало прорваться вперед.

«Что же делать?— Бектемир посмотрел по сторонам.— Отступать? Что я, трус... Ведь никто не двигается с места».

— Гранаты к бою!— пронеслась по цепи команда.

Тут только Бектемир вспомнил, что есть надежное оружие против танков. Но он волновался. Свои две гранаты он бросил в спешке, хотя и со всей силой. И гранаты разорвались значительно ближе, чем предполагал боец. Бектемир обругал себя.

Вот его друзья, опытные бойцы, встретили врага хладнокровней, действовали умело. Одна за другой летели гранаты. А как отважно дрался сибиряк Дубов. Гранаты он швырял, встав во весь рост. Его будто не касалось, что вокруг свистят дули. Одну за другой перехватив две пущенные немцами гранаты, он моментально отправил их хозяевам.

— Вот это здорово!— восхитился Бектемир.— Ловит и бросает, как мячики.

Когда передние вражеские танки застыли на месте, а остальные повернули назад, прозвучала команда к атаке.

Бектемир увидел впереди капитана Стеклова. Громкое «ура» потрясло воздух.

Бектемир вскочил с места и, крепко держа перед собой винтовку, побежал вперед. В этот момент все его существо было охвачено каким-то особенным чувством. Бектемир бежал изо всех сил. Казалось, он летел на волнах мощного «ура».

Однако ноги фашистов были еще проворнее.

Бектемир, задыхаясь, посмотрел вокруг. Помутившимися глазами он искал хотя бы одного вражеского солдата. В поле кипел штыковой бой. Усатый боец схватился с тремя немцами. Бектемир побежал ему на помощь. Один из немцев уже показал пятки. Когда же Бектемир подбежал ближе, усатый ударом опрокинул второго и напал на последнего...

«Усатый, конечно, убьет и этого!» — подумал про себя боец и погнался за убегающим немцем. Минувя тяжелый вражеский танк, окутанный дымом, он выскочил прямо наперерез немцу. Гитлеровец от неожиданности замер на мгновение, но, вдруг крепко сжав автомат двумя руками, высоко поднял его, намереваясь раздробить голову Бектемиру.

— Боец рванулся на врага!

— Или ты, или я!

Колебание и трусость — это смерть. И Бектемир, подскочив беркутом, вонзил в живот фашиста штык. Вонзил резко, со всей силой. Немец, покачнувшись, судорожно глотая воздух, стал падать, автоматом задев бойца. Убить врага вот так, руками, — это уже другое дело! Так думал Бектемир.

Будто исчез какой-то камень, давивший на сердце. Облизывая пересохшие губы, задыхаясь, боец устремился дальше. Перепрыгивая через трупы, воронки, сломанные мотоциклы, он бежал со своими друзьями за отступающими гитлеровцами, догоняя их пулями.

Торжествующее «ура» не утихало.

В этом громе был и голос Бектемира.

Боец, преследуя врага, сейчас ощутил опьяняющее наслаждение. Ведь недаром голодного волка, который бежит из овчарни с ягненком в зубах, преследуешь до тех пор, пока он, лишившись ног, падает ничком.

Внезапно сзади раздался голос: «Ложись!» Это предупреждение не сразу дошло до сознания бойца. Команда звучала в ушах, а он бежал.

Оглянувшись, Бектемир увидел в нескольких метрах

от себя распластавшихся бойцов и тоже бросился на землю. В горле у него пересохло, в глазах потемнело. Смертное дыхание пуль, со свистом пролетавших над ним, напоминало, что нужно быть осторожным. Через некоторое время Бектемир, приподняв голову, посмотрел вокруг. Не видно врага.

«Хорошо замаскировались, собаки», — подумал Бектемир, и пули гитлеровцев подтвердили эту мысль.

Они посыпались градом. Бектемир решил переменить место. Ползком он добрался до засыпанного землей, чуть-чуть торчавшего пня и притаился за ним. Отсюда, словно охотник, разыскивающий добычу, острым взглядом посмотрел в сторону противника. Лежал он долго, а вражеский огонь не утихал. Вот впереди шевельнулась пожелтевшая трава.

Ветер? Нет. Трава вокруг, стройные веточки на корнях низких кустарников стояли неподвижно. Боец не сводил глаз с подозрительного места. Он заметил темное, едва различимое тело гитлеровца, который ползком двигался к нему. Бектемир выстрелил. Немец застыл неподвижно. За травами, кустарниками можно было заметить торопливые движения других немцев. Боец выстрелил еще несколько раз. Оттуда не отвечали. Бектемир хотя и не видел результатов своей стрельбы, но был счастлив.

— Хоть один из вас потерял кровь! Здорово!

Но когда кустарники зашевелились и под прикрытием своих минометов фашисты начали продвигаться вперед, Бектемир с ужасом обнаружил, что у него кончились патроны.

Солдат без патронов — ножны без сабли. Бектемир оглянулся назад и, заметив два трупа, пополз к ним.

Один из убитых — молодой боец. Бектемир знал его, веселого, бодрого парня. Как он ловко отплясывал! И совсем недавно. А как свистел, как ловко подражал крику петуха!

Второй, казанский татарин, был его товарищем. Встречаясь с Бектемиром, он обыкновенно говорил: «Эй, малай, как жизнь?»

Вот и этого нет.

— Вы еще отомстите, — шептал Бектемир, вытаскивая из их подсумков патроны. — От этих пуль не один еще немец ляжет.

...Почти два часа продолжался бой. Только с наступлением темноты он постепенно прекратился. И сразу же воздух показался особенно приятным, необычным. Бек-

темира словно вытащили из душного, зловонного подвала. Сильная, широкая грудь дышала ровно. Твердая земля под боком показалась мягкой, ласковой. Эта земля была для него дорога, любима. Она была маленьким клочком, очищенным от грязной ступни врага; она была вырвана у врага ценою крови, гнева и мук Родины.

Глава пятая

Над деревьями с ободранными ветвями редкие звезды устало открыли свои глаза. Бектемир долго смотрел вверх. Из его сознания на время исчезла тяжелая тень войны. Сердце наполнилось щемящей болью. Вновь нахлынули воспоминания. Но они оборвались, когда упрямый, назойливый запах солдатской пищи стал щекотать обоняние. Голод давал о себе знать. Бектемир даже проглотил слюну, поглядывая в сторону кухни.

Старшина, длинный как каланча, которого узбеки звали между собой «лайлак», начал распределять хлеб и кашу. Бектемир, взяв котелок, побежал вслед за другими бойцами. Ковш словоохотливого повара с постоянно улыбающимся круглым лицом и в темноте не ошибся — положил норму.

Бектемир, услышав вблизи голоса своих земляков, подошел к ним, присел на корточки, деловито подул на кашу и погрузил в нее вытасченную из-за голенища ложку.

Кроша хлеб, Бектемир брезгливо посмотрел на свои руки:

— Три дня, как они не касались воды!

— Похлопай руками о землю и считай, что ты содер-
жил омовение. Душа посветлеет, — улыбнулся Аскар-Палван.

— Очень мы загрязнились, — тихо и смиренно вздохнул Сафар. — Что делать...

Звякали ложки о дно котелков. Бойцы ели с аппетитом. Каша была вкусной. Вслух хвалили повара:

— Молодец!

— Просто мастер! Чудесная каша!

Только Али был недоволен. Но не поваром, а старшиной.

Покончив с кашей, он сообщил:

— Нашему старшине не хватает щедрости!

— В нем то плохо, — согласился Аскар-Палван, — что все бы он делил и делил... Будто больше нечего делать.

— Верно. Не будь у него этой болезни, золотым парнем был бы,— добавил Бектемир.— Вот командир Стеклов совсем другой. Правда, он сердитый человек. Из-за всякого пустяка выходит из себя. Но зато никогда и ничего не делит. К тому же относится ко всем одинаково.

— Справедливый человек,— подтвердил Аскар-Палван. Земляки, скрутив козы ножки, с наслаждением закурили.

Курили молча. Только порой вспоминали прошедший бой: Бектемир, стараясь говорить спокойно, сообщил, что в коротком штыковом бою он убил немца.

— Убил?! Сам?!

Земляки радовались этой победе, словно своей.

— Сегодня охота нашего кишлака закончилась удачей,— потер. руки рябой Сафар.

— А у вас какие приятные вести?— поинтересовался Бектемир.— Например, у тебя, Палван, как дела?

Аскар-Палван не хотел рассказывать о своих удачах. Даже когда он в больших курашах не касался спиной земли и достаивался заслуженных аплодисментов, все равно возвращался домой молчаливым, с опущенной головой. Но сейчас по настоянию земляков он все-таки рассказал:

— Когда я приблизился к оврагу, дыхание у меня сперло. Вокруг дым. Хоть бы каплю воды. Но где ее возьмешь? Сижу. Потом смотрю — на противоположной стороне под низкими деревьями ползет фашист. Вижу, остановился он и застрочил из автомата вниз, по нашим. Тут же я пустил пулю. Фашист, как мячик, полетел вниз...

— Надо уничтожать их, чтобы они сыпались, как ягоды тутовника. Вот тогда можно будет спокойно жить,— сквозь зубы произнес Бектемир.

— Я тоже стрелял вовсю. Но не уверен, что пули лети туда, куда я хотел,— откровенно признался Али.

— Значит, вы стреляли, спрятав голову под мышку,— проворчал Бектемир.

— А то как же! Носом землю копал,— засмеялся Али.— Гитлер весь мир в ад превратил. Его бы этой самой проклятой миной, какую он придумал...

— И в этом аду, Али-ака,— сказал Аскар-Палван,— много совершают смелых дел. Видел Машу? Она под пулями вытаскивала раненых. Хоть и девушка, а в сердце у нее огонь десяти мужчин...

— А пулеметчик Кашкаров!— восхищенно напомнил Бектемир.— В такие места таскал патроны, что пройти

туда по земле не посмеешь. А когда он оказался среди немецких автоматчиков? Нужно было увидеть эту картину. Мы бросились выручать его с сержантом, но он швырнул две гранаты и выбрался из беды сам. Каждый день сулит смерть. Но он всегда весел, жизнерадостен.

Слова Бектемира были прерваны. Пролетев с злоеющим воем над деревьями, в стороне взорвалась мина. Рябой Сафар, испугавшись, спрятался за спину Бектемира. Все засмеялись. Сафар попытался оправдаться:

— Рискованно же. Здесь шуточки не к месту! Черт ее знает, куда она летит.

— Знает фашист. Он только услышит какой-нибудь шум — сразу посылает проклятую мину.— Али, выругавшись, поднялся с места.

— Это оттуда, издалека, стреляют наобум,— определил Аскар-Палван.

Но мины начали падать чаще и ближе. Бойцы покинули удобное место, рассыпавшись по укрытиям.

Когда обстрел закончился, по цепи передали команду: — Окопаться!

Видно, что небо здешнего края было как сито и не могло удерживать воду. Дождь лил все лето. Земля стала мягкая, рыхлая. В движениях бойцов чувствовалась усталость. Бектемир, который обычно рыл окоп быстро, сноровисто и помогал друзьям, на этот раз тоже работал без всякой энергии. Копал он долго, то и дело отдыхая, дышал тяжело. Али вслух ругал глину, налепывающуюся на лопату, и, конечно, свою «несчастную судьбу». Закончив, как всегда, последним, он подошел к землякам и прилег на бок. Снова пошли шуточки о его старости и слабости. Али, не поняв шуток, вспомнил Большой Ферганский канал:

— В Учкургане земля как камень. А я так кетменем махал, что она отскакивала. За короткое время выполнял норму. И думаете, после этого отдыхал? Нет, снова работал. Потому что сила была.

Почти все участвовали в строительстве канала. Вспомнили те веселые, торжественные дни, карнаи и сурнаи, шум и гомон могучего труда, смех, игры, пиры, где торжествовал удалой азарт молодых голосов, вспомнили богатые, полные плодов сады, а над ними щедрое, жаркое солнце.

Бойцы знали, что на хлопковых полях сейчас в самом разгаре сбор урожая. Но до сих пор никто из них не получил весточек от своих семей. Земляки догадывались, что

дела колхозные плохи, потому что много юношей ушло на фронт, и план, возможно, не выполнят.

— Что одни женщины и дети сделают?

— Да. Трудно им приходится...

...Похолодало. Сырость пробиралась сквозь шинели. Знобило.

Можно было, сжавшись в комочек на земле, вздремнуть. Но опять началась перестрелка. Она продолжалась несколько минут и снова утихла.

— Не поймешь, что делать,— ворчали бойцы.

— Смотреть в оба,— посоветовал один из командиров.— Пора привыкнуть к повадкам фашиста.

— И что он, на ночь глядя, затевает?

Вражеские ракеты огненными крыльями вздымались в небо, освещали окрестности желтоватым, холодным светом.

Вдали над деревьями, закутавшимися в черный шатер ночи, оставляя огненный длинный след, летели тысячи трассирующих пуль.

Какая-то фантастическая, кошмарная ночь...

Бектемир лежал, подперев руками подбородок, и наблюдал это зрелище. Если ему суждено каким-нибудь чудом вернуться живым, то это станет воспоминаниями, которые никогда не забудутся. Он думал: если он в кругу друзей и близких расскажет все, что видел, ему не поверят.

Сафар как-то говорил, что, впервые увидев вздымающиеся вверх за лесом тысячи разноцветных огней, он предположил, что это пиршество джинов, и поэтому до самого рассвета шептал молитвы.

— Сами джины, напялив штаны на голову, побегут от такого зрелища,— хмуро добавил Палван.

В небе послышался знакомый, размеренный гул самолетов. Бектемир поднял голову.

— Наши!— определил солдат-москвич, выглядевший самым молодым в роте.— Сейчас как по заду немцев хвтанут...

Через некоторое время запад подернулся багровым светом. Но огонь, распространяясь волнами, с каждым мгновением поднимался все выше. Издали казалось, что этот огонь может схватить весь мир. Москвич, широко раскрыв глаза, задыхаясь, кричал радостно:

— Ага! Вот так! Отлично! Богатыри, соколы! Не будет гаду спокойного сна на нашей земле! Бейте его, сволочь фашистскую...

— Ты знаешь, какой город горит?— торопливо спросил Бектемир:

— Не город. Немецкий аэродром, склады,— уверенно ответил солдат.— Так им...

— Да. Но ведь неделю назад эта земля была наша!— с горечью произнес Бектемир.

— Война! Будем терпеть. Настанет день, когда мы по-дождем и землю Гитлера!— твердо сказал москвич.— Он еще попляшет на нашем огне.

...Крепкий сон навалился на Бектемира, но он часто просыпался. Ноги сводило от холода. Однако усталость все-таки брала свое. Проснувшись, боец грязной ладонью смахнул прилипшую к лицу мокрую землю. Через голенища грубых сапог помассировал ноги.

Сквозь холодный туман как-то недобро смотрел узкий серп тусклой, печальной луны. Бектемир будто только что избавился от гнетущего, неприятного сна. Все вокруг казалось каким-то бессмысленным, неуместным, нелепым.

Постепенно Бектемир стал различать своих друзей, которые сидели съежившись. Некоторые из них медленно двигались в тумане. В этот момент кто-то положил руку ему на плечо.

— А, Дубов! Садись,— пригласил Бектемир.

Солдат присел, покрутив свои мокрые усы толстыми, грубыми пальцами. У него, словно у человека, который неожиданно нашел утерянную семью, глаза были довольные, сверкающие.

— Где ты был? Спал?..— спросил Бектемир.

— Мыши спят, забившись в норы,— ответил Дубов.— Мы ходили в разведку...

— Ну как?— оживился Бектемир.

— Э, чуть-чуть бы и отправился на тот свет. Сам не верю, что жив остался.

Бектемир не расспрашивал подробностей, ему уже хорошо известно, что может случиться на войне.

— Но получилось неплохо,— продолжал Дубов.— Заглянули в самую душу фашистов. К тому же прихватили с собой одного из них.— Дубов внимательно вглядывался в туман, словно кого-то разыскивал.— Вообще сейчас дела наши лучше... Видно, собираемся с силами. Не жить немцу на этой земле. Это уж я точно знаю. Наверное, будем наступать.

Дубов оглядел товарища, словно говорил: «Подпоясывайся крепенько, узбек! Дела ждут». Хотел еще что-то сказать, но, заколебавшись, умолк. Однако солдат не в силах был сохранить в тайне свою радость. Он по привыч-

ке, затянувшись, пустил дым вниз и, нагнувшись к Бектемиру, произнес:

— Меня хотят представить к медали...

— Поздравляю. Справедливое решение.— Бектемир тихо положил ладонь на руку товарища и поинтересовался:— А какая медаль?

— Конечно, «За отвагу»,— гордо ответил Дубов.

— А до этого как дела у тебя шли?

— Один танк поджег. Это ты сам знаешь. Девять гадов отправил в преисподнюю да несколько раз в разведку ходил.

— Счет твой, друг, солидный. Можно позавидовать.

— Но это же в течение двух месяцев. А между тем есть такие, которые в первый же день вышли из боя с орденом Ленина. Конечно, дело не в орденах. Когда я, простившись с женою, детьми, приехал сюда из далекой Сибири, разве я думал об орденах? О нашей земле, о нашей свободе я думал. Я не хочу, чтобы врагу перепала даже горстка родной земли. Не хочу, чтобы даже кусок болотистой глины враг унес на своей подошве! А сейчас что творится? Он идет, перепрыгивая через целые реки. захватывает деревни и города. Его танки ползут по косям наших людей. Желание у него одно — на Москву напасть. Хочет в самое сердце ударить... Москва ведь сердце русского народа.

— Постой, Дубов,— перебил Бектемир.— Почему русского? Зачем ты меня в сторону оттираешь? Москва — мать и узбека!— Бектемир даже пересказал товарищу смысл стихотворения «Москва — наша мать», которое он прочитал недавно в случайно попавшейся в руки узбекской газете.

— Я не буду спорить с тобой. Кремль — всем нам голова. Ленин ушел, соединив руки народов всей России. Я о другом говорю. Натура русская широка. То есть не жадная. Уразумел ты это? Но не можем мы назад шагать. Это — позор! Ведь если на твою страну напал самый оголтелый бандит, если он обращает в золу твой дом, если он вздергивает на виселицу седые волосы твоей матери, позорит жену, дочерей... Да разве перечислишь все его преступления? Что делать с врагом? Только уничтожать! Чтобы духу его не было. Правда, есть у нас и такие шкуры, которым кажется, что если их шея лишится головы, то весь мир перевернется вверх дном. Говоря правду, Бектемир, встречал я и трусов.

... — Есть такие,— согласился Бектемир.— Узбеки гово-

рят: «Трус даже телячье стадо грязнит». Верно, война трудная. Это кровь, муки. Но для джигита бежать от врага разве не хуже смерти? Удивляюсь, почему некоторые не могут понять этого? Вот я в горах жил, тысячи колхозных баранов находились в моем распоряжении. Сыт, одет. Молоко дешевле воды. Сам свободен, как ветер. Но я любил русскую землю. А она горит. Как же спокойно смотреть на пожар? Ведь это горит наша земля! Огонь подбегает к нашей жизни.

— Не подберется. Мы-то здесь на что?! Сохраним и землю и жизнь...

Дубов не закончил фразы, его позвал командир взвода.

Уже научившийся курить, Бектемир взял самокрутку у товарища и посасывал ее до тех пор, пока она не стала обжигать губы. Он думал о Дубове, о событиях последних дней.

Предутреннюю тишину нарушила советская артиллерия. Вдали, на вражеской стороне, в воздухе поднялась куполом черная пыль.

Бойцы начали готовиться к атаке. Лица их стали тревожными.

Дубов нахмурил брови и то и дело подкручивал усы. Рябой Сафар под самым боком Бектемира взволнованно прошептал:

— Скорее бы выйти из окопа!

— Зачем волнуешься?— уставился на него Бектемир.— Куда это ты заторопился?

— Не знаю, что будет на этот раз. Но нет терпения ждать. На душе тяжело почему-то,— поежился Сафар.— Скорее бы начинали бой. Ох эта неопределенность...

— Возьми себя в руки!

— Не уходи далеко от меня, брат!— неожиданно попросил Сафар.— Ладно?

Бектемир кивнул головой...

Уже давно наступил день, но солнце, словно боясь взглянуть на измученное лицо земли, своей дочери, еще не вышло из-за хмури облаков.

Прижавшись к земле, лежат солдаты. Лежат в ожидании команды.

И вот слышится зычный голос:

— За Родину! Вперед!

Один за другим поднимаются бойцы. Сжав винтовки, они бегут туда, где притаился враг.

Впереди пехотинцев мчатся танки. Люди в шинелях

и касках среди железных чудовищ, сотрясающих землю, показались Бектемиру слабыми, бессильными. Он невольно сравнил их с маленькими цыплятами, на которых напала стая беркутов. Но он уже знал силу людей, верил, что перед их волей, напоенной гневом, ненавистью, перед их отвагой не устоят железо и камень.

Бектемир бежал рядом с друзьями. Теперь он знал, какое огромное счастье быть вместе с ними. Самый опасный враг не страшен.

— Вперед! Вперед!— не смолкают голоса командиров.

Бектемир бежит по полю. В глазах у солдата упорство, на лице твердость. Он идет не за тем, чтобы стать кормом для смерти, а за тем, чтобы одолеть ее.

В такое решение солдат поверил и не изменит его.

Он идет против сильного, хитрого, дикого врага, топчущего своим кровавым сапогом священную землю. Враг когтями вцепился в грудь его Родины. Чтобы врага выгнать, надо пройти через стену огня, через свинцовый ливень. Надо шагать по земле, каждый вершок которой, сотрясаясь от ужаса, горел и задыхался.

Трудно пройти так называемое «ничейное» пространство. Что в сравнении с ним «волосяной мост» над адом, по которому, как утверждают верующие, надо пройти, чтобы попасть в рай!

— Вперед! Вперед!— подгоняет команда.

Бектемир и без нее побежал быстрее.

— Вперед! Вперед!

Вот упал один из бойцов. Второй... пятый...

Бектемир увидел, как покачнулся командир, и сразу кинулся ему на помощь. Младший лейтенант, могучего телосложения, по-крестьянски скромный и простой, лежал беспомощно.

Бектемир помог командиру взвода проползти до ближайшей воронки. Здесь он перевязал ему разбитые ноги. Младший лейтенант, прикусив губу, с сожалением произнес:

— Как жаль, что так быстро задело! Проклятая невезучесть! Нужно же, в самом начале боя...

Бектемир, нагнувшись, предложил:

— Садись, вынесу.

— Спасибо! Не надо. Вперед иди...— ответил младший лейтенант.

Широко открытые глаза Бектемира выразили удивление. Он все еще настаивал:

— Садитесь же.

— Иди вперед! Как-нибудь уж поползу сам. Иди,— приказал командир.

Бектемир еще раз осмотрел младшего лейтенанта. Как же он один останется?

Словно поняв мысль бойца, командир натянуто улыбнулся:

— Ничего... Подберут... Иди...

Бектемир побежал вперед, но вдруг перед ним взорвалась мина. Он кинулся на землю. Через мгновение снова вскочил. Ничего не видя, ничего не чувствуя, он бежал, казалось, долго-долго. Вдруг какая-то внутренняя сила опять швырнула его на землю. Рот был полон земли. Затошнило. Бектемир сплюнул, начал искать флягу.

— Друг,— раздался рядом чей-то голос.— Ты посмотри.

Бектемир растерянно повернулся. Недалеко от него лежал боец.

— Ранен ты. Посмотри!— он показал на локоть. Бектемир осмотрел левую руку — от плеча до пальцев. Затем взглянул на правую. Повыше локтя из продырявленного рукава сочилась кровь.

Бектемир заполз за бугорок. Осторожно освободил руку. Рана заставила его вздрогнуть — обнаженное мясо было разодрано. Подвигал рукой — болит, но работает. Видно, кость не повреждена. Здоровой рукой Бектемир перевязал рану.

Конечно, сейчас он имеет полное право покинуть поле боя. Что тут плохого? В санбате ему сделают настоящую перевязку. Говорят, там, в санбате, хорошо. Покой, питание, постель — все честь честью. И нет никакого риска. Даже пошлют в какой-нибудь госпиталь. До тех пор, пока не заживет рана, он будет чувствовать себя великолепно. Разве не встречались бойцы, которые из-за пустячной раны на пальце бежали в санбат?

Да... Но не о них ли говорил Дубов? Конечно о них.

Бектемир, потирая лоб здоровой рукой, раздумывал. После мгновенного колебания он твердо решил:

«Нет, у труса судьба, черна... Если рука может стрелять — что еще нужно? Твое место здесь».

Он стал медленно продвигаться вперед.

Вражеские танки, подкравшись, вылезли из оврага и устремились в атаку. Четыре советских танка мчались навстречу гитлеровцам.

Бектемир, приподняв голову, с удивлением и восхище-

нием смотрел на стремительный порыв советских машин. Но все же страшновато. Четыре танка против нескольких десятков!

Танки почти одновременно стреляли прямой наводкой, обрывая железные «души» друг друга. Члены экипажей выскакивали из горящих машин и сразу же, сжимая пистолеты, начинали искать противника. Здесь, в дыму, завязывалась перестрелка. Пожалуй, остался в живых только один советский танкист. Он, волоча свое тело по земле, уползал в сторону, но не успел спрятаться... Прямо на него мчался танк. Два метра, один и...

Бектемир закрыл глаза...

Он только услышал лязг гусениц, а человеческий крик, наверное, просто почудился.

Гусеницы немецких танков подминают под себя живых людей.

— Врешь! Не пройдешь!

Конечно, это голос Рядченко. Бектемир хорошо знает огромного, широкоплечего украинца. Это он бросился на железную тушу танка. Взрыв заставил тяжелую машину остановиться. Тело Рядченко медленно-медленно сползло на землю.

А вон и Дубов. Живой, здоровехонький. Выпрямился и смело, с подчеркнутой небрежностью швырнул одну за другой две гранаты. И другой танк остановился.

Бектемир с высоты, позволявшей ясно все видеть, от радости и волнения крикнул:

— Дубов, расцелуем в самые усы!

Не удержавшись, он тут же добавил в адрес врага несколько крепких словечек...

Бой заметно утихал. Поле, сплошь покрытое густым дымом, словно готовилось ко сну. Только стрельба из винтовок и автоматов, которая «подбирала» одиночных гитлеровцев, продолжалась.

В сторону Бектемира полз советский танкист. На него было страшно смотреть. Обуглившаяся, безволосая голова, черная половина лица... И весь он был в дыму. Тлели шинель, гимнастерка, сапоги. К танкисту бросились медсестра и несколько бойцов.

Бой утих. Но ненадолго.

Вскоре над черневшим вдали лесом опять показались самолеты. Они пронеслись над полем. Снова земля вздрогнула от разрывов бомб, снова шарахнулись люди от свинцового дождя.

Самолеты летели волна за волной. Неужели там, за

лесом, их скопилось бесчисленное количество? Неужели этому не будет конца?

Бектемир лежал, кусая губы. Что он мог поделать? Он лишен крыльев. Если бы он мог полететь и выколоть глаза фашистам! Если бы могли это сделать его товарищи!

Но они вынуждены закапываться глубже в землю, маскироваться.

В это время в небе внезапно появились и красноезвездные истребители. Их было меньше, чем вражеских. Бектемир не отрывал взгляда от неба.

Сердце его билось тревожно, нетерпеливо.

Когда его другу Аскару на больших курашах приходилось сталкиваться с могучим гордым Палваном, сердце Бектемира билось так же взволнованно. И до тех пор, пока Аскар с присущей ему честностью в борьбе, покрутив волчком богатыря, не положит его на обе лопатки, Бектемир сидел напряженно, почти не дыша.

Фашисты вначале чувствовали себя коршунами, неожиданно столкнувшимися со стаей воробьев. Однако это было первым впечатлением. В небе разгорался бой — неравный, но дерзкий, решительный.

Вот задымил один стервятник и, быстро окутавшись черно-красным пламенем, нырнул вниз. Загорелся второй самолет, третий, четвертый...

Не выдержав натиска истребителей, немецкие самолеты уклонились от боя, уходя в сторону.

— Уходят, уходят! — крикнул кто-то из бойцов.

— Им бы свободно летать. Там они смелые.

— Теперь не выйдет. Не пройдет.

Бойцы с восхищением провожали взглядом своих истребителей.

— Молодцы!

— Герои.

К тем известиям, которые облетали фронт, Бектемир относился с некоторым недоверием, хотя ему несколько раз приходилось видеть, как стервятники обращались в бегство. Сейчас же и он был восхищен нашими летчиками. Он поверил в свою силу.

Бектемиру хотелось с кем-нибудь поговорить, но не было времени. Не до этого сейчас. Стрельба не прекращалась, даже когда на обгорелое поле опустилась холодная темнота.

Правда, стрельба становилась реже, глуше, словно не утихала, а удалялась куда-то в сторону.

Воспользовавшись темнотой, старшины раздали сухари и консервы.

На фронте и желудок знает свое время. Только когда бой в разгаре, он не беспокоит.

Бектемир присел, насыпал насвай на ладонь, бросил под язык, пососал. Может ли быть большее наслаждение?

Напоминала о себе боль. Бинт расслабился. Бектемир попытался завязать его снова, но от этого боль стала острее. Он, показав руку, чистосердечно сказал сержанту: — Не знаю... Чуть задело, но начинает болеть все больше.

Получив разрешение, Бектемир присоединился к другим раненым и отправился в санбат.

Большая землянка в лесу была светла. В глазах Бектемира, пришедшего из густой темноты, зарябило, выступили слезы. Люди, вещи постепенно вырисовывались, будто проступали из тумана... Здесь были в основном легко раненые. Но несколько человек стонали, метались от боли, бредили.

Врачи и сестры работали молча, спокойно, легко, хотя их лица выдавали, что они очень устали.

Бектемиру пришлось подождать. Затем с ним начала возиться полненькая девушка с коротко подстриженными золотистыми волосами. Голова ее была туго перевязана белым платком.

Медсестра, словно с ребенком, разговаривала с ним ласковым, утешительным тоном. Спросила о национальности, откуда он родом.

Бектемир, насколько хватало русских слов, отвечал.

За разговором он даже не заметил, как ему промыли и перевязали рану.

— Вы, конечно, теперь пойдете в тыл. Хотя рана ваша не очень тяжелая.

— Верно, рана моя легкая, поэтому я снова пойду в бой,— ответил Бектемир, стараясь, чтобы эти слова прозвучали проще.

— О... Это хорошо!— улыбнулась девушка.— По моему, тоже можно. Только почаще надо перевязывать.

Простившись с медсестрой, которая уже осматривала другого бойца, Бектемир собирался уйти, но услышал узбекскую речь. Высокий, стройный врач с густыми черными волосами старательно что-то объяснял бойцу-казаху. Вдали от родного края такая встреча особенно радостна. Да еще здесь, на фронте, в лесу.

— Вы узбек?— приблизившись к врачу, спросил Бектемир.

— Да,— ответил тот и, окинув его взглядом, в свою очередь поинтересовался:— А ты?

— Э, да я истинный узбек, брат.

— Хорошо. Я здесь служу, доктором. Может, чем помочь? Рану твою перевязали?

— Все в порядке, доктор-ака. Вы недавно приехали? Что там нового, в Узбекистане? На фронте только вспоминаешь. Даже поговорить с друзьями некогда. И ночью и днем в ушах грохот стоит.

Доктор непринужденно рассмеялся.

— Есть у меня один интересный анекдот о Насреддине, да вот нет времени рассказывать.— Он положил руку на плечо бойца:— Я, брат, ведь выехал из Ташкента на второй день войны и до сих пор не получил ни одного письма. Вот так-то.

Доктор поинтересовался, откуда Бектемир родом. Услышав название кишлака, доктор удивленно поднял брови:

— Уринбаева знаешь? Из твоего кишлака...

— Уринбаева? Который это?— насторожился солдат.

— Туйчи.

— Как же не знать? Туйчи — мой младший брат,— взволнованно ответил Бектемир.— С острым носом, маленький, худенький. Да? Где же он? Что вы о нем знаете?

Доктор сказал, что он долгое время был вместе с ним, что сейчас точно не знает, на каком участке Туйчи, но, по его предположению, должен служить где-то поблизости.

На фронте не может быть большей радости, чем добрая весть. Бектемир словно увидел своего брата. Словно сам побывал в родном доме.

С легким сердцем ушел боец из санбата. Он шел, не замечая начавшегося дождя. Холодные капли падали на лицо, шею. Ветер, развевая полы шинели, охватывал его своим дыханием.

Лес был полон таинственного, печального шума. В песнях листьев звучали грустные нотки.

Бектемир, шагая в темноте, крепко стукнулся головой о дерево. Где дорога? С какой стороны он явился? Отвратительная штука — бродить дождливой ночью, да еще по незнакомой местности. Тихо, медленно студая, Бектемир словно выходил из черной пучины. Начали постепенно вырисовываться предметы. Затем боец обнаружил, и до

рогу. Но все-таки он отказался от мысли возвращаться в батальон сейчас, боясь заблудиться и попасть к немцам.

Бектемир прилег у дерева и закрыл глаза. Чтобы забыть усталость, чтобы не слышать холодные, неприятные звуки дождя и ветра, он попытался представить себя в другой обстановке. Это состояние затуманило голову, и сон одолел его.

Он проснулся, резко встряхнувшись... Тускло освещая черную, глинистую поверхность земли, которая поблескивала лужицами, подъехала большая машина. По голосам Бектемир определил, что это свои, русские.

Начали сгружать раненых. Вслед за машиной с тарактением подъехали телеги. Лошади лениво пофыркивали.

Бектемир промок насквозь. Шинель отяжелела, словно войлок, и давила на плечи. С каски стекала вода. Чтобы найти убежище, он пошел в сторону от дороги и натолкнулся на палатки. Сунулся в одну из них. Услышал грубые ругательства и стоны — тут были тяжелораненые. Прислонившись к холодному брезенту, он постоял несколько минут и перешел к палатке, откуда слышались солдатские шутки и смех. Он присел у входа на мокрое и приятно пахнувшее сено. Сыпались анекдоты, воспоминания. Мелькали огоньки самокруток. Раздавался громкий храп. Здесь Бектемир переждал ночь.

Когда над деревьями облачное небо слегка посветлело, Бектемир, увязая в мягкой глине, отправился дальше. Дождь шел теперь лениво, не спеша, будто кто-то выдавливал его из жалких туч.

Добравшись до своего окопа, солдат лег на глину. Неприятный, гнилой запах ударил ему в нос. Руки в глине, лицо в глине, хлеб в глине. Кровь течет в глину. Бектемир невольно передернул плечами.

Только на второй день батальон решительно пошел вперед, устремившись к деревне. Но у большака бойцы были встречены сильным огнем.

Пришлось залечь.

Фашисты не давали возможности поднять головы. Вокруг начали падать мины. Одна из них взорвалась совсем близко. На Бектемира брызнуло глиной. Он невольно кинулся в большую лунку с дождевой водой — другого выхода не было.

Вначале это место показалось Бектемиру очень удобным. Но через пять — десять минут боец почувствовал, что тело его словно покрывается льдом. Вода была очень холодной. Он постарался пожинуть свое убежище.

Вдали, вслед за лучшим пулеметчиком батальона Абдуллаевым, Аскар-Палван тащил волском пулемет.

«Расчет, должно быть, погиб»,— подумал Бектемир. Лежать было неловко, да и холодно. Он помог санитару, который тянул за собой раненого бойца, положив его на шинель. Голенища наполнились водой. Прилипая к телу, мучила мокрая одежда. Ветер сковывал холодом руки, посиневшие губы дрожали.

«Чего-нибудь бы горячего,— подумал Бектемир и усмехнулся сам над собой:— Будет тебе горячее...»

Пулемет Абдуллаева с нового места открыл огонь. Бектемир, прислушавшись к тому, как стрекочет пулемет, мог определить, насколько опытен его земляк. Не зря Абдуллаевым восхищался весь батальон.

К Бектемиру подполз боец, принявший его за азербайджанца.

— Юлдаш!— обратился он.— Командир приказал двигаться вперед, за ним...

Взвод полз за старшим сержантом Красновым.

Бойцы продвигались незаметно через лужи. Старший сержант посмотрел в бинокль. Приблизившись к дереву, он, тяжело дыша, вскарабкался и осмотрелся вокруг.

Когда Краснов слез с дерева, его рыжее лицо выражало твердую уверенность. Это подбодрило бойцов. Бектемир забыл трудности, пережитые в пути. Ему захотелось как можно быстрее выйти к деревне и встретиться там с врагом.

Дальше ползти было опаснее. Нужно быть очень осторожным, чтобы не обнаружить себя. К счастью, встретилось засеянное поле — нескошенное, затоптанное. Бойцы поползли быстрее. Когда осталось около сотни шагов до цели, они приготовили гранаты и по команде Краснова с криком «ура» поднялись. Не ноги несли, а словно буран подхватил бойцов!

Немцы не ожидали такого нападения.

Бойцы бежали, сметая на своем пути растерянных гитлеровцев.

Даже Али, с обляпанным глиной лицом, азартно крикнул Бектемиру:

— Еще бы одного фрица уложить!..

Путь в деревню был открыт. Бойцы стреляли на ходу, догоняли гитлеровцев, опрокидывая ударами прикладов. На дороге валялись брошенное оружие, фляги, одежда и другие солдатские вещи. Никто не обращал на это внимания.

Только на окраине деревни, у первых домов, внезапно затараторил пулемет. Бойцы сразу же рассеялись, кинулись на землю. Враг стрелял из-за разбитого забора.

«Оставив у калитки одну собаку, сами, подлецы, бежали! — подумал Бектемир. — Но мы эту собаку уничтожим».

Взгляд его упал на бойца, который ловко и смело полз вперед. Бектемир догадался, что это москвич, молодой паренек, решил уничтожить вражеский пулемет. Бектемир с замиранием сердца следил за товарищем, который прополз уже половину расстояния, остановился и внимательно огляделся вокруг. Затем начал продвигаться к маленькому возвышению, но тут же был сражен пулей.

В сердце Бектемира словно что-то оборвалось. Он посмотрел налево, где на расстоянии двадцати шагов лежал Краснов. Уловив тревогу на его лице, Бектемир дал понять, что готов идти. Командир поколебался, но кивнул: «Можно!»

Бектемир, сжав в руках две гранаты, вначале осмотрел все вокруг себя и сразу же уверенно пополз. Ему казалось, что все сейчас его выручало: каждый бугорок земли, каждая травинка, каждая щепка... Он полз, плотно прижимаясь к земле. До врага оставалось тридцать — сорок шагов. Бектемир увидел каску пулеметчика. Не было ни секунды колебания, но от волнения руки заметно дрожали. Бектемир, стремясь овладеть собой, прикинул расстояние, нацелился и бросил гранату. Пулемет умолк.

Боец со второй гранатой в руках взобрался на кирпичи. Два гитлеровца, спотыкаясь, пустились наутек. Бектемир выстрелил из винтовки. Один упал навзничь, второй успел скрыться за разбитыми досками.

Бектемир замахал в воздухе винтовкой, подавая знак товарищам.

Через несколько минут бойцы уже бежали по улицам пустой деревни.

Дома почти все были разрушены — двери сорваны, окна разбиты, во дворах валялась разная утварь...

Несколько человек, оставшихся в деревне, высыпали на улицу. В основном это были дети, женщины, старики. Во всем их облике, в движениях были заметны волнение и растерянность, словно людей, которых подвели под виселицу, в тот момент, когда на шею накидывали петлю, неожиданно освободили.

Они, обнимая бойцов, со слезами, задыхаясь от волнения, спешили рассказать о пережитых черных днях.

Бектемир остановился у развалин снесенного школьного здания. В этот момент к нему подошла старуха.

На ее морщинистом лице боец увидел не простое бессилие старости, а, скорее, пережитое за последнее время горе. Старуха с плачем что-то рассказывала. Бектемир ничего не понимал и, желая как-то успокоить, гладил ее костлявые плечи.

— Бабушка, все будет хорошо, плакать не надо! — наконец подобрал он несколько русских слов. — Мы отмстим. Для плохого и мы плохи.

Старуха насильно сунула Бектемиру черствую лепешку и дрожащей рукой показала на развалины школы.

— Проклятые! Им и школа, и конюшня — все едино... Какое красивое, светлое здание было... Новенькое-преновенькое... В прошлом году только построили. Всегда отсюда доносился смех детей. Как хорошо было! Чтоб отвалились руки у проклятых! — причитала она.

Бектемир, словно растолковывая малышу, все повторял и повторял:

— Для недоброго мы недобры. Для плохого мы плохи!

За несколько часов, проведенных в деревне, Бектемир услышал невероятные, одна другой трагичнее истории. Каждый кусочек земли был свидетелем дикого разгула фашистов.

Бектемиру показали место, где повесили молодую учительницу. Показали могилу старика, которого расстреляли только за то, что ночью его калитка осталась случайно открытой. Показали развалины дома, в котором сожгли колхозную активистку вместе с детьми.

Бектемир видел бледных детей-сирот, ковыляющих на костылях стариков...

— Что наделали! Это же звери. Дикие звери... — вздыхал солдат.

Если бы ему просто рассказали обо всем, Бектемир вряд ли поверил. Но сейчас он ходил и сам все видел. Все видел своими глазами.

...В деревне наступила тишина. Друзья Бектемира — Дубов, Аскар-Палван и несколько других бойцов разместились в одной двухкомнатной квартире. Хозяйка, глуховатая, полная многодетная женщина, сновала по дому.

Бедная, но уютная халупа, вертевшиеся в ней дети, ленивый пестрый кот показались Бектемиру воплощением

счастья. Хозяйка словно впервые в своей жизни дождалась самых дорогих гостей. Ни на минуту не умолкая, она подавала на стол, вероятно, все, что до сих пор бережно хранилось в доме.

Женщина рассказывала о муже, взятом в армию на третий день войны и пропавшем без вести, о его брате, танкисте, о своем младшем брате, летчике, награжденном орденом Ленина, о неугомонном старике тесте, ушедшем в партизаны. Она сыпала проклятия гитлеровцам, предателям.

Некоторые бойцы, забыв про голод, заснули вповалку на посланном сене. Бектемир, опустившись на корточки перед печкой, принялся сушить сапоги, одежду.

Ярко, с треском горели, распостраняя приятный запах, березовые дрова. Боец ощутил во всем теле сладость отдыха, одурающего, как сон, улаждающего, как вино.

На дворе гудел ветер, хлопал в маленькие, низенькие оконца. Когда открывалась дверь, холодный воздух вривался вместе с шумом леса и по привычке настораживал бойцов.

Бектемир широко зевнул, опустил голову и задумался. Он вспоминал далекий край, мать, отца, большую семью, трудолюбивую, со множеством забот, криком и визгом детей. Домой он писал несколько раз, но до сих пор почему-то не получил ответа.

Он хотел примоститься около окна, на котором тускло поблескивала лампа, и сейчас же написать письмо. Но усталость и тепло разморили его.

Аскар-Палван во сне спросил:

— Плов уже готов?

— Голова твоя готова... Иди сюда! — засмеялся Бектемир.

Палван молча положил голову на пол и снова захрипел.

В сенях послышался голос Али. Он старался втолковать хозяйке что-то на ломаном русском языке. Бектемир крикнул:

— Входите, сын доброго отца.

Али вошел, широко распахнув дверь.

— Значит, убегаем от своих! А еще говорите — земляки, а? Дети одной матери! Сами бросили меня, спрятались...

Бектемир засмеялся, пригласил сесть.

— Соскучился?

— Нет. У нас тоже шум, кутерьма. Затесался один

среди русских. Гармонь, песни... — ответил Али. — Все в порядке, но если не вижу вас — тоскую...

— Братья же мы. Куда же ты денешься?

Али расцвел от этих слов. Погладил блестящие при огне рыжие усы и, вытащив из кармана маленькую изящную тыквянку-табакерку с насваем, протянул Бектемиру:

— Возьми шепоточку, братец! Сам приготовил. Такой насвай получился! Хвала рукам, сотворившим его.

Али от удовольствия даже прищелкнул языком.

— Как приготовили? — поинтересовался Бектемир.

— Размельчил в порошок махорку. Добавил немножечко золы и перемешал. Вот и получился насвай. Русским понравился. Смеются. Говорят, такой табак, что голова ходуном идет...

Бектемир, кинув под язык шепоточку «сотворенного» насвая, подержал немного и сплюнул.

— На навоз смахивает, — откровенно сознался Бектемир.

— Ну ясно. Ты же чабан. И во сне ты видишь бараний помет, — обиделся Али.

— Ну-ну. Насвай хорош. Конечно, лучше бы нашего, но и этот хорош.

Али тяжело вздохнул:

— Нашего, домашнего? Где уж там.

Потом они вспомнили о сегодняшних боях. Али ожил:

— Оказывается, легко убить врага, если не боишься его. Вот сегодня даже не заметил, как уничтожил немца.

— Конечно, если не бояться — и жив останешься, и не с пустыми руками вернешься. Много раз уже испытал. Касым-мираб говаривал: если не будешь бояться, с любой страшной рекой справишься. Вода сама вынесет тебя на берег.

— Касым, сувчи! Да, хороший человек был. — Вдруг Али хлопнул Бектемира по плечу: — Видел! Все видел! Тебе должны дать орден. Нешуточное дело ты выполнил. Проси самый большущий из орденов. Да не уступай!

— Не знаю, что скажут командиры? — пожал плечами Бектемир.

— Эти большие твои командиры иногда отступают от справедливости, — серьезно предупредил Али. — А вот мы увидим...

Али вытащил из-за пазухи разные помятые бумаги и осторожно начал разглаживать и раскладывать их. В

печке, распространяя клубы пара, с бульканьем кипела вода. Хозяйка дома не знала покоя: чистила обувь и одежду красноармейцев, присматривала за детьми.

За работой она продолжала расспрашивать бойцов.

— В ваших краях, оказывается, очень много фруктов. И арбузы такие — человек не может от земли оторвать.

Это верно? Но только, говорят, очень жарко у вас. Я все это слышала. Летом, когда фашисты отсюда были еще далеко, у соседа стоял один узбек, командир. Очень красивый он был. Русский язык знал лучше меня. Ученый. Девушки вовсе разума лишились... Ты тоже неплох. Глаз острый. Грудь могучая. Должно, хорошо воюешь? А?

Бектемир смущенно улыбнулся, не зная, что ответить. Выручил Али. Взяв одну из бумаг, он протянул товарищу.

— Читай это, — глухо сказал он. — Что он там говорит? Недавно немец сыпал их с неба, как листья. Наши слова, только буквы другие. Он, проклятый, оказывается, знает и по-латински, и по-узбекски. Читай!

Бектемир развернул лист бумаги, поднес к печке. Нахмурившись, пробежал глазами. Али разинул рот — через плечо Бектемира смотрел то на бумагу, то на лицо земляка. Бектемир усмехнулся. Скомкав бумагу, кинул в печку. Пламя вспыхнуло ярче.

— Йе! Грубее чурбана ты! — зло крикнул Али. — Растолкуй хотя бы смысл.

— Что же вас тут интересует, ну?

— Ведь это написано для тебя, меня, Эшмата-Ташмата*... — возмущался Али. — Ведь надо же знать, что там.

— Не стоит того, чтобы об этом говорить, — проворчал Бектемир.

— У тебя всего одна ветка грамотности, — продолжал злиться Али. — А я слышал от человека достаточно мудрого, что в этих бумагах есть интересные вещи...

— Например, какие вещи?

— Вроде того, что на узбеков немцы смотрят другими глазами.

— Хвала! Вместо головы вы таскаете, оказывается, пустую тыкважку! — строго произнес Бектемир. — Мало вы крови и пожаров видели? Идите за тысячу верст отсюда и снова увидите кровь и золу. Гитлер, который швыряет в огонь дитя русское, смилостивится к узбеку? Если вы будете считать черта ангелом, а волка бараном, то в

* По-русски — «для Ваньки-Петьки».

таком случае можете ждать милости от Гитлера. На бумаге можно написать все, что угодно. Разве есть у бумаги язык, чтобы сказать: «Ложь!»? Если ваш враг коварен, то он яд, как шербет, заставит вас выпить.

Али растерянно смотрел на товарища, а тот продолжал:

— Враг, оказывается, очень страшный. Правильно. Война есть война. Но зачем осыпать пулями головы детей, женщин, стариков? Зачем поджигать дом мирного народа?..

Али, смущенный, сидел не двигаясь. Все, что говорил товарищ, он понимал. Но, будучи от природы упрямым человеком, он все же хотел что-нибудь возразить. Бектемир, словно догадываясь об этом желании, взясь кочергой в огне, равнодушно спросил:

— Что, брат, неправ я?

— В твоих словах есть правда. Действительно, проклятый фашист жесток, — ответил Али. — Но не забывай того, что Узбекистан далек, на другом конце мира...

— Хвала! — повернулся к нему Бектемир. — Вот уже наступает зима, а в нашем краю в эту пору на лозах еще виноград, на грядках дыни, на деревьях гранаты. Но дело не в расстоянии. Гитлер сейчас по всей стране бьет топором под самый корень. А корень — русский солдат. Мы должны сохранить этот корень. Тогда мы сохраним от напасти и Узбекистан.

Бектемир сжал кулак:

— Вот в чем наша сила... В том, что мы объединены. А враг хочет ослабить наш кулак, внести раскол.

Али, поднявшись, выпрямился и, уверенный в силе нового возражения, произнес:

— Ладно, корень сохраним! Ты, набравшись ума на войне, становишься ловким в словах, — иронически улыбнулся он. — Ладно, мы, узбеки, будем проливать свою кровь в этих тугаях и болотах. Но русские будут ли нам благодарны? Ведь наши деды, бывало, воевали с русскими...

Бектемир, поддерживая раненый локоть, уселся поудобней. Он смотрел на огонь, нахмутив брови, и казалось, о чем-то думал, не слыша слов товарища.

Али теперь несколько не сомневался, что поставил Бектемиру мат. Довольствуясь его молчанием, Али попытался переменить разговор.

Но Бектемир неторопливо продолжал:

— Верно, царь Николай много горя причинил. Слы-

шали от стариков. Но все это в прошлом. Что только не происходило в прошлом? Разве не стоял город против города, кишлак против кишлака? Разве не текли реки крови? Сегодняшние русские — совсем другое племя. Русские — рабочие, крестьяне. Они дети Ленина. Они создали одну жизнь для всех народов Советской страны, одни законы.

Али, соглашаясь, кивал головой.

— Вот возьмем немцев: большой народ. С высокими знаниями народ. Об этом можно судить по их машинам. Но большой порок у него. Он говорит: я хочу быть хозяином всего мира. Преклоняй колени передо мной, или морду в кровь разобью. Гитлер взбешен. Совсем взбешен. Как саранча, опустошает землю.

Бектемир внимательно посмотрел на друга и продолжал:

— А русские говорят: все народы равны, все народы — братья. Если кто-то просит у тебя помощи, протягивай руку. Истинный сын земли — трудящийся. Паразиты, лентяи не будут подмогой нам! Истинно правильный путь. Узбекский народ тоже идет по этому пути.

Али погладил морщинистый лоб. Он уже не знал, что возразить Бектемиру. Да и как возражать, когда его земляк говорит правду.

— Разум у тебя цел, мой бек, — вздохнув, сказал он громко. — Есть в твоём сердце огонек Уринбая-ата. Отец твой чистый, хороший человек. Добрый ангел кишлака он. Я поверил в тебя.

Бектемир, довольный законченным разговором, поднялся и подошел к котелку. Обжигая губы, попробовал пшеничную кашу.

— Ого... Готова.

Он разбудил Дубова и Аскара-Палвана. Друзья вскочили, словно по тревоге. Палван развел в стороны могучие руки, широко, с наслаждением потянувшись, и протер глаза.

Попробовал ложку горячей каши, похвалил ее, но тут же спросил:

— А где соль?

— Что мы, на соляных разработках? — ответил Бектемир. — Все нежничает. И так пойдет.

Хозяйка принесла соли, положила в котелок, ловко помешала.

Дубов с сосредоточенным видом разлил из фляги водку

и, торжественно подняв одну из кружек, обратился к Бектемиру:

— Выпьем за твои успехи!

— Да, да, пей! — настаивал Палван.

— Знаю, тянет тебя горло промочить, — засмеялся Бектемир и нерешительно взял свою кружку.

Он совсем не пил. Иногда раскаивался даже в том, что приучился курить. А водку обычно отдавал Палвану. Оттого, что два друга подняли кружки за его здоровье и смотрели на него, Бектемир не смог отказаться.

Словно больной, которому нужно выпить лекарство, он приблизил кружку к губам.

— На войне, если не будешь пить, не будут считать тебя солдатом! — подмигнул Дубов.

Бектемир неловко, большими глотками выпил. Рукавом шинели вытер губы, встряхнул головой.

— После этого будешь искать райскую воду! — засмеялся Аскар-Палван.

С кашей расправились по-солдатски быстро. Дубов подошел к чадившей лампе, развернул письмо и начал читать его про себя. Он долго смотрел на старый потрепанный лист бумаги, по красивым усам скользнула улыбка.

— Неплохо. Дети учатся. Жена работает. Корова есть, — ни к кому не обращаясь, сказал Дубов и, осторожно свернув письмо, положил его в блокнотик.

— Сколько раз читал? — спросил Аскар-Палван.

— Не счесть, — откровенно сознался Дубов.

Он снова лег на сено.

— Письмо на фронте — великое дело. Оно как вино. Вино чем дольше хранится, тем крепче. И письмо: чем больше его читаешь, тем больше находишь в нем смысла.

Аскар-Палван, посчитав на пальцах, сообщил, что, по его предположению, в эти дни корова должна отелиться.

Бектемир думал совсем о другом. Он спросил, как погиб Абдуллаев.

— Абдуллаев, оказывается, остался один... — медленно начал рассказ Палван. — Я пополз на помощь. Три раза мы с ним меняли место. Наконец, хорошо замаскировавшись, залегли между двумя деревьями. Гитлеровцы приближались. Они были нам ясно видны. Абдуллаев — ни звука...

Аскар-Палван повернулся к окну.

— «Освобождай ленту. Самый момент!» — сказал я ему. — Нет, он не шелухнулся. Немцы все ближе. А пулемет молчит. Толкаю Абдуллаева. Нахмурившись, он

сжал губы. Наконец, когда фашисты подошли на сотню шагов, не больше, Абдуллаев прилип к пулемету. Передние — как туювник посыпались. «Бей! — говорю, — хвала твоему отцу!» Но вдруг мина упала рядом с ним. Всю спину ему сорвало. Я кинулся к пулемету. Тоже весь разбит. Уполз подальше и начал стрелять из винтовки. Потом гранатой нескольких уложил. В этот момент подоспели наши. Я взял орден и документы Абдуллаева, отдал командиру. Так и пропал джигит. Эх, не думай, друг! Дорожи настоящей минутой. А что будет завтра — не допытывайся.

Аскар-Палван бросился на сено. Бектемир, нагнувшись над столом, задремал.

Через некоторое время он проснулся и только было разлегся около друга, пришел связной:

— Вызывают в штаб...

Резкий, холодный ветер шумел в листве деревьев. Воздух был пропитан сыростью и гнилью. На небе тускло мерцали звезды. Деревня спала настороженно, чутко.

Бектемир, спотыкаясь, добрался до штаба. В маленькой деревенской комнатке при свете коптилки сидели несколько командиров. Бектемир доложил, что явился по приказу. Стеклов кивнул в сторону генерала.

Бектемир покраснел, на мгновение растерялся, затем обратился к генералу. Но слова его не прозвучали по-солдатски ясно и отчетливо. Генерал Соколов, что-то рассказывавший молодому смуглому офицеру, встал и подошел к Бектемиру. Он крепко пожал ему руку.

— Молодец, Уринбаев. — Генерал отступил на шаг, осмотрел солдата: — Ты проявил сегодня большое мужество. Советский боец, сын узбекского народа, должен быть именно таким. Твое сегодняшнее дело — большое дело. Пусть все берут пример с тебя. А потом, глядишь, в какой-нибудь день ты — Герой Советского Союза. Имя твое будет произноситься с любовью во всем Узбекистане, во всей Советской стране. Народ тебя будет благодарить.

— Товарищ генерал, — волнуясь, произнес Бектемир. — Я еще ничего не сделал. Это — один процент моего плана...

Генерал засмеялся. Положив руку на плечо джигита, произнес:

— Один процент? План твой хорош! Замечательно ты сказал. Один процент! Уринбаев, мы представляем тебя к награде. Стоит? Право, стоит... А ну, Хамракулов, поговори с земляком, — обратился генерал к смуглому офицеру.

Капитан Хамракулов, важно поздоровавшись с бойцом, заговорил по-узбекски:

— Ну, джигит, как жизнь? Крепка? Как война? Я сегодня приехал, уже слышу о вас. Вы, оказывается, приготовили большой подарок. Доволен я вашими успехами. Очень рад за вас...

— Говори по-русски, Хамракулов, — попросил генерал.

— Стосковался я по узбекской речи, товарищ генерал, — улыбнулся Хамракулов. — Узбеки в эту войну должны показать себя. Лучше умереть на поле битвы, чем быть рабами Гитлера. Разве не так? — обратился он к Бектемиру.

— Конечно так, — подтвердил Бектемир.

— Узбекский народ, — продолжал капитан, — только начал расправлять крылья. Только вышел на солнечную дорогу, а Гитлер хочет окутать солнце черным облаком. Но цыплят по осени считают... Мы не будем волочить немецкое ярмо. Все равно мы одолеем. Придет день, когда мы будем гнать, уничтожать врага.

— Скорее бы дожить до таких дней, — произнес Бектемир. — Чем лучше будем драться, тем быстрее будет победа.

Земляки долго беседовали. Капитан участвовал в войне с первого дня. Ему было что рассказать. Много повидал, в страшные переделки попадал.

Бектемиру понравился этот умный, простой командир. Казалось, что они давным-давно знакомы. Командир видел, что глаза бойца слипаются, и предложил ему отдохнуть. Бектемир, простившись, вышел из штаба.

Глава шестая

Солнце, изредка выглядывая из-за туч, на какое-то мгновение освещает пожелтевшие деревья. И снова лениво погружается в пышное одеяло облаков.

Аскар-Палван угрюмо сидит на сваленном дереве против дома, где он остановился. Солдат во власти каких-то неопределенных, навевающих грусть чувств. Унылый вид деревни — разрушенной, раздетой, разграбленной — вызывает острую боль в сердце Палвана.

Крестьяне, прятавшиеся в окрестных лесах с детьми, начали возвращаться один за другим в свои разоренные гнезда. Они с опаской входили в деревню, где родились, выросли, где покоились кости их дедов.

На большой дороге играли дети. Они шумной гурьбой окружили Аскар-Палвана.

Боец замечает, с какой благодарностью глядят в его сторону женщины.

На сердце у Палвана становится светлее. Ловко свернув козью ножку, он закуривает и еле слышно напевает на один мотив все знакомые песни.

Размахивая маленькой газеткой, явился рябой Сафар. Он мягок, обходителен, вежлив и совсем не похож на солдата. Шинель на нем, обувь и все армейское снаряжение выглядит так, словно это артист второпях нарядился для исполнения минутной роли.

— Про Бектемира написали. И про тебя есть хорошие слова, — Сафар протянул газету Аскар-Палвану.

Аскар обрадованно, словно разыскивая жемчужину в темноте, приблизил газету к лицу, но, убедившись, что прочесть не может, осторожно сложил ее.

— Для русского языка глаза мои слепы. Был бы Абдуллаев, он бы растолковал нам все подробно. А ну, садитесь сюда, — вздохнув, продолжал Палван, — с самого утра скверно у меня на душе... Плохой сон я видел. Похоже на то, что мать моя умерла.

— Ты что, с ума спятил? — побледнел рябой Сафар. — Расскажи свой сон!

— Во сне видел, что она в белом саване, — серьезно начал Палван. — Идет, значит, по дороге, посыпанной щебнем, и никуда не смотрит. А жена с растрепанными волосами, поникнув, сидит во дворе...

Сафар, как никто другой, верил в сны. Каждое утро он старался вспомнить свой сон, часто составлял его из отдельных, смутно сохранившихся в памяти видений. Он в самом деле считал, что сон Палвана предвещает несчастье, и тоже расстроился. Но, чтобы утешить товарища, объяснил:

— Не стоит раздумывать, братец. Старуха твоя была же крепка... Ты просто на левом боку заснул. Дурные сны от этого бывают.

— От этого? Ты точно знаешь? — с детской наивностью осведомился Палван.

— Точно, точно. Я-то знаю. Вон спроси даже у Бектемира.

Бодрым, ровным шагом подошел Бектемир. Узнав, в чем дело, он рассмеялся:

— Нашли дело. Достойно ли оно джигитов? — И он,

считая этот разговор законченным, спросил Аскара: — Написал? Мое готово. Пойдем пошлем.

— Ты помоги, Темирчик, — вздохнул Палван. — Когда я пишу, у меня буквы — как немцы, убегающие от штыка.

Бектемир сел, разложил бумагу на сумке противогаза.

— Ну что ж, говори!

— Любимой матери, подруге Шарофатхон, милой дочурке Гуландом, — начал Палван, — родственникам дальним, близким, всем знакомым приносим привет... Я жив, здоров. И желаю, чтобы вы тоже ходили живыми-здоровыми, среди веселья и смеха. Прошу у природы...

— Скажи, у бога! — обиженно поправил Сафар.

— Старые говорят: бог, а молодые — природа. Но это должно быть, одно и то же. Разве не так? — улыбнулся Палван и продолжал диктовать: «Мама, вспоминая меня, не плачь, не убивайся. Слава богу, тело мое здорово, одет-обут, аппетит хорош. С друзьями-приятелями день и ночь кружусь среди войны. Суждено нам увидеть то, что написано могучим карандашом судьбы. Жалею, что я, единственный твой сын, мало слушал тебя... Шарофатхон! Я очень тоскую по тебе и дочурке Гуландом. Ее милые детские слова всегда звучат в моих ушах. В прошлом письме я просил фотографию. Глаза мои на дороге — жду я... Шарофатхон, работайте в колхозе хорошенько... Если сыт будет колхоз, и мы будем сыты на фронте. Пусть будет хозяйство ваше в изобилии. И еще просьба к вам такая: не обижайте старуху. Старость, как малое дитя, становится балованной. Сколько можете, служите ей, чтобы быть достойными ее молитв. Поцелуйте за меня дочурку мою. У Аскара-Палвана единственное сокровище в мире — Гуландом. Пишите почаще. Письмо на фронте — половина свидания. Аскар-Палван».

Бектемир закончил письмо и вложил его в концерт.

— Да... Чуть не забыл. А если мы и статью пошлем? Вырежем и пошлем.

— Ты посылай, я не буду, — возразил Палван.

— Не дури! Первая лепешка с кончика теста, — решительно произнес Бектемир.

— Хорошо, — поддержал Сафар. — Напомнит эта газета всем колхозникам о нас. Посылай, Бектемир...

На третий день батальон вышел из деревни, направляясь к передовой.

Шли ночью. Перед рассветом, заняв позицию, бойцы начали окапываться.

Вперед был враг. Он держал железнодорожную станцию в крепких руках. Он приготовился отразить любую атаку и не собирался отступать ни на шаг. Он был уверен в своих силах и, вероятно, ждал подкрепления.

Артиллерия старательно крошила укрепления гитлеровцев.

Люди работали у пушек, будто истопники ада. Они решили перемешать на станции землю с металлом и бетоном. И земля гудела цыганским бубном — глухо; устало.

Облака почернели, деревья покрылись угольной пылью, войны были словно в масках.

Батальон топтался у станции два дня. Ни одна атака не увенчалась успехом. Ему пришлось выдержать почти шестичасовой бой. Бектемир смутно помнит, что он несколько раз лицом к лицу встречался с врагом. колот его штыком, бил прикладом, стрелял в упор.

Аскар-Палван бешено бежал за выскочившим из воронки немцем.

Но эти схватки шли только на подступах к станции.

Немцы оделись в броню и выползли навстречу.

К гулу танков прибавился рокот самолетов.

Гитлеровцы перешли в контратаку. Так вон какая она, психическая атака!

Густая волна фашистов, как черная туча, покрывшая пространство, двигалась ровным, размеренным шагом. Страшная картина! Думаешь, что через мгновение эти наглые, взбесившиеся и вместе с тем холодные, как смерть, создания пройдут, затоптав и придавив все к земле...

— Огонь!

Эта команда, пролетая над рядами бойцов, возвращает к действительности — нужно драться. Гитлеровцы уже рассчитывали на легкую победу. Они приближались, наступая на трупы своих же автоматчиков. Они торжествовали.

Но торопливо, перебивая друг друга, заговорили пулеметы. Плотная стена огня вначале заставила гитлеровцев вздрогнуть. Они растерянно потоптались на месте и побежали врассыпную.

На станции немцы цеплялись за каждый камень, за каждый бугорок.

На второй день после полудня бойцы все-таки ворвались на железнодорожную станцию. Здесь еще долго не умолкала стрельба. Немцы с крыш домов, из-за различных построек продолжали огрызаться короткими очередями.

ми автоматов и частыми винтовочными выстрелами. Разрушенная станция была в огне и густом дыму. Горели склады, десятки перевернутых вагонов.

Бектемир, шатаясь, отошел в сторону и бросился на землю. Все тело его было охвачено горячим жаром. О, если бы глоток воды, если бы вдохнуть холодного, чистого воздуха!

Прошло довольно много времени, прежде чем он отдышался. Но голову, словно наполненную свинцом, трудно было поднять. Боец лежал и видел солнце, которое сквозь дым и копоть просматривалось, будто через черное стекло.

Стало жаль солнца. Оно, словно дымясь, начало плавиться. Но скоро оно вымоет свои золотые косы в прозрачной горной воде и его улыбка будет переливаться на чистом, как снег, теплом пуху хлопка в его далекой стороне. Эта улыбка будет гореть в песнях, на девичьих зубах, в ярких серьгах сборщиц.

Боец отвел взгляд на перевернутые вагоны. Их тоже стало жалко. Для Бектемира паровозы были живыми, могучими существами. Сейчас и они беспомощны!

Повернувшись, он ощутил на лице какую-то шишку величиной с орех и острую боль в правом бедре. Но медсестрам сейчас было не до него. Они едва успевали смотреть за тяжелоранеными. Кое-как он перевязал сам себя.

Закончив перевязку, Бектемир вспомнил Аскара.

«Что с ним? Не случилось ли беды?»

Эти два дня многих унесли из жизни. Вчера на командный пункт ворвались три немецких танка. В неравной схватке погиб старший сержант Краснов.

С трудом доходило до сознания, что капитан Стеклов на глазах у гитлеровцев, остервенело бросившихся, чтобы взять его живьем, сам себя взорвал последней гранатой.

...Сафар, раненный в ногу, был отправлен в госпиталь. А сегодня утром Али, поддерживая перебитую руку, через лес отправился в санбат.

«И Аскара не видно,— оглянулся боец.— Неужели с ним что либо случилось?»— не давала покоя мучительная мысль.

Бектемир, поднявшись, медленно пошел разыскивать Аскар-Палвана.

— Ну, что у тебя? — спросил он глухо, сдавленным голосом, когда нашел Аскар-Палвана с перевязанной головой.

— Смерть слегка задела меня и пролетела мимо. Се-

годня она чересчур пошутила со мной. Э, и с тобой, вижу, заигрывала.

— Кажется, она нас будет медленно жевать. — Бектемир через силу улыбнулся. — Долго будет жевать.

— Лишь бы не проглотила, — согласился Аскар.

Откуда-то появился Дубов. Он весело оглядел солдат:

— Ну как живете?

— Живем... — пожал плечами Палван. — Пока живем... Отогнали фрица.

— Голова нового командира, оказывается, мудрая... — похвалил Дубов. — Смелый человек. А не то бы нам это место не очистить от эсэсовцев даже за неделю. Да и не знаю, что было бы с нами.

— Хороший командир... — согласился Палван. — Хотя по виду не скажешь, что богатырь.

— Это правильно. Показал себя. — Дубов покрутил усы. — С таким не страшно рядом быть.

Аскар-Палван хотел еще что-то добавить. Но улыбка сошла с лица.

Все повернулись в сторону, где пламя поднялось в бешенстве, словно намереваясь проглотить небо.

— Россия, Россия, — прошептал Дубов. — Ты в истории много раз горела. Но каждый раз выходила из огня, закаленная — как сталь, блестящая — как сталь.

Глаза солдата повлажнели. Не скрывая своих чувств, он продолжал стоять и смотреть вдаль, на бушующее пламя.

А вечером бойцы ушли на похороны. Друзья в последний раз взглянули на капитана Стеклова, старшего сержанта Краснова и многих, многих других.

Глава седьмая

Всю ночь под грохот вражеских пушек шла подготовка к новым боям. Пехотинцы, артиллеристы, саперы, танкисты, связисты — словом, все ждали команды, чтобы перейти в наступление.

Враг, пытаясь прощупать наши силы, предпринял несколько разрозненных боевых действий. Его атаки были отбиты.

У Бектемира поднялось настроение.

Среди бойцов, которые впервые оказались на передовой и с опаской поглядывали вокруг, вздрагивая из-за

каждого пустяка, Бектемир чувствовал себя опытным, закаленным.

По возможности он пытался учить их, как вести себя в бою, как уберечься от опасности.

— Вот это мина пролетела. Слышите звук? Она упадет далеко. А это снаряд. Тоже далеко взорвался.

Новички с почтением слушали Бектемира.

Даже в короткие минуты затишья Бектемир не отрывал глаз от вражеских окопов. Мало ли что может случиться? Иногда он «шутил» с немцами. На край окопа пристраивал какую-нибудь помятую каску, и немцы мгновенно открывали огонь. Боец находил цель и спокойно нажимал на спусковой крючок. В батальоне Бектемира не считали снайпером, но сам он чувствовал себя в стрельбе уже сильным, хотя никогда никому об этом не говорил.

Бектемир хорошо знал не только свою винтовку. Он присматривался и к другим видам оружия.

— На фронте все пригодится, — говорили опытные воины. — Все нужно знать.

И Бектемир помнил об этом.

Оружие постепенно становилось послушным ему. Он даже изучил трофейный немецкий автомат Ивана Самарина — невзрачный боец с рывжим пухом на лице и тонким голосом. Автомат достался солдату в подарок за то, что ночью ходил за «языком» и, накрыв немца на посту, связал ему руки и приволок в батальон.

Бойцы получили обед и наклонились над котелками. Вдруг заговорили вражеские пушки и пулеметы. Полетели комья черной земли. Бектемир только успел послать в рот первую ложку, как вынужден был, крепко обняв котелок, прижаться к стене окопа. Некоторые, не успев проглотить то, что было во рту, окровавленные, припали к земле.

Когда стрельба прекратилась, Бектемир выбрался из окопа. Посмотрев на котелок, неопределенно промычал: каша была покрыта толстым слоем земли. Он принялся осторожно счищать грязь. Но когда положил в рот одну ложку, ощутил, что это была не каша, а глина. Сплюнул и выругался:

— Гады. Не дадут поест по-человечески.

Бойцы дружно засмеялись:

-- Что? Вкусная каша?

Аскар-Палван хмуро сказал Бектемиру:

— Как у Насреддина весь скандал произошел из-за чапана, который никому не достался, так и вся вот эта кутерьма из-за каши. Вкусный, теплый запах еще не дошел до носа, как с треском котелок вылетел из рук.

— Вот, оказывается, и котелок может щитом стать... — улыбнулся Бектемир.

Вечером бойцы получили подарки из тыла. Бектемир развязал мешочек. В нем были две пачки папирос «Наша марка», пара носовых платочков, несколько печений, горсть шоколадных конфет, зубная щетка, туалетное мыло, карандаш, бумага и конверты. Дрожащими руками развернул белые шелковые платочки. По краям тоненькая нежная кайма. По уголкам зелеными, голубыми, розовыми нитками были вышиты красивые цветы. В середине платочка красными нитками слова — «За Родину».

Глаза Бектемира загорелись. Эти цветочки показались ему горными, живыми, нежными. Хотелось с наслаждением вдохнуть их запахи.

Когда-то бывший чабан лежал на траве и его окружали вот такие милые, озорные, напоенные тишиной и светом цветы.

С хрустом грызя печенье, он машинально рылся в конвертах. Внутри одного из них боец обнаружил маленькое письмецо. Уставившись в письмо, он долго изучал его. Наконец обратился к одному русскому бойцу.

— Нет. Ты сначала послушай мое письмо, — захлебываясь от восторга, сказал тот. — Каждое слово, как огонь, жжет сердце. Нет... Пьяным становишься от этих слов.

Он читал волнуясь.

— Посмотри на нее. Сама она красива, и почерк красивый, — боец протянул фотокарточку.

Бектемир посмотрел. На фото была девушка с выбившимися из-под беретки завитушками, с полненьким лицом и прищуренными глазами. Она, словно ласкаясь, склонила слегка голову набок. На ее свежих губах сохранилась нежная улыбка...

— Удивительная девушка. Бьется сердечко? — спросил Бектемир.

— Эх, если бы была возможность полететь мне в Москву дня на три, — мечтательно произнес боец. — Как только кончится война, обязательно поеду. А пока буду разговаривать в письмах. У меня почти никого нет. Поклонюсь ей. Как ваше здоровье, как жизнь, Тонечка, ска-

жу. Потом крепко, крепко поцелую... — Взглянув еще раз на фотографию, боец вздохнул: — Ну, давай твое письмо!

Бектемир попросил читать медленно-медленно, растолковывая ему некоторые слова, и приготовился внимательно слушать. Девушка из далекого города Фрунзе писала:

«Здравствуйте, товарищ боец! Я не знаю, кто вы — русский, украинец, узбек, казах, киргиз? Но я знаю хорошо, что вы истинный сын великой Родины, что вы герой. Мы гордимся вашими отважными делами. Хотя мы далеко от фронта, сердца наши с вами.

Рука бессильна, чтобы описать варварство фашистов. За слезы несчастных матерей, за кровь детей, за оскорбленных девушек боритесь до последнего дыхания!

Дорогой боец! Все советские люди самоотверженно трудятся для фронта, для победы. В этом году я окончила десятый класс. Я мечтала поступить в институт и стать художницей. Я хотела своим искусством прославить красоту Родины. Но началась война. Я поступила на завод.

На нашем заводе рождаются все новые и новые герои. Я не желаю оставаться позади. Два моих брата на фронте. Сестра учится. Она будет связисткой. Мать моя занята тем, что подыскивает для эвакуированных детей добрые семьи советских патриотов.

Хотим быть похожими на вас.

С любовью и уважением, целуем вас.

Клара Пронина».

Бектемир от волнения даже побледнел.

— Пожалуйста, прочти еще раз, — попросил он.

Не шелохнувшись, прослушал Бектемир письмо еще раз.

— Умная девушка. Благородная девушка. Очень правильный путь избрала. Вначале надо сберечь от врага Родину, а для этого надо лить пули, делать винтовки, пулеметы. Узбеки так говорят: каждому делу свое время.

Джигит аккуратно сложил письмо и спрятал его за пазуху. Несколько раз проводил он рукой по шершавому сукну шинели: там ли письмо?

...Наступила ночь. Изредка лениво взрывались немецкие снаряды. Враг этим хотел предупредить — не спим, мол, всегда наготове...

Бектемир не мог сомкнуть глаз. Густая темнота давила на него, холодный ветер гудел в ушах, колот лицо.

Ночь была длинной, бесконечной. Откуда-то доносился приглушенный стон раненого. А Бектемир ничего не слышал, ничего не чувствовал.

Аскар-Палван, положив голову на его колени, задремал. Что ж, пусть отдыхает солдат. А Бектемир думает о девушке Кларе Пронинной. Хорошо бы послать ей письмо. Конечно, он попросит кого-нибудь из русских товарищей написать.

Только все слова должны быть его, Бектемира.

Думает, с чего бы начать. Ищет красивые, звучные слова. А что, если написать ей так:

«Фархад, увидев в таинственном зеркале Ширин, влюбляется. Отправившись в ее страну, он рушит там горы и проводит воду. Дерется с врагом, вторгшимся со своей армией в ее страну. Я увидел вашу красоту в вашем письме...»

Подкрадывается рассвет — бледный, облачный. Над деревьями стелется туман, окутывая голые ветки. Влажный и холодный воздух пронизывает уставшее тело до самых костей.

Бектемир зевнул, погладил затекшие ноги. Вспомнил золотые зори рассвета в родном краю. Но они казались какой-то яркой мечтой и неповторимым, далеким сном.

Солдаты сидели в пыльной одежде, грязные. Некоторые лениво жевали хлеб.

Как обычно по утрам, началась перестрелка.

Когда молоденькая медсестра, полная, постоянно улыбающаяся, перевязывала рану Бектемиру, появился Дубов.

Он ушипнул девушку за нос, потянул за ухо. Девушка недовольно поморщилась.

Дубов засмеялся, шевеля усами.

— Все, что осталось от человека — усы, — съязвила сестра.

— Ну-ну, сестричка, — Дубов примиряюще поднял руку, — не обижайся.

Девушка передернула плечами и ушла.

— Надо с-шуткой жить, — сказал Дубов Бектемиру. — Кровь живет по жилам течет. Шутка на фронте — большое дело. А не то тоска съест.

Бектемир в знак согласия молча кивнул головой.

— А у немцев совсем плохо дело, — продолжал Дубов. — На всех кишат вши. Вот недавно я одного видел. Офицера. Он, пьяный, заблудился ночью. Старик один привел его прямо в штаб. Восхищаюсь я нашими стари-

ками! Выросли в трудах и лишениях, а чудеса могут творить. В сердцах огонь у них горит.

Дубов с восхищенным доказывал преимущество старого поколения перед молодым.

— А что молодежь? Им бы обниматься с милыми под кустами. Вот и вся забота.

Бектемир хотел возразить товарищу, но Дубов горячо продолжал:

— Жаль, уходят старики. Земля зовет их. Но они уходят со спокойной душой. Счастье для молодых расцветает на земле. Нечего о молодых беспокоиться. — Дубов вдруг тряхнул головой: — Да что это я отвлекся! Так вот. Немецкий офицер, как бешеная собака, чешется. С волос, бороды, одежды вши сыплются... Тьфу!

— Значит, целый базар вшей, — определил Бектемир. — Пусть им еще хуже будет! Кто звал их в эти места? Жили хорошо, богато. Нет же, явились. Пусть потомство их пропадет!

Бектемир передохнул и спокойно продолжал разговор:

— Но вот ты, Дубов, насчет молодого поколения не прав. Не будем ходить далеко, возьмем наших ребят. Вася Серов? Уничтожил немецкий взвод. Курочкин? За день поджег два танка, убил тринадцать фашистов. Приходько? Своим телом накрыл пулемет. А наш друг сержант Бейметов? Из пушки отправил на тот свет целый взвод гитлеровцев. Да всех не перечислишь! Хороших ребят очень много!

— Все это правильно, — ответил Дубов. — Но должно быть так, чтобы фашист лишь только заметит нас, только услышит наш голос — и сразу за штаны хватался.

— Будет так, подожди. Наши солдаты закалятся в огне.

— Вот об этом и речь. Молодежь должна быть, — Дубов выразительно сжал кулак, — вот какой!

Завтрак прошел сравнительно спокойно. Но взорвался один снаряд, за ним другой, третий. Показались танки. Вслед за ними крались автоматчики. Немцы, пригнувшись, подходили все ближе. Первые пулеметные очереди прошлись по рядам автоматчиков, и они врассыпную отступили.

Но через несколько минут снова атака.

— Огонь!

Это крикнул новый командир батальона Никулин.

Капитану не более тридцати лет. Аскар-Палван не видит в нем ничего мужественного. Но на самом деле этот

человек с тонким нежным лицом не думал отступать ни на шаг.

Он смело ходил среди града пуль и всегда был в тех местах, где больше всего нажимал враг. Капитан подбадривал бойцов.

— Ничего он с нами не сделает,— спокойно убеждал Никулин. — Мы на своей земле, и, что бы он ни замыслил, ничего у него не выйдет.

— Враг только намечал свои планы, а капитан Никулин определял их по еле заметным признакам и принимал решения.

Капитану сообщили по телефону, что на соседнем участке положение стало тяжелым и что там необходима помощь.

Для Никулина в этот момент был дорог каждый боец. Он только было раскрыл рот, чтобы объяснить собственное положение, как связь прервалась.

Никулин зло ударил кулаком по коробке телефона:

— Чтоб ты провалился...

— Сейчас, товарищ капитан. Минутку.

— Они с ума сошли. Какая помощь? Нам самим помощь нужна...

Связисты, рядовой Анохин и юркая девушка Соня Хабибулаева, уже ползли вперед с удивительной быстротой. Связистов несколько раз засыпало землей, но, снова поднявшись, они спокойно, неторопливо принимались за свой труд...

Никулин нетерпеливо взял трубку — работает. На вытянувшемся, похудевшем от тревог лице командира выразилось удовлетворение.

— Молодцы связисты!

Среди ужасающего гула капитан нервно, хрипло объяснил серьезность своего положения. Но, вероятно, у соседей дела были еще хуже.

— Хорошо... — наконец выдавил из себя капитан. — Поможем.

Положив трубку, Никулин тяжело вздохнул:

— Нужно же так...

Младший лейтенант, широкогрудый, черноглазый грузин со сросшимися бровями, задумчивыми глазами и большим ястребиным носом, понял, в чем дело.

— Отправляйтесь со своим взводом в распоряжение...

Капитан назвал фамилию командира соседнего батальона.

Никулин пытался быть в курсе боевых дел не только

подразделений, но и каждого бойца. Он с беспокойством оглядывал солдат, зная, как ограничены боеприпасы — все подъездные пути находились под сильным артиллерийским огнем противника.

— В белый свет не стреляй, фашиста ищи, — поучал Никулин на ходу какого-то бойца. — Каждый патрон дорог сейчас.

— Знаем, товарищ комбат, — раздался бодрый голос.

— Знать-то знаете, да не все выполняете.

Еще раз оглядев подчиненных, офицер посмотрел на часы. Скоро атака. Как поведут себя бойцы на этот раз?

...Пытаясь унять волнение, с бледным лицом, Никулин поднялся и подал команду:

— За Родину, вперед!

Голос командира потонул в мощном «ура».

Капитан Никулин с наганом и гранатой бежал впереди бойцов.

Но их встретил огонь, заставивший залечь.

Никулин тоже бросился в какую-то яму.

Казалось, он совсем оглох, голова была горячей и тяжелой, но мысль работала ясно и быстро.

«Что делать? Возвращаться назад? Невозможно. Лежать? Через некоторое время враг всех погубит. Самый лучший выход — наступать. Именно наступать».

Но вдруг где-то в глубине души шевельнулось сомнение:

«Ну, а если бойцы после команды не поднимутся?»

Вспомнились лица воинов, всех, которых он близко знал.

— Поднимутся... — теперь уже уверенно прошептал капитан.

Он знал, что в ответственные минуты личная отвага и пример командира обладают огромной силой, способной в мгновение окрылить сотни людей.

Никулин снова подал команду:

— Вперед, товарищи!

Первым поднялся Васильев, лежавший шагах в двадцати от комбата. Взяв винтовку наперевес, он поддержал команду зычным голосом:

— За Родину, друзья!

Васильев бежал впереди всех. Остальные хотя и не так, как прежде, дружно устремились вперед.

Никулин добился своей цели, получилось точно так, как он предполагал. Враг дрогнул и побежал, бросив даже своих раненых.

Только на одной маленькой возвышенности фашисты еще держались.

— Вперед!

К возвышенности приближался один из взводов батальона.

Никулин с восхищением смотрел ему вслед. Он уже твердо верил, что и с высоты противник будет выбит. Рядом с собой комбат увидел смуглого, сильного бойца. Глаза солдата сверкали. Это был один из тех, кто первым поднялся в атаку.

Никулин, положив руку ему на плечо, сказал по-братски:

— Рахмат! Молодец, Бектемир. Ты повел за собой людей.

— Товарищ капитан, был же такой момент: если бы остались лежать — раздавили бы нас, как лягушек. Раз встал, лети, как лошадь в скачке!

— Сколько ты сейчас убил?

— Мало, мало, — с сожалением сказал Бектемир. — Можно было больше.

Бектемир с трудом выразил свою мысль по-русски, но по-детски искренне, непосредственно.

Никулин слушал, улыбаясь.

Бой снова разгорелся.

На помощь солдатам подошли два танка. Под их защитой продвигаться стало легче.

Враг был в замешательстве. Нужно было немедленно воспользоваться этим, и бойцы снова поднялись в атаку.

До немецких окопов первыми добежали Аскар-Палван и Дубов. Они начали обстреливать удиравших немцев.

Бектемир, опустившись на колено, тоже стрелял. Но вот вблизи застрекотал автомат. Со свистом пронеслись пули. Боец осторожно посмотрел вокруг. За увядшей помятой травой он увидел силуэт автоматчика. Бектемир выстрелил, и немец медленно повалился на бок.

Бектемир решил взять оружие врага и начал приближаться к гитлеровцу, ради осторожности, ползком.

Раздвинув шелестевшую траву, джигит осмотрелся. Фашист лежал вверх лицом с окровавленной грудью. Внезапно он поднял голову. Это был плечистый парень. Одной рукой он схватился за пустой диск автомата, намереваясь стрелять в Бектемира. Но боец прикладом винтовки ударил гитлеровца, и тот упал как подкошенный.

Решив, что возвышенность в руках русских, немцы начали поливать ее огнем минометов и артиллерии.

Взлетали комья земли. Высотку заволокла пелена дыма. Из-за него ничего невозможно было увидеть. Многие бойцы уже не могли подняться. Они лежали не шевелясь. Вот и старший сержант Дьяков, схватившись за грудь, рухнул на землю.

— За мной! — зычно скомандовал Дубов.

Рядом с Бектемиром бежали братья Қасымджан и Хашимджан. Оба растерянные. Этот бой в их жизни был первым.

Они родились близнецами, мало чем отличались друг от друга.

Хашимджан был учителем, Қасым — студентом. В бою братья старались не разлучаться друг с другом. Приходилось ли подниматься с земли или бросаться на землю, они делали это вместе.

Вдруг около Қасымджана разорвалась мина. Сквозь дым к нему бросился Хашим с криком:

— Ой, братец милый!

Он стонал, плакал.

Бектемир, не сдержавшись, изо всех сил закричал:

— Вставай, беги вперед, или и ты погибнешь!

Хашим не мог выпустить из объятий брата.

Бектемир подбежал и, дернув его за плечо, крикнул:

— Что ты уселся? Мсти за брата!

Хашим ничего не понимал. Он тупо посмотрел на Бектемира, схватил окровавленную винтовку брата, вскочил и, обгоняя других бойцов, бросился вперед.

Фашисты, должно быть полагая, что русские уже не двинутся с места, прекратили огонь. Ошибку свою они поняли с опозданием.

Бойцы уже занимали окопы по другую сторону возвышенности.

Хашим бежал, ничего не видя, не слыша. У него было одно желание — отомстить.

— Стой! — закричал ему Бектемир. — Ложись.

Опомнившись, учитель упал на землю.

Солнце заходило за облака, оставляя кровавую дорогу. На поле начала спускаться темнота. За хмурыми деревьями из какого-то здания медленно поднимался дым.

Бектемир растянулся на земле усталый, разбитый. Сейчас он только почувствовал, как голоден — с утра во рту маковой росинки не было.

— Здоров ли ты? — Аскар-Палван положил руку на плечо друга.

Джигит, словно проснувшись, поднял голову. Только сейчас осознал, что наступила тишина. Словно человек,

который в летний день зашел в ледяное помещение, он от вечерней прохлады ощутил озноб в теле.

Друзья молча смотрели друг на друга.

Подошел Хашим.

— Садитесь,— предложил Бектемир и, вздохнув, почувствовал:— Что поделаешь?! Война.

— Души наши висят на волоске. Сегодня наш волосок не оборвался,— утешил Аскар-Палван.

— Пусть даже остался бы он без рук и ног, но был бы жив,— заплакал Хашим.— Какой удивительный парены! Если узнает мать, сердце ее разорвется! Друзья, пойдемте похороним в сторонке.

Все молча поднялись. Хашим, оказывается, уже спрятал тело брата в траве.

Бектемир помог Аскар-Палвану отнести убитого в местечко поукромнее.

Появился маленький бугорок.

В небе сверкнули две звезды, как свечи на могиле безыменного солдата! Слово в трауре по молодому солдату из далекой Азии, печально простонал в деревьях ветер.

Учитель, глубоко вздохнув, едва поднялся с места.

— Мсть. Это и есть исцеление от горя. Говорят же: кровь за кровь! Смерть за смерть! Это справедливо,— произнес Бектемир.

— Я начал мстить.— Учитель опустил голову.— Но трудно утешиться одной мстью. Сотни вражеских жизней не стоят одной капли его крови!

Глава восьмая

В землянке генерал кратко, деловито беседует с группой офицеров. Землянка окутана густым табачным дымом.

Генерал недовольно морщится:

— Нужно же так накурить! Прокоптились дымом. Папиросы, папиросы... Хватит курить.

— Очень тяжело нам...— Капитан Никулин не отходит от основной темы разговора.— Но будем держаться. Сумеет. Не отступим.

Он, несколько раз глубоко затянувшись, вдавил папиросу в пепельницу.

Генерал одобритительно кивнул головой:

— Мы надеемся. Верим вам...

Соколов поднялся: нужно было прощаться и ехать.

— Ваши просьбы учту. Боеприпасы дадим. Об остальном решим...

Офицеры стояли молча...

Генерал еще раз напомнил о серьезности положения. «А ведь так на каждом участке фронта,— думал Соколов, разглядывая сосредоточенные лица командиров.— Готовы голыми руками остановить поток разгоряченного металла. Если бы в эти руки сейчас подходящее оружие!»

Потом еще раз оглядел офицеров, поднял стакан с холодным чаем, допил.

— До свидания, товарищи!

Нужно было ехать, разобраться в обстановке, подбодрить людей. Он сам еще не знал, генерал Соколов, что скоро придется отдавать совсем иные приказы.

...На другой день опять несколько раз произошли короткие, но ожесточенные схватки. Возвышенность переходила из рук в руки. И все же ее удалось удержать. Батальон капитана Никулина со своей позиции не отступил ни на шаг.

Это был огромный успех, если учесть, что все атаки противника отражались без прикрытия с воздуха, без танков.

Когда время перевалило за полдень, генерал Соколов, стараясь говорить спокойно, передал по телефону приказ отступить. Глаза Никулина, покрасневшие от недосыпания, расширились от удивления. Он не успел и рта раскрыть, как генерал на другом конце провода бросил трубку.

Опять приказ отступить! От гнева худое лицо капитана искривилось. «В чем дело?.. Что это за решение?»

Никулин пытался вникнуть в смысл приказа. Он с трудом заставил себя трезво оценить обстановку. Конечно, отступление продиктовано общими неудачами.

Никулин, сжав зубы, кружил по землянке, окутанной дымом коптилки. Он зажег ручной фонарик и нагнулся к карте. Положение действительно было тяжелое. Если срочно не принять меры, то утром враг сожмет батальон со всех сторон в крепкое, железное кольцо.

Капитан оторвался от карты, которая, словно зеркало, отражала замысел врага.

Через несколько минут были собраны командиры рот и взводов. Они заходили в землянку спокойно, не проявляя спешки, растерянности. Капитан тоже пытался взять себя в руки.

Стремясь не обнаружить волнения в голосе, Никулин разъяснил положение. На мгновение головы словно по команде опустились.

Один из лейтенантов глухо произнес:

— Возможно, уже сейчас мы в окружении. Немец наловчился в этом деле.

Никулин решительно шагнул к нему. Рядом с лейтенантом с широкой могучей грудью он выглядел подростком. Сжав кулаки до боли, Никулин строго, почти шепотом спросил:

— Что ты хочешь сказать? Чтоб мы сдались?

— Товарищ капитан, я... несколько... Не говорил...— испуганно отшатнулся лейтенант.— При чем же тут — сдаваться?

— Таков был ваш голос...— Никулин пробежал глазами по лицам других командиров. Все стояли, обдумывая неожиданный, ошеломляющий приказ.

— Будем отступать. Запомните порядок отхода. Первыми двигаются...

Командиры стоя выслушали капитана.

Никулин вышел из землянки последним.

Небо снова затянуло тучами — густыми, сердитыми. Упали первые капли дождя. Через несколько минут дождь усилился.

«Не вовремя,— покачал головой Никулин.— Нужно же именно сейчас».

Показалась машина. У землянки она остановилась. Это подъехал генерал Соколов.

Никулин встал навытяжку, отдал честь. Генерал протянул руку.

— Я не понимаю...— волнуясь, начал Никулин.— Оборона станции была прочной...

Генерал молчал. Внутренне он переживал, может быть, больше других.

— Ничего не поделаешь,— стараясь говорить как можно бодрее, сказал генерал.— Временное явление.

Он закурил.

— Не забывайте нашей славной истории,— произнес генерал.— Это уже бывало.

Он сам понимал, опытный воин, что ссылка на историю — очень слабое утешение.

В нескольких шагах от генерала остановились бойцы — печальные, хмурые.

— Быстрее, быстрее,— обратился к ним генерал.— Нужно отходить.

У бойцов, казалось, руки не поднимались, чтобы собрать нехитрые солдатские пожитки.

Больше дел было у артиллеристов. Они быстро, сновисто готовили к маршу пушки.

Дождь уже хлестал вовсю.

Машины едва тянули пушки. За ними не спеша тронулись обозы.

Когда батальон отошел от своих позиций, вражеская артиллерия внезапно открыла огонь. Снаряды рвались, преследуя отступающих бойцов.

Первый же снаряд достиг цели. Взлетело несколько телег и одна машина. Раненые, которые только что сквозь зубы ругались, были раскромсаны осколками.

После другого взрыва загорелись ящики с боеприпасами. Никулин первый бросился к опасному месту. Его примеру последовали еще несколько человек. Руками, шинелями, землей они начали сбивать желтые языки ненасытного пламени. Несчастье было предотвращено.

Никулин дул на обожженные руки, отдавая приказание.

Шли всю ночь, низко опустив голову, молча, торопливо. Бектемир, хотя и не различал лиц, чувствовал, что все хмуры, расстроены.

Неожиданное отступление вносило в сердца людей чувство опасения, излишней осторожности, даже растерянности.

Бектемир по отрывочному, злому ворчанию некоторых бойцов догадывался, что кое-кто подозревает капитана Никулина в предательстве. Он сам испугался этой мысли.

«Нет, глаза этого человека чисты. Глаз не дырка на овчине,— подумал Бектемир.— Все расскажет».

Невольно вспомнилось по этому поводу мнение отца.

Однажды в кишлаке появился какой-то незнакомый человек — уже в летах, с приятным лицом, мастер на все руки. Он шил сапоги, чинил замки, штукатурил... Односельчане начали его лелеять, как дорогого гостя. И только отец Бектемира Уринбай-ата сразу стал врагом этому незнакомцу.

— Плохой гость, — сказал он своим землякам. — Он человекоубийца.

Все удивились этому, а Уринбай-ата пояснил:

— Весь грех в его глазах.

Действительно, не прошло и месяца, как предсказание Уринбая-ата подтвердилось.

Бектемир был уверен, что причина отступления одна — необходимость избежать окружения.

Тронув Дубова за руку, Бектемир спросил:

— Скажи, может фашист положить нас в мешок?

— Э, неужто не поймешь, Темирчик, — сердито ответил Дубов. — Если соседи твои никуда не годятся, то путь к тебе вора́м открыт. Прямо средь белого денечка разграбят.

Что так смотришь? Немец хорошо знает тактику. Слева будет бить, справа будет бить, прыжком обойдет тебя, потом скажет: а ну иди по-хорошему ко мне, а не то буду сжимать петлю. Немцу большой бой не по душе. Его генералы только и ищут случая, чтоб закричать: «Рус, сдавай!» Словом, если только избавимся от его клещей — большое счастье!

— Большое счастье! — с иронией повторил Бектемир. — Если мы оставляем землю, где каждый метр облит кровью, разве это большое счастье? Не вижу в этом ничего хорошего.

— Да, но отступать нужно уметь. Как говорят великие люди, это тоже искусство.

— Вот если бы я увидел, как гитлеровцы с искусством отступают, то умер бы без сожаления... — покачал головой Бектемир.

— Генералам нашим скажи, братец! — не выдержал Дубов. — Твои и мои руки коротки. Но со своим делом мы справимся.

Он зло сплюнул.

— Если мы будем действовать самостоятельно, можем взять за горло только один какой-нибудь взвод. Ну, а генерал? Он может спокойно проглотить армию.

Бектемир промолчал, а Дубов, уже успокоившись, продолжал:

— Раз человек он высокий — и аппетит у него должен быть большой. Но среди генералов, по-моему, есть и такие, которые могут ошибаться...

Бектемир представлял себе генералов как очень уважаемых, известных людей, которые знают всю премудрость войны. Мысли Дубова показались ему сложными, странными, своевольными.

Опустив голову, расстроенный, Бектемир продолжал молча идти.

На рассвете батальон остановился около небольшой речки. На привале пришло известие о том, что враг следует по пятам, не задерживаясь ни на минуту.

Никулин приказал открыть артиллерийский огонь.

— Это заставит немцев остановиться, — рассуждал капитан. — Неожиданный огонь внесет растерянность...

И снова в путь. Вскоре подошли к реке.

Бойцы медленно входили в прозрачную воду, которая, казалось, текла сквозь густой утренний туман. Погружаясь в воду, воины начали карабкаться на противоположный берег.

Но оттого, что берег был крутой, почти невозможно было вывезти обозы. Бойцы задыхались, подпирали повозки плечами, подталкивали колеса, помогали лошадям.

Телеги пришлось разгрузить и выносить все на себе. Промокшие насквозь, дрожащие от холода, бойцы, не задерживаясь, пошли дальше.

Только некоторые, разувшись на обочине дороги, успели вытряхнуть воду из сапог. Настроение было вконец испорчено.

— Надо было нам остаться и драться до последней капли крови, — стучал зубами Аскар-Палван. — Эта переправа хуже всякой смерти.

— До смерти вроде есть еще время. Жив ты. Смотри, пока смотрится, — без оптимизма ответил Бектемир.

Вскоре батальон вошел в деревню. Бойцы не могли смотреть на женщин, стариков, детей, которые вышли им навстречу. Они не могли смотреть даже на маленькие, без стекол, пустые домики.

Куда бы спрятать свои глаза?

Женщина поставила ведро на землю и, покачав головой, закричала:

— Давайте винтовки нам, бабам!

Бектемир готов был залить свои уши свинцом, чтобы не слышать этих слов. Вот бы треснула земля и он провалился туда!

Слова, сказанные незнакомой женщиной, показались криком родной его матери. Улицы деревни будто обжигали пятки. Бойцы ускорили шаг. Но Бектемир стыдился и этого. Казалось, что люди говорили: «Эй, врага-то не видно, что вы так летите?»

Старик, крепко перепоясанный поверх белой истрепанной одежды, в лаптях, с пышной бородой, внимательно разглядывал проходящих бойцов. Голос его дрогнул:

— Сыночки, на кого вы нас оставляете?

Капитан Никулин отозвался громко, бодро:

— Отец, не печалься, хребет русского и гора не сможет сломить. Мы возвратимся.

Бектемир понимал переживания жителей.

Их глубокая любовь к Родине, безграничная ненависть к врагу были укором для отступающих. Но вместе с тем глаза жителей наполнились лаской.

Сейчас простые люди не могут приостановить отступление, но они готовы раскрыть объятия, отдать бойцам все, что имеют.

Это не успокаивало Бектемира. Он еще глубже понял свою ответственность.

С наступлением темноты капитан Никулин вывел батальон на открытое место. После нескольких минут марша по дороге, заваленной исковерканными телегами, сгоревшими машинами, мертвыми лошадьми, телами людей, усыпанной разбитым военным снаряжением, батальон остановился на привал. Откуда-то появившиеся дети предупредили капитана Никулина:

— Впереди деревня... В нее вошел немец. Дальше дороги нет.

Батальон вынужден был углубиться в лес, где и остановился. Хотя Никулин ничего не говорил, бойцы почувствовали, что они окружены.

Бектемир сел, прислонившись головой к дереву, и вытянул ноги.

«Отступление, конечно, допустимый маневр,— подумал он.— Не такое случается на войне. Займешь новую позицию — новыми силами встретишь врага. Если рука твоя окажется сильнее, обратишь и путь отступления в путь победы. А что значит остаться в окружении? Это — петля!»

К нему приблизились Дубов и Аскар-Палван. Бектемир, не глядя на них, только произнес:

— В капкан попали.

— Теперь мы словно мыши. Тяжелые дни...— выругался Дубов.

— У командира много ума. Наметил бы своим компасом, нашел бы маленькую дырочку, проскочили бы — и все тут...— добавил Палван.

Ночь прошла без происшествий. Бойцы, закутавшись в шинели, спали неподвижно на сырой земле, как камушки на дне реки. С рассветом была послана разведка.

Она выяснила, что окрестные деревни заняты гитлеровцами.

Лес, казавшийся безграничным, тихим, сейчас становился опасным — неожиданно можно было натолкнуться на засаду. Ни у кого не осталось даже крошки хлеба. Голодные бойцы пересекли болото, проваливаясь в топь, затем мокрые пошли дальше сквозь лес.

Отступление и возможность очутиться в клещах врага окутывали настроение солдат черной, гнетущей пеленой.

Говорили мало, шутки и смех, казалось, были забыты вовсе.

Подошла еще одна ночь — холодная, туманная. Бойцы растянулись на влажной земле. Счастливы, которым удалось сохранить махорку, закурили. Запах табачного дыма беспокоил всех. Вокруг каждого курильщика собралось по несколько человек. Слышались умоляющие просьбы:

— Дай докурить! Оставь!

Черный шатер ночи стал багровым от огня — вдали горели деревни. Где-то послышалась ружейно-пулеметная перестрелка. Видно, какая-то часть решила с боем пробиться из окружения.

Капитан Никулин послал разведчиков, чтобы узнать, где еще есть советские войска.

Бойцы почувствовали облегчение. Но разведчики после долгого отсутствия вернулись ни с чем.

Капитан Никулин приказал спать. Все утихло, но в полночь караул поднял тревогу. Сонно переругиваясь в кромешной тьме, стали готовиться к бою.

Через несколько минут выяснилась причина тревоги. Оказывается, бойцы, отставшие во время отступления от своей части, в долгих поисках дороги натолкнулись на батальон. Они шли вместе с тяжелораненым младшим лейтенантом.

В течение четырех дней бойцы несли полуживого командира то на плащ-палатке, то на плечах. От голода и усталости они не могли говорить.

Наступил тусклый рассвет.

С опухшими глазами, грязными лицами, солдаты снова вышли в путь.

Раненого младшего лейтенанта, бледного, притихшего, несли на плащ-палатке. Это был совсем еще юноша, у которого даже не пробились усы. Его нежные, как шелк, русые волосы слегка трепал утренний ветерок. Сердце Бектемира сжалось от боли. Но чем он мог помочь ему, да и другим!

Аскар-Палван, взваливший на себя ствол пулемета, шагал тяжело, широко.

Впереди всех с полевой сумкой, свисавшей до самых колен, шел капитан. Он старался идти бодро, изредка украдкой поглядывая на бойцов.

Почти весь день не отдыхали. Разведчики донесли, что по всем дорогам беспрерывно двигаются вражеские машины, танки, пехота.

Никулин решил не выходить из леса. Но в какую бы сторону он ни направлялся, через некоторое время вынужден был менять курс. В лесу встречались бежавшие от врага старики, женщины, дети.

Они безнадежно сообщали одно и то же:

— Там немец!

— Туда нельзя... Там немец!

Аскар-Палван, стерев пот с пожелтевшего лица, прошептал на ухо Бектемиру:

— Пусть командир спрячет подальше компас и карту. Самый лучший путеводитель — это риск!

— К чему без пользы лезть в огонь головой? Сейчас нужно семь раз отмерить, один раз отрезать,— ответил Бектемир.

— Чтoб семь раз мерить, живот должен быть сыт,— проворчал Аскар-Палван.— Пустой мешок не будет стоять прямо. Не сегодня-завтра не останется сил даже стрелять из винтовки. Тогда что?

— Скажи командиру,— посоветовал Бектемир, не задумываясь.

— Язык-то чешется... да мало-мало боюсь. Сегодня он не в духе, злой ходит.

— Есть от чего злиться. На его бы месте...— Бектемир махнул рукой.

К вечеру в пути умер младший лейтенант. Осторожно опустили на землю его тело.

Бойцы начали рыть могилу.

Почти все участники похода многое повидали и испытали. Но сейчас в лесной тишине они с особой болью переживали смерть юноши.

Когда вырыли могилу, капитан Никулин опустил у изголовья, погладил широкий лоб командира взвода, его нежные, красивые волосы. Потом, поднявшись, усталым, хриплым голосом коротко сказал:

— Спи спокойно, дорогой товарищ. Отважный командир! Мы отомстим за тебя!

Между двумя стройными березами, на верхушках которых играл холодный свет, появился бугорок.

Ночью погода была ясной, морозной. Стояла та же тишина, только изредка доносилась далекая перестрелка.

На рассвете в разведку ушел Бектемир.

— Пройдешь в сторону дороги,— приказал комбат.— Узнаешь, что там творится.

Над деревьями поднимался легкий туман. Все было обычно.

Аскар-Палван неодобрительным взглядом проводил земляка.

Глава десятая

Бектемир шел долго, пока не добрался до опушки леса. Сквозь редкие деревья виднелись домики. Расспросив женщину, которая отправлялась подоить спрятанную в ле-

су корову, Бектемир узнал, что немцы здесь проходили и могут появиться еще.

— Много их в этих местах. Очень много,— грустно произнесла женщина.

Бектемир попрощался. Он брел назад, низко опустив голову. Вокруг одни только немцы. Что делать?

Ему показалось, что он заблудился. Растерянный, голодный, усталый, он кидался в разные стороны. Не оставили его и далекие звуки короткой перестрелки.

Под вечер Бектемир натолкнулся на ориентиры, которые отметил еще утром, и вышел к поляне, где ночью останавливался батальон. Но здесь никого не было. Невдалеке он увидел рассыпанные гильзы, разбитый пулемет, несколько касок и следы крови. Значит, батальон вырвался отсюда...

Бектемир осмотрелся. Взгляд упал на тело бойца, лежавшего за гнилым пнем. Подбежал, поднял голову. Мертв. Пуля прошла через шею.

Бектемир знал этого солдата — грубоватого, но сильного и смелого. Вздохнув, он опустил его голову. Несколько поодаль среди травы и кустарника увидел еще троих убитых. Боец с трудом узнал в одном из них командира взвода старшего сержанта Степанова: так он был изуродован.

Ночь в лесу наступала быстро. Нужно было что-то решить, а Бектемир не мог отойти от этого места. Он забыл про всякую опасность. Почему-то место недавнего привала не отпускало от себя. Здесь, прислонившись к деревьям, отдыхали товарищи; здесь они встретили врага и некоторые из них погибли. Он отыскал лопату и начал рыть влажную, мягкую землю. Словно кто подгонял его, он работал напористо, торопливо.

Наконец, задышавшись, он выскочил из ямы и, притащив тела убитых, уложил их рядом.

Бектемир был спокоен. Только когда он засыпал могилу землей и перед ним вырос черный бугорок, солдат вздрогнул.

Пустынный, молчаливый лес показался ему таинственной могилой.

Повесив винтовку за плечо, даже не определяя направления, спотыкаясь, Бектемир побежал. Джигит в боях каждое мгновение встречался со смертью, но сейчас, похоронив товарищей и оставшись один в темном лесу, почувствовал себя так, будто под ногами извивались змеи.

Но вскоре Бектемир взял себя в руки. Им овладело преж-

нее спокойствие. Он тяжело бросился на траву и заснул как убитый.

Когда, вздрагивая от холода, он открыл глаза, над деревьями плыл густой туман. Все тело болело: покалывало, ныло. Трава под ним была мокрой. Закутавшись в шинель, он вновь улегся, свернувшись калачиком. Но и так было холодно. Бектемир поднялся, вытер рукавом виштовку. Клубившийся вокруг туман густой пеленой окутал промерзшего бойца. Вдруг до его ушей откуда-то издали донесся лай собак. Бектемир двинулся в ту сторону: где есть собака, там есть живые люди. Шел долго. Но нигде он не увидел ни признаков дороги, ни признаков жилья.

Голод давал о себе знать. Бектемир стал собирать с кустов и кидать в рот красные и черные ягоды — горькие, кислые. Но от этой пищи было не легче. Он словно напился укуса.

Вдали на косогоре, поросшем редким кустарником, Бектемир наконец заметил двух женщин и старика с узелками.

Это, должно быть, местные колхозники, бежавшие от немцев в надежде сохранить свою жизнь. Бектемир, радостный, бросился навстречу.

Но люди неожиданно исчезли.

Боец закричал изо всех сил и побежал, налетая на деревья. Под ногами хлюпала застоявшаяся вода.

Бектемир растерянно озирался по сторонам. Никого, ни единой души. Он чувствовал себя ребенком, который увязался с отцом в лес и где-то его потерял.

Боец прилег на косогоре, поросшем пожелтевшей травой, среди стройных зеленых елок. Отсюда можно было наблюдать.

Солнце вышло на нежный голубой простор из черных облаков. И лес загорелся, засверкал.

Стволы стройных берез стали серебристыми. Еще не успевшие опасть золотые листья загорелись яркими, слепящими глаз красками. Рослые сосны словно протянули свои руки к небу, казались еще более могучими и гордыми. Зеленые волны елок засверкали от света. На их ветвях, подобно звездам, замерцали капли. Даже кое-где торчавшие голые пни, словно греющиеся на солнце старики, ожили. Лужи засветились, погруженные в глубокую дрему.

Чабан Бектемир часто оставался в одиночестве среди каменных громад родных гор. Он привык в тишине предаваться своим мыслям и только в такие минуты испыты-

вал наслаждение. И сейчас он невольно залюбовался неизвестными ему раньше картинами поздней русской осени.

Осень. Пора разлуки, пора отделения созревших плодов жизни от своих корней. Время, когда все отходит ко сну, чтобы потом ожить с новой силой, заиграть новыми красками.

Ветер срывает последние листочки и, понграв ими в воздухе, медленно опускает на землю.

Высоко над лесом стаи каких-то незнакомых птиц плывут неведь куда в далекие, жаркие страны.

Пора разлуки, расставания...

Но в лесу жизнь еще дает о себе знать. Солнце, используя каждую возможность, выглядывает из облаков. От этого лес то переливается ярким светом, то погружается в печальные тени. С веток, подобно слезам, текущим из глаз матерей, падают капли.

Лес живет... Из-за пня появляется заяц с торчащими ушками и, подпрыгнув мячиком, скрывается среди кустов.

Отовсюду доносится мощный запах земли.

Бектемир, размотав спутавшиеся портянки, потер ноги и снова обулся. Надев каску на голову, он безнадежно посмотрел вокруг. Но на этот раз вдалеке, за реденькими деревьями, снова заметил силуэты людей.

«Это не солдаты. Это местные жители бегут от немца», — прошептал Бектемир. Сердце его забило сильнее, словно он увидел своих родных.

Боец вскочил и, сжав винтовку, побежал.

Петляя между деревьями, перепрыгивая через пни, он бежал к людям, которые были где-то совсем рядом.

С трудом ворочая языком, он хрипло закричал. Но в лесу одиноко зазвучало только эхо.

Так он бродил в глухом лесу и на другой день, пока не вышел к шоссе на дороге. Солдат заметил на обочине девочку трех-четырех лет. Бектемир, словно не веря своим глазам, остановился как вкопанный, потом подбежал к девочке. Посмотрел в ее маленькие прозрачно-голубые глазки, погладил прядки развевающихся золотистых волос.

— Буря смерти опрокинул могучие деревья, но смиловился над этим нежным ростком! — прошептал солдат.

Девочка внезапно закричала, стала вырываться из рук.

Бектемир опустил ее на землю. Девочка бросилась к женщине, которая лежала вниз лицом. Девочка пыталась поднять голову убитой.

Бектемир изменившимся от волнения голосом спросил:

— Доченька, это твоя мама? Ма-ма? Мама?

По пухлым щечкам девочки покатались слезы. Бектемиру все стало ясно.

— Мама твоя спит. Ничего, пусть поспит немного. Я тебя понесу вон туда, к папе. Хорошо?

Откуда-то донесся гул самолета. Девочка обняла колени Бектемира и спрятала голову в полы его шинели.

Бектемир поднял девочку с земли, прижал к груди и быстро зашагал.

— Не бойся, пойдем к папе. Знаю, папа твой хороший, он даст тебе сахар. Сахар сладкий...

Бектемир сделал всего несколько шагов по дороге. Но, заметив невдалеке немецких солдат, вбежал в лес.

Шагая по болоту, между кустарников, он остановился только под вечер. Опустив девочку на землю, собрал сухую траву, соорудил что-то вроде постели. Посадив девочку рядом с собой, прилег. Девочка, нахмурив брови, отвернулась. Она боялась незнакомого человека.

Бектемир дул на ее обледеневшие холодные ручонки, пытался согреть их, погладил головку.

«Чем бы утешить эту сироту, бескрылую, слабую птичку...» — думал солдат.

Пощелкал затвором винтовки. Потом надул щеки и, словно ударяя пальцами в бубен, стал выбивать какие-то странные звуки.

— Как тебя звать? Скажи, как звать? Скажи, как? Ну скажи же...

— Зиночка, — тихо ответила она с каким-то безразличием.

— А, Зиночка, хорошо! — обрадовался ее голосу Бектемир. — Теперь мы с тобой близкие друзья. Давай руку, Зиночка!

Девочка, вдруг положив головку на колени Бектемира, умоляюще попросила:

— Дай хлеба. Кушать хочу...

Сердце Бектемира сжалось. Если бы этот пленец попросил у него жизнь, он не пожалел бы. Но где взять хлеб? Он знал, что в мешке не только хлеба — крошек нет. От голода он сам еле держался на ногах.

Не зная, что ответить ребенку, он низко опустил голову, словно был в чем-то виноват. Похлопав девочку по спине, начал утешать:

— Зиночка, хлеб завтра... Дам большой хлеб. В деревне есть бабушка, сейчас печет хлеб. Все отдам тебе.

— А мама? Ей тоже дадим?

— Да, конечно, — с болью ответил Бектемир.

— А сейчас что будем есть?— широко открыв голубые глаза, спросила девочка.

— Сейчас? Сейчас будем спать.

Зина нахмурилась, скривила губки.

На фоне голубоватого неба с реденькими облаками замерла бесформенная тусклая луна. Бектемир словно впервые увидел ее. С интересом рассматривал, показывал девочке, будто чудную игрушку.

— Знаешь, что это такое? Видишь, блестит, а?

— Луна,— ответила Зина.

— По-узбекски — «аймума»,— сказал, смеясь, Бектемир и вспомнил детскую песенку:

Аймума пышки,
Золотые крылышки...

От голода и усталости не было сил говорить. Он прикрыл одной рукой шинели девочку и сразу же заснул.

Когда Бектемир открыл глаза, шел дождь. Не спасли даже ветви деревьев: шинель промокла насквозь, по лицу стекали капли, вода по шее текла за ворот. Девочка, уткнувшись ему в грудь, плакала.

— Зиночка!— Бектемир встал с места. Повесил винтовку через плечо и, прикрыв голову девочки, поднял ее. В намокшем платье Зина совсем замерзла.

Холодный ветер, стонавший, как голодный волк, хлестал лицо. Лес гудел.

Шагая без дороги, Бектемир иногда по колено погружался в грязь, падал, опять поднимался.

Бектемир знал много сказок. В них герой шел по таким дорогам, где на каждом шагу подстерегали несчастья. У таких мест было название «Барса-Кельмес» — «пойдешь — не вернешься». Каких только мук и лишений не терпел герой этих сказок! Сейчас Бектемир был не в лучшем положении. Но в отличие от сказочных героев у него на руках еще голодный ребенок.

Бектемир решил дойти до какой-нибудь деревни и оставить там девочку. Почувствовав, что нужно отдохнуть, он остановился и тут же заметил построенный из зеленых веток треугольный шалаш.

В шалаше никого не было. Внимательно осмотревшись, Бектемир опустил девочку на землю.

— Тсперь отдохнем. Дождь совсем плохой, совсем плохой,— сказал он, глядя холодное, побледневшее личико Зины.

Девочка молчала.

Бектемир вытер винтовку. Сквозь листья и ветки текала и капала вода. А все-таки это было убежище! Через некоторое время солдат снял шинель, очистил грязь с ботинок и портянок.

Когда он вышел, чтобы наломать сухих сучьев, услышал пронзительный крик девочки. Хлюпая по грязи, побежал к шалашу.

— Что случилось, кузичогим? Испугалась? Я здесь, — ласково произнес Бектемир.

Зина плакала навзрыд, задыхаясь, как плачут, лишившись близкого, родного человека.

В горле Бектемира будто застрял комок. Солдат, еле удержавшись от слез, погладил головку девочки:

— Тихо. Не плачь. Сейчас огонь разведем. Тепло будет. Не надо плакать.

Бектемир сложил ветки посреди шалаша. В коробочке три спички, каждую нужно беречь.

Наглухо закрыв вход в шалаш шинелью, зажег спичку. Спичка вспыхнула и погасла. Следующая не пропала напрасно. Только пришлось дуть вовсю, прежде чем ветки с веселым треском загорелись. Бектемир посадил Зину около огня. Уселся и сам на корточки. На усталое и голодное тело огонь навевал какую-то опьяняющую усладу. Наполнив котелок дождевой водой, поставил его на огонь. Выпить горячего — об этом столько дней мечтал Бектемир. Девочка, заглянув в котелок, обрадованно захлопала в ладоши:

— Кашу будем варить?

Бектемир ничего не ответил, вздохнул. Затем поднялся с места и вышел.

— Только не плачь. Сейчас будем обед готовить.

Обошел вокруг шалаша, отыскал грибы. Вернулся с наполненной каской. Нанизав на деревянные вертелы мелкие грибы, поставил их на огонь. Этот «шашлык» оказался им очень вкусным. Зиночка ела с аппетитом. Бектемир впервые в жизни пробовал грибы. Он слышал, что грибы, зажаренные в масле, едят только весной, в мае.

Смеясь, он наставительно говорил девочке:

— Хороший шашлык. Лучше хлеба. Бери еще, бери.

Бектемир поджарил много «шашлыков», ел, пока не затошнило. Затем разжег костер сильнее, обсушил одежду. Чтобы позабавить девочку, он пытался показывать различные фокусы: подбросив угольки вверх, затем ловко поймав, перебрасывал их с ладони на ладонь. Этим сам

утешался, как ребенок. Тоскливое ощущение, тяжесть исчезли из груди.

Показалось, что темнота наступила внезапно. Уложив девочку и усевшись на корточки рядом, предался мучительно сладким думам. Припомнил свой кишлак, свою семью с многочисленной детворой. Ощутил тоску по Аскар-Палвану и другим землякам, по Дубову. Как-то особенно сильно стало жаль девочку. Решил, что никому не отдаст ее, принесет в свой батальон.

Чтобы не дать костру потухнуть, Бектемир понемногу подбрасывал ветви. Сквозь дождь и шум ветра донеслись глухие звуки. Боец внимательно прислушался: сомнений не было — перестрелка. Но где-то очень далеко. На всякий случай не спускал винтовку с колен.

Утром Бектемир снова поджарил грибы. Но девочка на этот раз не стала есть. Она только поморщилась.

Дождь прекратился. По небу лениво плыли караваны белых облаков. Солнце поднялось, сверкая во всем своем великолепии. Осень заставила сиять пламенем умытое, чистое золото леса. Капли сверкали сказочными лучиками.

Лес, зачарованный своей красотой, хранил гордую, печальную тишину. После ненастной ночи он пробуждался к жизни.

Вокруг уже звучали в холодном сверкающем воздухе голоса птиц.

Бектемир почувствовал облегчение. В улыбке каких-то внутренних сил и красоты этого пейзажа не было даже намек на кровь, несчастья и муки.

На войне приходилось Бектемиру видеть солнце померкшим и погруженным в тучи черного дыма, плотной пыли. В этот день солнце походило на его родное, которое живет в горах, купается в серебряных родниках. Оно было живым, ярким, красивым.

Солнце всегда рождало в душе Бектемира какую-то огромную силу. Однажды в летний день ему пришлось наблюдать солнечное затмение. По мере того как солнце уходило в тень, казалось, что с величавых гор, гордых скал, переливавшихся атласом зелени, исчезала жизнь. Казалось, что даже затихли веселые песни вод. Бектемир помнит, как подбежавший зоотехник сунул в руки Бектемира маленькое закопченное стекло и начал торопливо объяснять происходившее. Тогда джигит, не обнаруживая никакого желания слушать, только печально махнул рукой и удалился. Он жалел солнце, ему хотелось плакать.

Как все это было давно!

Бектемир, подняв девочку, уверенно зашагал по направлению к восходу солнца. Но вязкая грязь, бездорожье очень скоро утомили его.

К вечеру за поредевшим лесом сверкнула лента дороги, а за ней показались приземистые дома деревни. Крадучись меж деревьями, Бектемир подобрался к самому крайнему дому. Он ловко перескочил через низенький забор и очутился во дворе.

Кругом в беспорядке была разбросана хозяйственная утварь. Но двери дома оказались на крепком замке.

Бектемир вдруг услышал раздавшееся где-то рядом мычание.

— Неужели... — насторожился солдат. — Вот бы кстати...

Мычание раздавалось из подвала старого деревянного дома.

Бектемир бросился к дверце, с силой рванул ее.

Так и есть — в подвале стояла большая пестрая корова. Вымя ее набухло.

— Теперь, Зиночка, мы живем...

Радостный, возбужденный, солдат опустился на колени, чтобы подоить корову. Но котелка не оказалось: или забыл в шалаше, или потерял. Подоил во флягу.

Полную флягу, как бесценный подарок, он подал девочке.

— Пей! Это молоко лекарством будет.

Девочка с наслаждением жадно глотала теплое молоко. Затем солдат подоил корову еще раз и выпил сам; снова подоил, снова выпил.

Необыкновенная живительная сила вливалась в его тело.

— Колова! Колова! — весело повторяла девочка, пытаясь дотронуться до коровы, которая неодобрительно косилась на незнакомых людей.

— Ну как, Зиночка? Хорошо? — спросил Бектемир и шелкнул ее по животу. — Видишь, как надулся. Хватит на сегодня.

Теперь нужно было отыскать место для ночлега. Выбрал сеновал. Подперев дверь штыком, Бектемир зарыл девочку в толстый слой мягкого, приятно пахнувшего сена.

— Спи! Больше плакать не надо. Спи.

Бектемир надеялся, что если кто-нибудь из хозяев придет навестить корову, то встретит его. Тогда он и спросит, как обратиться к своим.

Солдат прислушивался к каждому шороху.

Ночью он услышал пьяные выкрики на незнакомом языке, ровный гул моторов, редкие автоматные очереди. Но вскоре все затихло.

Перед рассветом Бектемир спустился с сеновала. Во-

круг — никого. Бектемир спустился в подвал — коровы там уже не было.

«Или хозяева ночью увели, или стала кормом для фрицев, — с грустью подумал он. — Последняя надежда...»

Оставшееся молоко во фляге сохранил для Зины. Осторожно взяв сонную девочку на руки, он торопливо двинулся в лес.

Бектемир долго бродил среди деревьев, верхушки которых потонули в тумане. Сегодня солнце не улыбнулось даже на минутку. С каждым мгновением усталость все больше и больше прижимала к земле, ноги, казалось, тянули назад. Иногда Бектемир невольно падал на колени, смахивал ладонью с лица грязный пот.

— Я хочу молока, — стала тянуть Зина ручки к фляге.

Бектемир разрешил девочке отпить несколько глотков.

Все становилось тяжелым. Невыносимо тяжелым.

Существует поговорка: «Нужный камень не обладает тяжестью». А сейчас даже собственное тело трудно было поднять.

Несколько раз Бектемиру приходила мысль бросить винтовку. Но принять такое решение он не мог.

— С ума сошел... — обращался к себе солдат. — Без винтовки не только немец — беззубый волк загрызет!

На следующий день, когда солнце уже опускалось, Бектемир прилег у подножия невысокого лесного холма на влажных пожелтевших листьях. Девочка, выпив последний глоток молока, сидела невеселая, втянув голову в плечики, словно мокрый воробушек.

На небе сгустились облака. Шелестя в листьях деревьев, начал накрапывать мелкий дождь.

Бектемир бросил взгляд на девочку. Ее круглое личико увяло, сморщилось, болезненно пожелтело.

«Если не найду гнездышка для этого воробушка, то грех на душу приму...» — подумал он.

В это время сквозь шум дождя и ветра он уловил чьето голоса. Бектемир приподнялся, встал на колени и, тяжело дыша, осмотрелся. Палец он держал на курке. Девочка, заметившая настороженность Бектемира, бросилась к нему на шею.

Боец поднялся, отвел Зину за толстые стволы упавших деревьев и предупредил:

— Тихо. Не плачь!

Потом стал искать глазами место, удобное для стрельбы.

Но вот среди качавшихся от ветра молодых деревьев показались русские бойцы. Их было четверо. Один прихра-

мывал. Русские слова зазвучали для Бектемира голосом святого Хызра. Нежданная, необычайная радость!

— Братцы!— во всю силу крикнул Бектемир.

Подхватив девочку, он побежал навстречу. Солдаты встретили Бектемира громкими возгласами:

— Ты-то откуда взялся?!

— Вот, леший, бродит!

Бектемир, размахивая свободной рукой, рассказывал о своих приключениях.

Один из бойцов — с перебинтованной рукой, высокий, нескладный, потеряв терпение, прервал:

— Кому ты говоришь? Кому не известна дорога отступления?! У нас спроси! А ну-ка, если есть табак, выспай.

— Да, если б хоть по разочку затянуться, сразу легче стало бы,— сказал другой, усталый, с сонными глазами.

— Э... напрасно напомнили мне. Где возьмешь табак, когда его давно нет,— покачал головой Бектемир.

Боец, худой как щепка, по всему облику которого было видно, что он многое вынес, заинтересовался девочкой.

Дрожащими пальцами он погладил ее пожелтевшее личико и попытался заговорить с ней:

— Как тебя звать, скажи, девочка. Не капризничай.

— Зиночка, скажи. Это хорошие дяди...— попросил Бектемир.

Он опустил девочку на землю и коротко рассказал, как нашел Зину.

— Рядом с убитой матерью,— глухо заключил Бектемир.

Бойцы вспомнили оставшихся в далеких семьях своих детей. Высокий, с перевязанной рукой солдат сказал:

— Мои, сразу трое, в первый же день войны погибли. В первый же день.

Бектемир непонимающе посмотрел на солдата, но тот пояснил:

— Первые бомбы Гитлер послал на нас, браток. Прибежал я из военкомата, не могу найти свою улицу — кирпич, железо, дым, огонь. Как после этого не сошел с ума — не знаю...

— Друг, разве у одного тебя несчастье?!— посочувствовал Бектемир.— Все погрузились в реку печали...

Бойцы обращались между собой по-дружески. Только маленького, худого, легко одетого они называли почтительно: «товарищ майор».

Он держался более серьезно, и, хотя не командовал, а,

казалось, просто советовал, к нему прислушивались, его приказы выполняли.

Бектемир тоже обратился:

— Товарищ майор, не помрет ли она? Нежная, неокрепшая.

— Ничего. Вытерпит. От русского корня идет,— ответил майор.— Будет дочерью полка. Ну, отправились, товарищи, дальше.

Девочка ни к кому не захотела идти на руки, кроме Бектемира.

Бойцы посмеялись:

— Так ты любишь бородатую маму?

— Вот так подружился!

— Теперь с дочкой будешь, солдат.

Дождь то шел струями, то прекращался. Холодный ветер наполнял лес шумом, бесился, срывал листья.

Грязные, легко одетые люди шли, задыхаясь.

Всех давили голод и усталость. Только Бектемир сейчас чувствовал себя лучше, будто прибавилось сил. Теперь душа его была спокойна — рядом люди, друзья.

Куда идут они, верный ли путь, безопасный ли — он не думал. Важно, что вместе, что их несколько человек.

Бектемир искренне волновался за майора, который, поживаясь от ветра, шел, прихрамывая, покачиваясь от усталости.

Бектемир шепотом обратился к бойцу с книгой за ремнем. Этот боец казался самым молодым и жизнерадостным среди всех.

— Командиру надо дать шинель, пусть возьмет мою.

Тот покачал головой:

— Не возьмет. Упрямый человек. Тяжесть от нее, говорит.

— Это ваш командир?

— Нет. Три дня назад, вот как с тобой, с ним встретился. Удалось ему бежать из немецкого плена.

Бектемиру все стало ясно. Однажды, когда Дубов был в разведке, он вот так же нашел в овраге полуживого лейтенанта и притащил его на плечах.

Через несколько часов присели отдохнуть. Все молчали. Дремали полудежа или склонив голову на колени.

Иногда девочка всхлипывала и снова слабо закрывала глаза.

Дождь прекратился. Только ветер ронял с деревьев холодные капли. Прошло довольно много времени. Молодой боец встал и обратился к майору:

— Похоже, что заночуем здесь. А что, если я все-таки разужнаю, нет ли поблизости деревни? Чувствую по запаху, что есть.

— Если уж по запаху, то разужнай,— устало улынулся майор.— Только далеко не отходи.

И майор снова закрыл глаза.

— Постой, и я пойду,— поднялся Бектемир.— Как вы думаете, товарищ майор, нужно не забывать и о животе. Если ничего не найдем, девочке совсем будет плохо.

— Если ничего не найдем пожевать, завтра мы и сами головы от земли не оторвем...— Молодой боец решительно встал.— Девочка будет без тебя плакать. Ты не ходи. Дай винтовку, если она исправна.

— В порядке,— Бектемир рукавом провел по затвору.— Берег се.

Боец ушел.

Майору совсем стало плохо, он начал бредить. Его уложили на ветки, накрыли шинелью Бектемира.

Темнота в лесу внезапно сгустилась, стало еще холодней. Решили разжечь костер.

Но довольно трудно было «выжать» огонь из зажигалки. Когда все уже потеряли надежду, неожиданно, как в чудесной сказке, сверкнул огонек.

Обрадованные бойцы уселись вокруг костра.

— Что-то нашего Глухова нет.

— Как бы не нарвался на фрица.

— Придет. Парень отчаянный.

Порой майор внезапно поднимал голову, в бреду называл незнакомые фамилии.

Солдаты замолкали.

В небе глухо, словно жужжанье ос в глиняном сосуде, раздавался однообразный гул самолетов. Они несли на своих крыльях пожар и смерть, несли все дальше и дальше в глубь страны.

Гул постепенно замирал. Изредка бойцы подбрасывали в огонь сухие ветки.

Когда начало светать, майор поднялся. Взглянув на шинель, он с упреком сказал Бектемиру:

— Спасибо. Но не забывай о собственном здоровье. Ночью, наверное, сам промерз.

— Нет, костер же горел. Тепло было.

— А, знаю узбеков. Вы же выросли под щедрым солнцем.— Майор протянул костлявые руки к огню.— Источник этого огня — тоже солнце. Деревья принимают тепло

от солнца. И когда горят, возвращают тепло людям. Понимаешь, природа очень интересна и мудра...

Бектемиру, простому чабану, эта мысль офицера очень понравилась. Глядя на яркий, веселый огонь, он долго думал над ней.

Майор осторожно размотал грязные тряпки на ноге и открыл рану. Бойцы невольно вздрогнули. Рана была страшной.

Бектемир не мог смотреть на нее, отвернулся.

— Как же вы ходите? Такой ногой и наступить нельзя.

Бойцы переводили взгляд с разлагающейся раны на спокойное лицо офицера.

— Немного лучше стало. Летом в ней черви кишели. В немецком лагере было около ста раненых. И каждый собирал червей. Такой воздух в бараке был, что вновь прибывающие сознание теряли...— майор говорил будто о чем-то самом обычном.— Надо ценить воздух, ребята. Свежий воздух леса — что может быть приятнее этого? Здесь и умереть не страшно. Вот только должок остался за нами для Гитлера. Одним словом, мстить надо. Это желание, как магнит, тянет к жизни. Поэтому боюсь умереть раньше времени.

— Месть! Узбеки говорят: «кровь». То есть кровь за кровь!— произнес Бектемир.— А кто будет мстить? Мы, мужчины, бродим по лесам, готовые спрятаться в любую норку. Кто загородит путь немцу? Матери, сестры выйдут, что ли, на поле битвы?

— Отступление — всё самое горькое в этом слове,— вмешался в разговор Пахомов, боец с широким, квадратным лицом.— Конечно, иногда невозможно не отступить. Но отступить, чтобы потом с новыми силами напасть на врага, а не затем, чтобы где-то прятаться. Сколько насмотрелся за это время...

— Ты думаешь, мы меньше, чем ты, видели? Когда состаришься, расскажешь, как сказку, внукам,— усмехнулся долговязый, до этого посасывавший в стороне какую-то дикую ягоду.— Ишь, тоже геройский подвиг совершили. Пятки смазали, и все тут...

— Если тебе не нравится, заткни уши пробкой!— раздраженным тоном произнес солдат.— А что «пятки смазывали», так надо выяснить, кто в том виноват. Отступление из всех уставов надо вычеркнуть. Мы должны учиться сами сжимать врага в кольцо огня. Вот товарищ майор говорил о мести. Я понимаю так, что мстить можно только наступаая.

— Верно,— подтвердил Бектемир, укладывая девочку на шинель.— Иди вперед, убивай врага, не страшась, что сам погибнешь.

Майор молча перевязал ногу. Он будто не слышал размышлений солдат о тактике, сидел наклонившись и копался палочкой в костре.

Неожиданно, не поворачивая головы, произнес:

— Военный совет закрыт? Прошу пару слов мне... Положение несомненно тяжелое. Партия в самом начале войны сказала, что страна под угрозой большой опасности. Немец на весах войны внезапно, разом бросил тяжелый камень, высоко подбросив нашу чашу вверх. Но он не смог опрокинуть эту чашу. Он рассчитывал поставить нас на колени в один день. Не вышло!

Бойцы слушали майора, следили за его рукой, которая продолжала палочкой ворошить костер. При каждом движении взлетали искры.

— Война идет не дни, а месяцы. Фашист разгневан. Постепенно его первые выходят из строя. Я это почувствовал в лагере. Был там один старый немец. Отличался от других мягкостью: бил пинками здоровых пленных, кричал на раненых — и только. А в последнее время и он взбесился. Однажды на наших женщин, которые умоляли проявить чуточку жалости, бросился с криком: «Есть ли в мире лучшее наслаждение, чем мучить вас? В ваших болотах погиб мой сын. Занимая Европу, мы даже мизинца не поранили. Виновата Москва. Почему не сдается? Мы не оставим ничего живого на русской земле».

Отодвинув подальше от огня большую ногу, майор чуть заметно поморщился. Но пожалуй, этого никто не заметил. Все сидели опустив голову.

— Подобно тому как от удара молнии опрокидывается дерево, Гитлер одним ударом намерен был свалить нашу страну,— продолжал майор.— А этот его план разбили в пух и прах.

— Пусть тысячу лет сверкают молнии, великая гора будет стоять,— решительно произнес Бектемир.

— Верно, джигит. Мы — гора,— подтвердил майор.— Огромная гора, но враг тоже очень силен. Доит всю Европу. Мы отступили. Страшно далеко отступили. Но я глубоко верю: армия наша закалилась в огне и мы раздавим проклятого.

— Ах, гадина, пусть, поганый, замерзнет под нашими снегами!— выругался долговязый.

Иногда в просвете облаков на мгновение показывалось

солнце. Лес был задумчив и молчалив. Только порой высоко-высоко слышался гул вражеских самолетов.

Девочка приглушенно плакала.

— Что с тобой, Зина?— успокаивал Бектемир.— Не нужно. Спи, спи.

Стремясь определить время, майор пристально рассматривал небо.

— Где сейчас Глухов, а?— наконец произнес он.— Куда его занесло? Уже прошло достаточно времени.

— Наш студентик, наверное, ушел искать тихую норку,— съязвил долговязый.— Надоело блуждать по лесу. Есть же места потише, поспокойней.

— Чепуха! Возможно, заблудился или упал без сил. Может, в руки немцам попался... Кто знает. Что ты мешешь, человека чернишь,— проворчал Пахомов.

— Ученый джигит он? Книжник?— спросил Бектемир.

— Видали мы таких книжников. В нашей роте был один,— не успокаивался долговязый.— Почти профессор. Пять языков знал. Когда поднимались в атаку, он нырял в пшеницу, кидался в яму. Однажды ночью исчез. Возможно, лижет тарелку у фрица.

— Нет. Глухов— парень с совестью. Это я с первого взгляда почувствовал. Мало ли что может случиться. Кругом враги. Если жив он, обязательно вернется. Обязательно,— твердо подчеркнул майор.

И действительно, не прошло и часа, как, задыхаясь, прибежал Глухов. За плечом винтовка, в руке немецкий автомат.

Все облегченно вздохнули. Пахомов из-под сурово сдвинутых бровей хмуро взглянул на долгоязого: вот как!

Глухов из всех карманов высыпал картошку и опустился на корточки ближе к огню.

Пахомов, любовно потрогав каждую картофелину, начал закапывать их в золу.

— Будет обед, друзья! Отведем душу.

— А ну, рассказывай,— попросил майор, с интересом осматривая автомат.— Диск не полон. Жаль.

— А ты молодец, Вася,— виновато улыбнулся долговязый, повернувшись к Глухову.— Признаюсь, я подумал... А ты пожаловал с едой, с трофеем.

— Ничего,— смущенный общим вниманием, отмахнулся Глухов.— Вчера я подобрался вплотную к одной деревне. Тихо в ней. Будто все вымерло. Но кто его знает, что за тишина. Спрятался у околицы. Не решаюсь подняться, пролскал так в траве черт знает сколько.

Лицо Глухова помрачнело.

— Сначала доносились до меня песни пьяных немцев, ругательства. А потом вижу — ведут пленных. Наших. Полуголых. Обессиленных. Конный конвой гонит, бьет нещадно. Люди падают, с трудом поднимаются, снова падают.

Глухов, кусая губы, повернулся к огню.

— Слезы на глазах... смотреть не давали, — сознался боец. — Провели пленных. Утихло. Вижу, женщина идет. Позвал ее, она от испуга чуть не упала. Потом пришла в себя, шепчет, что в деревне нет дома свободного от немцев. Но рассмотрела, видно, меня и говорит: подожди, что-нибудь найду, вернусь, когда стемнеет, жди. И ушла. Я лежал не шевелясь до темноты.

Глухов обвел товаришей взглядом.

— Ночью принесла кусок хлеба и вот эту картошку. Когда я увидел хлеб, не удержался. Схватил, начал есть, но тут вспомнил про нашу Зиночку. Вот, — вытащил он из-за пазухи черствый кусок хлеба.

— Сегодня праздник для тебя, Зиночка. Скажи спасибо дяде, — обрадовался Бектемир. — Но не все ешь. Плохо будет. Понемногу.

Глаза ребенка загорелись. Крепко сжав ручонками хлеб, она начала торопливо жевать.

— После этого, — продолжал Глухов, — решил я найти местечко поукромнее и потеплее. Вышел в поле. Залез в стог сена. Мягкое — как шелк, теплое — как шуба. Давно, даже не помню, с каких пор, не знал я такого сладкого сна.

Будто вспоминая приятные сновидения, Глухов замолчал, на миг прикрыв глаза.

— Проснулся от криков, высунул из стога голову. Уже светало. Недалеко от меня два немца грузили на телегу сено. Долго я их рассматривал. Сделал окошечко в своей норе и рассматривал. Вот первый угнал телегу. Другой, с автоматом на шее, с сигаретой в зубах, смотрел то на небо, то на лес. Я и решил пристукнуть его. Но нож у меня был плохой — им трудно зарезать даже курицу. Когда фашист стоял ко мне спиной, я посмотрел вокруг: ни души. Выстрелил. Он мигом повалился на землю. Я бросился к нему, схватил автомат и побегал.

— Когда врага убьешь, от радости как пьяный ходишь, — вмешался долговязый. — С ними так и нужно, с фрицами. На тот свет всех гнать.

Бектемир протер винтовку, с любовью осмотрел ее.

— Пришлось, значит, ей поработать, — улыбнулся он. Запах поджаренных картофелин шел из-под угольков.

Нахомов, обжигая пальцы, одну за другой вытащил их из огня и сложил в кучу перед майором.

Офицер разделил всем поровну. Несколько картофелин дополнительно отложил в сторону Бектемира.

— Твоей девочке особая норма. Храни. Будешь кормить ее, когда я скажу, но только при мне,— пошутил он.

— Я и свою норму готов отдать девочке,— серьезно заверил Бектемир.

— Знаю,— вздохнул майор.— Это я так. Ну что же, закусим.

— Вы себе еще возьмите,— предложил Глухов.

Бойцы поддержали его:

— Еще хотя бы пару картошек. Вам нужно.

— Из моих,— продолжал настаивать Глухов.— После вчерашнего хлеба я, как лошадь, силен.

Но майор наотрез отказался.

— Ешьте,— приказал он.

Горячие, с паром, картофелины обжигали рот.

Майор, опираясь на палку, с трудом встал.

— Что ж, товарищи, в путь.

Шли медленно за майором, принаравливаясь к его шагам. Сегодняшний путь оказался беспокойным. Издали раздавался хриплый лай собак, иногда в воздухе слышались винтовочные выстрелы и автоматные очереди.

К вечеру бойцы чуть не наскочили на немцев. Только темнота помогла вовремя отойти.

Ночевали в овраге. Вчерашний костер, картошка теперь казались сном.

На другой день бойцы два раза вели короткую перестрелку с мелкими группами гитлеровцев, шнырявших по лесу.

Доносилась орудийная пальба. Значит, фронт был не очень далеко.

Подобно лошадям, которые, приближаясь к дому, более усердно устремляются вперед, все зашагали проворнее, быстрее.

Прошла еще ночь. Опять холодная и голодная. На рассвете Глухов вновь ходил в разведку. На этот раз вместе с долговязым.

Они, как им казалось, нашли более безопасное и верное направление.

Надо было перейти через речку. Персправляться решили с наступлением темноты. Вода, как ночь, чернела в угрюмом молчании.

— Глубина?— шепотом спросил майор у Глухова.— Проверил?

— На середине примерно по грудь,— уверенно ответил Глухов.

— А потом куда поведешь нас, разведчик?

— Один старик сказал, что за рекой фашистов мало, нет больших дорог. Куда бы ни пошли — все равно мы должны перепрыгнуть через эту преграду. Завтра кто-нибудь из местных жителей укажет дорогу,— ответил Глухов.

— Та сторона мне хорошо знакома,— произнес долговязый.

Он уже разделся. Связал шинель, гимнастерку.

— Ты возьми ее,— протягивая девочку Глухову, попросил Бектемир.— Я подниму командира. Нет, товарищ майор, не упрямитесь: вы больны.

— Девочка может плакать, а нам нужна абсолютная тишина,— предупредил майор.

Глухов, не говоря ни слова, взвалил на плечи легкое тело офицера и медленно вошел в воду. Подняв девочку над головой, по самую грудь погрузился в волны реки и Бектемир.

Холодная вода, словно лезвие алмаза, резала тело. Вдруг с противоположного берега застрекотал пулемет. Бектемир слышал, как ахнул долговязый и нырнул в воду. Глухов шумно кинулся назад к берегу. Пули со свистом рассекали воду.

Бектемир вначале растерялся, а потом тоже бросился к берегу. Но, соскользнув с влажного, мокрого склона, шлепнулся в воду. Захлебываясь, он все-таки поднялся, одной рукой швырнул на высокий берег одежду, другой обнял плачущую девочку.

На противоположной стороне реки послышалась ругань Нахомова. Он открыл огонь из трофейного автомата. Но должно быть, упал под пулями, больше его голоса не слышали.

Бектемир с девочкой подполз к Глухову:

— Что будем делать? Как майор?

Глухов сквозь зубы произнес:

— Кончено.

— Как? Почему кончено?

— Умер... Дай винтовку!

В этот момент немецкий пулемет умолк.

— Рус, сдавайся,— послышался голос.

— Ишь чего захотели,— пробормотал Глухов.

Бектемир, прижавшись к земле, хотел было стрелять туда, откуда раздавался голос.

Но винтовка отказала: побывала в воде.

Вновь застучал пулемет.

— Что с другими?— спросил Бектемир.

— Кудрин ушел под воду, как камень... Пойдем отсюда. Зачем подставлять голову под огонь,— поторопил Глухов.

— Да, нужно идти, пока не поздно,— согласился Бектемир.— Поднимай командира!

Вражеский пулемет долгое время не умолкал, но бойцам удалось отойти довольно далеко. Глухов, стукнувшись головой о дерево, зашатался и чуть не упал.

— Сюда и шайтан не сможет добраться,— тяжело дыша, произнес Бектемир.

Положил на траву тело майора. Развесили на деревьях мокрые, тяжелые шинели и гимнастерки.

Девочка бессильно плакала. Одежда ее промокла насквозь.

— Все тело — как лед, голова горит.— Глухов обратился к Бектемиру:— Что будем делать?

— Твоя шинель сухая, пусть и Зиночка ляжет.— Бектемир раздел девочку и уложил рядом с Глуховым.— Заверни хорошенько!

Девочка заплакала громче.

Бектемир утешил ее:

— Спи. Утром, как только раскроешь глаза, я дам тебе большую картошку.

Бектемир от холода дрожал словно в лихорадке. Если бы были спички или зажигалка, то, махнув рукой на всякую опасность, развел бы костер.

Наконец он набросил на плечи затвердевшую на ветру шинель и, словно подкошенный, упал ничком.

В утреннем тумане бойцы принялись штыком и ножом рыть могилу.

— На чем он только держался? Еле дышал, а боролся против смерти...— сказал Глухов и посмотрел на Бектемира.

— Ну, а кто нас с тобой зароет?

— Будем надеяться, что поживем еще.— Вдали раздался артиллерийский гром.— Слышишь, проснулся бог войны. Был у меня один друг, Аскар звали. Большой паван. Богатырь, по-вашему. Как только начиналась артподготовка, он говорил: «Раскрылись врата ада!»

— Артиллерия в пыль превращает камень, железо про-

глатывает, сметает с лица земли города,— устало согласился Глухов.

Перед тем как зарыть труп, долго рассматривали документы майора. Снова и снова с большим вниманием перерыли его одежду. Только на груди нашли небольшой, тщательно завязанный узелок с горсткой земли. Оба бойца с минуту молча смотрели друг на друга.

— Понял ты?— печально спросил Глухов.— Когда он отступал или уходил из родного города, для памяти взял горстку земли. Это ясно.

— Верно говоришь,— кивнул головой Бектемир.— Солдат любит свою землю. Табаррук, говорят узбеки.

— Что?

— Табаррук. Как по-русски, не знаю. Самое дорогое, значит.

Глухов положил узелочек на грудь командира.

— Ее, как подушку, надо положить под голову,— посоветовал Бектемир.

Глухов покачал головой:

— Если он до самой смерти носил в сердце любовь к земле, то пусть и спит, вечно храня эту любовь на своей груди!

Они опустили в могилу тело офицера и молча засыпали.

В лесу прибавилась еще одна могила...

Глухов смастерил скромную деревянную звезду, огрызком карандаша, коротким, как сустав пальца, покрасил ее и, прикрепив к палке, воткнул в могилу. Затем на дощечке величиной с ладонь написал: «Майор Иван Андреевич Дробов — славный воин и патриот русской земли».

Девочка, по самую шею закутавшаяся в шинель, осторожно ела картофелину.

— Уже без приказа майора,— кивнул Глухов.

Зина смотрела на таинственное занятие старших. Но ее не заинтересовало даже, как игрушечная звездочка, слегка покачиваясь на ветру, появилась на бугорке.

Перед тем как уйти, бойцы с обнаженными головами на мгновение замерли над могилой.

— Прощай, товарищ майор.— Глухов резко повернулся:— Ну что ж, пойдём.

К полудню небо стало ясным. Под осенним солнцем чутко дремали золотые листья. Откуда-то из-за леса, клубясь, поднимался густой дым.

— Горят, все время горят деревни,— покачал головой Глухов.

— Вся земля горит,— прошептал Бектемир.

Иногда доносились отрывки немецких песен, гул машин. Все это заставляло соблюдать особую осторожность.

Силы бойцов были на пределе. Приходилось часто отдыхать. Но после каждого привала трудно было подняться — земля снова тянула к себе.

На другой день бойцы в лесу встретились с худым, оборванным мальчишкой лет двенадцати-тринадцати, в шапке, сдвинутой набекрень.

— Здравствуйте, товарищи бойцы! Куда путь держите?— деловито, подражая взрослым, спросил он.

— Ну а сам-то ты кто? Хозяин леса? Если так, пора-дуй чем-нибудь,— улыбнулся Глухов.— Сам знаешь, что нам нужно.

— Знаю. На восток вы ищете путь, пойдемте, я покажу. Чем вас еще порадовать?— подмигнул мальчишка.

— Да ты настоящий хозяин леса и к тому же все понимаешь,— похвалил Глухов.

Они присели возле большого старого пня. Мальчишка, ни слова не говоря, достал из кармана горсточку махорки и клочок газеты. Глаза бойцов загорелись.

— Золотой мальчик ты, видно по твоему подарку,— обрадовался Бектемир.

Курили втроем. Бойцы с наслаждением затягивались, а мальчик между тем начал рассказывать о своих делах.

— Я отсюда уже многих выводил. Даже целый отряд как-то вывел,— просто, как о чем-то обычном, сообщил он.

— Давно?— поинтересовался Бектемир.

— Нет. Совсем недавно. Много наших ходит по лесу, по болотам. Бегут из плена. Вот их и вывожу.

— Молодец!— откровенно восхитился Бектемир.— Настоящий герой.

Мальчишка покраснел.

— Ну что вы!

— Сам-то ты не попадал в руки фашиста?— спросил Бектемир.

— Фашист — настоящий дурень.— обжигая пальцы, докурив мальчишка самокрутку.— Обмануть его можно. Когда не надо, он осторожничает. Но чаще всего не видит опасности под самым носом. Думает, что уже хозяином стал.

Мальчишка неожиданно вздохнул.

— Недавно расстреляли моего друга Костю. Он ночью привел в деревню раненого бойца.— Совсем по-взрослому добавил:— Что поделаешь. Каждого на свете ждет смерть.

*Но я мечтаю, чтоб моя голова дорого обошлась. Пойдемте, товарищи, мы здесь не в гостях у бабушки. Ах, бедная девочка, как она сжалась. Может, я понесу ее?

Бектемир отрицательно покачал головой:

— Не надо. Я привык уже.

Глухов, смеясь, предложил:

— Веди, генерал, с тобой можно идти на край света.

— Зачем же на край,— тоже улыбнулся мальчишка.—

К своим пойдем.

Он привел бойцов в овраг.

Под низкими деревьями у переплетающихся кустарников сидела группа бойцов.

— Ого, пополнение!

— Еще воинство прибыло.

— Откуда, товарищи?— шумно встретили они Бектемира и Глухова.

Усталые, плохо одетые, грязные, были они из разных частей. Бектемир заметил, что голова и лицо одного солдата перебинтованы. На повязках других бойцов темнели бурые пятна запекшейся крови.

Мальчик обошел и по очереди насыпал на ладонь всем по щепотке табаку.

— Ну, Миша, не знаю, как тебя благодарить. Иди-ка, поцелую тебя разок,— произнес огромного роста боец.

— Эх, ты настоящий герой! Век тебя не забудем,— похвалил другой.

— Если бы я был Михаилом Ивановичем Калининым, то собственными руками украсил бы твою грудь орденом!

Миша словно не слышал этих похвал, продолжая рыться в своих карманах. Он достал обоймы, которые положил на колени черноволосому, с большими глазами сержанту.

— По пути насобирал. Очень много было. Но опасный товар. Если фашист найдет хотя бы один патрон, он целый диск в твою грудь выпустит.

— У нас есть три винтовки. Теперь они оживут. Твоя винтовка действует?— обратился грузин к Бектемиру.

— Если бы не работала, зачем бы мне таскать ее?— обиделся Бектемир.

Глухов, подсев ближе к сержанту, начал расспрашивать его:

— Давно вы здесь?

— Второй день, но отсиживаться не собираемся. А вы откуда?

Глухов стал рассказывать.

Бектемир отдал девочке последнюю картофелину. Она быстро съела ее.

Бородатый, полный боец, наблюдавший эту сцену, ласково обратился к девочке:

— Ага, сладкая! Как мед. Губки оближешь, доченька. В тяжелые дни ты встретишься. А то не только тебя, целый батальон накормил бы.

— Ты поваром был?— поинтересовался Бектемир.

— Да, пришлось.

— Значит, потолстел за наш счет!— раздался добродушный голос.

Эту шутку подхватили другие:

— Видно, не обижал себя.

— Вот какие неблагодарные!— обиделся бывший повар.— На войне — мое дело самое рискованное. Не понимаете? Под огнем готовь им пищу. Мало того, еще нужно было везти на передний край. Вовремя доставить пищу бойцу — это все равно что своевременно обеспечить передовую боеприпасами, а может быть, даже важнее. Звание только наше — повар. А сколько раз участвовал в боях, ходил в атаку. В один день как-то с полковым парикмахером мы в течение трех часов отражали атаки более чем двадцати автоматчиков. Те, как барсуки, попрятались в ямы. Некоторые смельчаки как, бывало, увидят — восклицают. «Ох и повар!» Вот так-то.

Бойцы утихли, насторожились.

Где-то началась автоматная стрельба. Нужно было менять место. С наступлением темноты тронулись в путь.

Миша вел осторожно, но уверенно. Шли всю ночь по болотам. Вода надоедливо хлюпала под ногами.

— Все-таки придем на край света,— невесело пошутил Глухов.

Миша сделал вид, что не слышал его.

День провели под деревьями — лежали, дремали.

Мальчишка не отдыхал. Он снова ушел, решив заранее разведать дорогу.

Явился он с буханкой хлеба и куском сыра. К тому же еще Бектемир поймал раненого зайца.

Повар, смастерив очаг, стал варить зайца в котелке.

Летевший низко самолет, должно быть, заметил дымок и на всякий случай дал несколько пулеметных очередей.

Когда утих гул самолета, Бектемир, подняв голову, позвал повара. Но тот, вытянувшись около очага, лежал мертвый.

С наступлением сумерек снова началось, по выражению Бектемира, путешествие «по волосяному мостику».

Сержант пояснил, что если придется внезапно встретиться с врагом, то Миша с девочкой должен спрятаться.

Мальчишка неопределенно пожал плечами: там видно будет.

Где-то недалеке, вероятно, шел бой. Долетали трескотня пулеметов, гулкие взрывы снарядов.

Ветер приносил дым горевших деревьев. Оттого, что Миша обещал еще до рассвета провести бойцов к своим, они из последних сил стремились вперед.

В полутьме их остановил предупреждающий голос:

— Стой! Кто идет?

Бектемир, услышав русскую речь, невольно крикнул:

— Братцы! Мы...

Далеко от передовой линии, в лесу, возле большой деревни, расположились сотни бойцов, собранных из самых различных подразделений. Эти солдаты еще недавно бродили по лесам, выходили из окружения. Сейчас они были среди своих. Все чувствовали себя сильнее, спокойней. Это чувство испытал и Бектемир.

Он от радости забыл про усталость и голод. Хотелось поговорить, многое узнать.

— Не ели небось?— участливо спросил незнакомый старшина.— Ну, это мы поправим.

Им дали хлеба и колбасы.

Колбаса показалась вкусной, как казы.

После такого обеда, о котором Бектемир в последнее время только мечтал, он обратился к девочке:

— Вот мы и добрались, Зиночка. Сейчас я оставлю тебя медсестре. Она хорошая. Будет кормить тебя сахаром, молоком, печенье будет давать. Поняла? Согласна? Ну, скажи.

Девочка, сдвинув брови, задала вопрос:

— А ты тоже останешься?

— Нет, дядя должен воевать. Вот этой винтовкой я буду бить фашиста. Фашист плохой. Очень плохой.

— Он летает?

— Да. И по земле ходит, и по небу летает. Черные крылья у него.

Бектемир поднял девочку на руки и, расспросив, где санбат, отправился туда.

По дороге он наткнулся на генерала...

Бектемир торопливо опустил девочку на землю и отдал честь.

— Девочка чья?— резко спросил генерал, указав на побледневшего, дрожащего ребенка.— Возьми! Возьми быстрее на руки.

Подняв девочку, Бектемир улыбнулся, обращаясь к ней:

— Поздоровайся, Зиночка, поздоровайся. Это хороший дядя.

Генерал осторожно поцеловал маленькую, нежную руку девочки, которую она протянула пугливо.

— Рассказывай!— обратился генерал к Бектемиру.— Судя по виду, тебе пришлось на многое насмотреться.

Коротко, в нескольких словах, стараясь выражаться ясней, Бектемир рассказал о приключениях последних дней.

— Знаю, все знаю, тяжелые дни переживаем...— произнес генерал.— Спасибо тебе... Зиночку сдай в сабат. Пусть вымоют, накормят.

— Есть, товарищ генерал.

— Ну, до свидания, Зиночка. Глади веселее, поправляйся.

Девочка хотела улыбнуться, но не сумела. Только дрогнули губки.

В землянке боец рассказал историю Зиночки. Женщина, у которой поверх белого халата висела большая кобура с пистолетом, слушала, разглядывая девочку.

Несмотря на молодость, лицо женщины было покрыто морщинками.

— Что же мы будем делать с этой крошкой?

Медсестра устало опустила на табурет, потеряла виски.

— Сами кормите или отдайте кому-нибудь из местных жителей,— нахмурился Бектемир.

Он ожидал более теплого приема.

— Как мы будем кормить? Положение знаете? Каждая минута на учете.— Женщина вздохнула, поднимаясь с места.— У себя оставить мы ее не можем. Поместим куда-нибудь. Отправим в глубокий тыл.

— Хорошо! Спасибо!— обрадованно произнес Бектемир.— Но, товарищ сестра,— куда вы поместите ее?

— Будьте спокойны. Много сейчас таких крошек, сирот.

Зина, ничего не понимая, с интересом рассматривала землянку.

— Ну, милая девочка, как тебя зовут? Иди ко мне, я тебе конфетку дам. Вот, вот, возьми!— Медсестра, обняв девочку, поцеловала ее, погладила по волнистым волосам.

— В глубокий тыл? А в Узбекистан? Можно?— ожившись, спросил Бектемир.

— Ты из Узбекистана? Можно. Слышала я, что таких детей отправляют в Узбекистан.

— Товарищ санитарная сестра,— волнуясь, произнес Бектемир.— Отправьте в Узбекистан. Прямо в наш дом. Мать есть, сестра есть. Богатый колхоз. Воды много. Мука в мешках, масло в корчагах...

Все, кто находились в землянке, подошли поближе.

— Скажи свой адрес. Думаю, это возможная вещь.

Взяв бумагу и карандаш, медсестра приготовилась записывать.

— Ты имеешь право быть настоящим отцом.

Бектемир, обрадованный, так подробно продиктовал свой адрес, что все рассмеялись.

Медсестра приказала молоденькой девушке в грубых кирзовых сапогах:

— Отнеси эту крошку. Дай каши, но немножечко. Искупай в теплой воде, постирай одежку. Потом уложи спать.

Бектемир поцеловал ребенка, погладил ее ручонки.

— Зиночка, до свидания! Будь здорова!— сказал он дрожащим голосом.

Девочка, скривив губки, заплакала и потянулась к бойцу. Медсестра повернулась и торопливо ушла, топая грубыми сапогами.

Бектемир смотрел вслед, глаза его невольно заблестели.

— До свидания, Зиночка,— сказал он еще раз и вышел из землянки.

Почти ежечасно из леса подходили бойцы. Иногда они шли группами.

— Свои... Здесь...

Раздавались вопросы:

— Из какой части?

— А ты не знал капитана?

— Кто у вас командовал?

— И вы из окружения?

Почти у всех на лицах можно было видеть следы пережитых мук, трудностей и лишений. Некоторые, словно не веря тому, что вышли здоровыми, откуда, казалось, не было возврата, вначале растерянно осматривались по сторонам, потом бросались к незнакомым солдатам с вопросами.

Долго расспрашивал бойцов о своей части, о товарищах и Бектемире. Но ничего не узнал.

— Будете в роте у Бодрова,— занося в списки фамилию Бектемира, сказал старшина.

Командир роты оказался франтоватым, подтянутым, чистеньким, словно только что из бани.

Он испытующим, острым взглядом осмотрел Бектемира: — Пуговицы! На пуговицы свои взгляни. Надо почистить. Что это такое? Приведи себя в порядок и отдохни.

Бектемир почистил одежду и, усевшись на пень, крепко пришел пуговицы.

Он снова вспомнил девочку. Представил ее в своей семье, среди поднявших крик и визг, не знающих русского языка детей, и улыбнулся.

«Военное время,— размышлял Бектемир.— Если в доме не осталось мужчин, то глаз у женщины становится недалеким. Как там встретят Зиночку?»

— Даже одному птенцу надобны и зерно и вода,— часто говорила мать Бектемира.

Взяв бумагу и карандаш, боец написал письмо:

«Мир и привет нашему уважаемому отцу, любимой матери, дорогим братьям — Тахиру, Кадыру, сестричке Зайнабхон, невесткам, племянникам, тете Таджихан. Такое слово хочу сказать вам, что я жив-здоров, и вы будьте живы-здоровы. Аскар-Палван и Али здоровы. Не беспокойтесь за нас. Сколько писем писал я вам, но от вас нет вестей. Прибыли, да, видно, трудно дойти им до меня. Соскучился. Снитесь мне. Когда уничтожим Гитлера, снова увидим друг друга. Любимые, я прошу вас: примите, согрейте русскую девочку по имени Зиночка. Она сирота: мать ее осталась под бомбой. Я избавил эту девочку от смерти. Умоляю, чтобы вы любили ее и берегли, как свое дитя.

Всем знакомым, друзьям, приятелям передайте мой привет.

Бектемир».

Разузнав, как можно отправить письмо, он отдал его.

Выспавшись, отдохнув, солдат привел себя в порядок и отправился в землянку, где размещался командир роты Бодров.

Глава десятая

В суматохе ночного боя Али случайно попал в расположение соседней части. Утром в коротком, но яростном столкновении с врагом эта часть была разбита.

Когда перестрелка закончилась и бойцы вышли на дорогу, они долго не могли выбрать нужного направления. По их представлению, везде были немцы.

Из-за леса неожиданно с воем вырвался вражеский самолет. Как только Али услышал этот вой, тут же исчез под маленьким мостиком, перерезавшим шоссе на дорогу.

Хорошо, что под мостиком не было воды. Положив голову на мягкую глину, он замер.

Пулеметные очереди и рев моторов прорезали воздух. Когда все стихло, он выскользнул из своего убежища. Очистив лицо от глины, осмотрелся вокруг.

Четыре бойца лежали без движения. Али с трудом поднял трупы, уложил их в стороне, на чистой граве.

Взяв горсть земли, он подул на землю и высыпал ее на бойцов.

На извилистой дороге валялись трупы лошадей, искорканные машины, ящики с боеприпасами. Вдали, справа, над насыпью железной дороги поднималось пламя и дым — на станции был пожар. Свернув с дороги, Али долго шел и остановился лишь в конце поля необранной пшеницы.

Здесь было тихо. Гул пушек едва доносился из-за горизонта.

— Хватит! — прошептал Али. — Избавился от огня! Разве мой отец солдатом был? Или бедная мать моя родила меня, чтоб я сгорел в пучине огня?

Теперь он чувствовал себя свободным от каких бы то ни было тревог. Он жил одним желанием — попасть в теплый, жилой дом, посидеть у семейного очага. Это желание стало настолько сильным, что Али считал его вполне выполнимым.

Кто двигается, тот и через холмы перемахнет. Что такое путь для идущего?!

К вечеру Али вышел на немощную дорогу с колдобинами, рытвинами, ухабами. Дорога стала подниматься на возвышенность. Боец внимательно посмотрел вокруг. Напротив на пригорке разместилась маленькая деревушка, а внизу, лениво извиваясь, текла речка.

«Довольно тихий, приятный кишлак, — подумал Али. — Отдохнуть бы».

В предвкушении отдыха боец ускорил шаг. На окраине деревни он постучал в первый дом. Дверь приоткрылась, и Али увидел женщину с пышными русыми волосами, с мягким взглядом.

Али с интересом рассматривал миловидную хозяйку и ничего не говорил.

— Откуда вы? Что вам нужно?— побледнев, спросила женщина.

— Мен кизил аскар *. Товарища нет. Много ходил. Устал...— опустив голову, ответил Али.

Женщина посмотрела вокруг и, убедившись, что никого нет, позвала:

— Входи! Быстрее входи.

Едва Али успел переступить порог, хозяйка захлопнула дверь и шелкнула задвижкой.

— Как ты оказался здесь? Со вчерашнего дня в деревне хозяйничают немцы. Тебя никто не заметил?

Хотя в темной передней Али уже не мог видеть лица хозяйки, но по голосу чувствовал ее волнение.

— Хозяйка, куда я пойду, везде фашисты... Устал я.

Женщина молчала, словно обдумывала, что делать с неожиданным гостем.

— Все понимаю. Тяжелые времена,— наконец сказала она.— Когда преградим дорогу этому горю?

— Очень трудно, хозяйка. Совсем дело плохо. Машин у них много, в божье поле не вмещаются. И каждая до самой крыши. И железо, и камень уничтожает. А что человек? Горсточка костей. Понимаешь ли ты, хозяйка?

— Понимаю. Все понимаю. Что ж, проходи.

Али вошел. Посредине просторной комнаты с маленькими оконцами и низким потолком за простеньким столиком сидел мальчик лет шести-семи — рыжеволосый, с ясно-голубыми, как южное небо, глазенками. Он катал по столу сломанную, без колес, машину. Мальчик взглянул на Али с удивлением и серьезно спросил:

— А где же письмо?

Али понял этот вопрос и начал утешать мальчика:

— Папа твой молодец. Он бьет фашистов. Некогда ему писать. Ты пиши ему.

Для мальчика, уже несколько дней находившегося взаперти, нашлось наконец развлечение. Он начал с искренним любопытством сыпать вопросы о войне, танках, самолетах, пока мать не запретила ему:

— Володя, хватит. Дядя устал. Ему отдохнуть надо.

Али попросил воды. Первым делом он хотел умыться.

Женщина принесла воду в медном чайнике и таз. Али

* Мен кизил аскар (узб).— я красноармеец.

снял каску, положил на стол, полкой шинели вытер грязное лицо и опустил на табуретку.

— Мойтесь,— пригласила хозяйка,— пожалуйста.

— Рахмат, хозяйка, рахмат. Трудные времена. Твой хоз-яин тоже на фронте?

— Да, все на фронте. Ни письма, ни весточки,— тихо ответила женщина.— И ничего не поделаешь. Если бы не мальчик у меня, я бы тоже отправилась на фронт.

Али пощипал свои желтые усы. Он понял намек женщины.

— Да,— кивнул он головой, задумавшись.— А к своим можно выйти отсюда?

— Можно.

Али встал, умылся. Вскоре хозяйка принесла хлеб, поставила на стол молоко.

— Садитесь, закусывайте.

Али с чувством благодарности взглянул на хозяйку, потом на стол:

— Рахмат. Давно я так не кушал.

Но ел он неторопливо, соблюдая приличие. Используя весь запас русских слов, Али хотел много рассказать доброй, гостеприимной женщине.

— Я... Очень издалека. Узбек. Четверо детей у меня. Марджа тоже есть. Как ты...

После еды боец громко крикнул. Его начал одолевать сон. Кинуться бы сейчас на пол и замереть, словно камень!

Али смущался. Он потер пальцами глаза, посмотрел на закрытую занавесью маленькую дверь, на небогатую обстановку.

Кроме стенных часов, на цепочке которых висели гирька и большой ключ, все остальные предметы боец различал довольно смутно.

Перед глазами его возникли стенные часы в чайхане. Там цепочку оттягивал кукурузный початок. Али вспомнил чайханщика Турды-пучука, который, когда на полях наступала страдная пора, а в прохладной чайхане некоторые люди без конца беседовали за чайником наваристого зеленого чая, обыкновенно напоминал:

— Эй, хорошие! На свете есть так называемые часы.

Это значило, что всему свое время, что не надо забывать о совести, пора на работу.

Воспоминания оборвались. Почти под самыми окнами с громким тархтением промчался мотоцикл. Али вздрогнул, а хозяйка, осторожно приблизившись к окошку, отвернула край занавески.

Пригрозив пальцем Володе, который, рванулся было к двери, она выглянула на улицу.

Али не двигался.

— Проклятых, должно быть, больше стало,— спокойно сказала женщина.— Вчера после полудня целая орава их, пьяных, с криком и шумом вошла в деревню. Многие люди, покинув дома, с самого утра бежали в лес.

Задернув занавеску, хозяйка отошла от окна.

— Лошадь убили,— продолжала она рассказывать— Все, что было в правлении колхоза, выбросили на улицу. Разграбили магазины. Правда, в дома не вошли. Вечером большинство из них куда-то исчезло. Остальные всю ночь варили еду и стреляли из автоматов. Фашист, оказывается, до еды охоч больше свиньи. Яичной скорлупы только за одну ночь, говорят, набрался целый мешок.

— «Обжора в хаит помрет», говорят узбеки,— жестикулируя, с трудом объяснил Али.— Сейчас у немца хаит. Даровая еда. До тошноты будет есть.

— Набросились они. Ничего не скажешь.

В окно кто-то постучал. Вероятно, стук был условным, потому что хозяйка, не раздумывая, кинулась к двери.

Али спросил, что делать, но женщина жестом успокоила его.

Протирая сонные глаза, боец прислушался. В прихожей хозяйка кого-то по-матерински упрекала:

— Где тебя носит? Сейчас такое время, что не решишься даже на соседей украдкой посмотреть!

— Ничего не случилось,— раздался другой женский голос.

В комнату вошла девушка. Ее красивые волнистые волосы выбивались из-под берета и почти закрывали весь лоб. Белое, открытое лицо выражало тревогу, волнение.

Девушка сняла короткое, старенькое, но чистое пальто и повесила его. Потом сняла берет и бросила его на комод. Привычным движением привела в порядок волосы.

Повернувшись к Али, словно к старому знакомому, протянула руку:

— Здравствуйте.

Ответив на приветствие, Али молча рассматривал девушку.

Она присела к столу и тоже внимательно осмотрела солдата.

Али даже смутился.

— Отступаем, товарищ боец, да?— вдруг спросила она.

Али ничего не сказал, только слегка кивнул головой.

— А куда отступаем?

— Довольно тебе, Надюша,— вмешалась хозяйка и пояснила Али:— Сестра моя. Живет с нами.

Хозяйка снова стала собирать на стол, рассказывая гостю нехитрую историю короткой жизни сестры.

— Без матери росла. Характер трудный. Нелегко ей будет с таким характером.

— С таким только и можно жить сейчас.

Женщина вспомнила, как Надя прибежала из школы с красным галстуком на груди, как часто пропадала на нужных и ненужных шумных собраниях. Хотя она и не была отличницей, все же учителя считали ее одной из лучших учениц в классе. Многим не уступала.

Девушка мечтала об интересной специальности. Правда, еще не ясно было, какую выбрать. Что ж поделаешь, в такие годы многое хочется сделать. Хочется работать в Москве, в Ленинграде, в лабораториях под руководством великих ученых. Да мало ли соблазнов?

В этом году семнадцатилетняя Надя перешла в десятый класс.

Но осенью, в радостную пору учебы, их школа стала обиталищем вшивых, пьяных гитлеровцев.

— Да что ж я о Надюше без конца говорю,— опомнилась хозяйка.— Отдыхать вам надо.

Али прикрыл глаза. Но до него донесся шепот:

— Не знаю, как будем прятать его. Язык знает очень плохо. Говорит, помнит, из какой части. Но я не представляю себе, как он будет искать ее.

— Ничего,— спокойно произнесла Надя.— Пока будем прятать. Наши ушли далеко. Надо быть очень осторожными. Фрицы рыщут повсюду. По любому поводу вешают людей, жгут дома.

— Что и говорить,— прошептала хозяйка.

— На каждом шагу издеваются над человеком,— продолжала Надя.— Наводят на тебя автомат, словно вот-вот пустят в лоб очередь. Они хотят заставить нас, русских, стать на колени. Ведь говорят, что у них нет числа пушкам, танкам, солдатам.

Али открыл глаза. Ему, много повидавшему человеку, трудно было промолчать.

— Голова закружится!— вставил боец.— Техника у него сильная. Но солдат у него смелый только за железной крепостью.

— Да, слышали мы.— Хозяйка присела за стол.— А

наши, оказывается, не придали значения силе железа. Не знаю, на что надеялись! На грудь мужика?

— Оставь эти ненужные разговоры!— оборвала Надя.— Мы тоже сильны. А если чего не хватает, то это потому, что на нас напали врасплох. Настроим и мы машин.

— А где заводы? Немец разбомбил. Э-э, что там говорить. Он прет и прет.

— Все заводы перевезены. Они сейчас на железных рельсах, едут на Восток,— уверенно произнесла Надя.

— Пока встанут, пока развернутся...

— Маруся, ты лучше побеспокойся о товарище. Куда спрячем? Ведь каждую минуту в дверь могут постучать.

— В подвал, может быть?

— Очень сырой. Дышать там трудно.

Али слушает этот разговор и, почесывая лоб, думает про себя:

«К чему мне быть обузой для этих бедных женщин? Из-за меня вдруг натолкнутся на злобу врага».

Сестры все никак не могли решить трудный для них вопрос. Али поднялся и с благодарностью сказал:

— Спасибо, хорошие вы люди. Беспокоиться не надо. Чуть-чуть стемнеет — и я уйду.

— Нет, мы не хотим, чтобы ты попал в руки людоедов. Какое бы несчастье ни было, переживем вместе,— произнесла хозяйка.

— Советский боец — наш брат,— сказала Надя.— Не нужно опасаться, товарищ. Что-нибудь придумаем.

Взяв Али под руку, Надя вышла во дворик. С двух сторон он был обнесен высоким деревянным забором. Вдоль забора вытянулись хлев и сарай с камышовыми крышами.

Девушка открыла дверь полуразрушенного сарая и пропустила туда Али.

— Там еще есть,— показала Надя на маленькую дверцу, скрытую за грудой сена и разным домашним скарбом.

С одеялом явилась хозяйка. Она разложила на земле толстый слой сена и поверх постелила одеяло.

— Отдыхай. Будем навещать,— сказала женщина и ушла, закрыв за собой дверь.

О такой мягкой постели Али уже позабыл. Как только он лег, сразу забылся в сладком сне.

Этот вечер, хотя вокруг было тихо, казался сестрам более страшным, угнетающим, чем вчерашний. Хозяйка, чтобы забыться, бралась то за одно, то за другое дело, а Надя, поставив керосиновую лампу на стол, сидела опустив го-

лову, расстроенная. Она рассеянно перелистала учебник по древней истории и захлопнула его.

— Мне кажется,— озабоченно произнесла хлопотавшая в комнате хозяйка,— будто по всей деревне замерла жизнь!

В этот момент где-то поблизости тишину ночи нарушила автоматная очередь.

— Вон. Музыка, привезенная немцами,— кивнула Надя на окно.

— Даже из соседей никто к нам не зайдет,— продолжала старшая сестра.

Надя промолчала. Через некоторое время, будто сама себе задавая вопрос, произнесла:

— А почему мы не заглядываем к ним?

На этот раз хозяйка ничего не ответила.

Действительно, жизнь внезапно переменялась. Все, что было раньше хорошего в деревне, сейчас казалось каким-то сном. Невзгоды войны с каждым днем все более мучили людей.

А ведь совсем недавно молодежь, вечерами собравшись на площади или в колхозном клубе, пела песни.

Какие веселые песни звучали над деревней!

Женщины, жившие по соседству, заходили друг к другу с последними новостями. Было же о чем поговорить. А сейчас, в мертвой тишине, мерный стук маятника падал на голову надоедливими каплями дождя.

Надя взглянула на часы: половина пятого. Конечно, часы отстают. Она посмотрела на окно — уже темнело. Но девушка никак не могла припомнить, когда начинает темнеть. Поставив стрелку на восемь, она махнула рукой: ей ведь не надо бояться, что завтра опоздает на работу или в школу!

Старшая сестра принесла и поставила на стол подогретый борщ, приготовленный к обеду. Сестры, которые обычно ели шумно, весело, сейчас сидели притихшие.

Послышался стук в окно и знакомый кашель. Надя вскочила, открыла дверь.

Тяжело дыша, вошел дед Яшкин, их частый гость и добрый сосед.

Это был старик высокого роста, широкий в плечах, с реденькой бородой на морщинистом лице.

Трое его сыновей служили в армии. До войны двое семейных переехали в город, а старик с самым младшим, трактористом, жил в деревне. Когда и третий ушел на фронт, старик остался один-одинёшенек. От скуки стал работать, на этот раз сторожем магазина сельпо.

Хозяйка поставила тарелку борща и заботливо пригласила:

— Ешь, дед, пока не остыло. Ешь, а то ты, наверно, голоден.

Старик опустил на стул, молча отломил кусочек хлеба, взял ложку и начал есть.

Взглянув на Надю глубоко запавшими глазами, он внешне грубо сказал:

— К чему ты волосы раскудрявила, как каракулевый мех? Нехорошо. И одежду нужно носить похуже, постарее.

Надя поняла, в чем дело. Пожав плечами, произнесла:

— Волосы у меня сами такие, от природы. И потом, не знаю, как еще можно проще одеваться. Лицо, что ли, углем намазать?

— А то как же!— нахмурил старик густые брови.— Каждый из них, из собак, охоч до женщин. Ни стыда, ни совести...

— Вчера еще мы были свободными людьми, сегодня хуже рабов стали. Никак не могу привыкнуть к этой мысли. Но до каких пор, дед? Скажи, у тебя-то есть надежда?— спросила хозяйка с волнением и болью в голосе.

— Я о тебе подумал,— облизывая ложку, спокойно произнес старик.— Что ты, телка одинокая, мычишь все?

— Да ты о деле говори,— стукнула ложкой по краю тарелки старшая сестра.

— Дела-то у нас одни. Сейчас выдюжить надо, а не хныкать.

— Дед,— повторила хозяйка,— у тебя есть надежда?

— Что за вопрос?— солидно, степенно продолжал старик.— Сегодня надежда у меня сильней, чем вчера, а завтра будет сильнее, чем сегодня. Раскусил я этих «победителей»! Нет, я верю русскому человеку. Его душа для друга теплая, как солнце, для врага — страшная, как наша зима. Нет силы, которая могла бы завоевать русскую землю. Слава богу, русское небо такое широкое, что если одну его сторону застелют черные тучи, то буран, поднявшийся с другой стороны, разгонит их. Всегда так было, всегда.

— Хоть бы по-твоему вышло!— вздохнула хозяйка.

— За эти слова, дед, я угощу тебя вареньем,— словно озорная девчонка, вскочила Надя.— У-у-уди-вительно хорошее, сладкое варенье. Просто на редкость.

Надя разложила по блюдечкам, маленьким, как доннышко пиалы, яблочное варенье. Одно блюдечко она поставила перед стариком, затем в большом медном чайнике принесла только что вскипевший чай.

— Чайку с большим удовольствием выпью,— старик даже потер ладони.— В такой вечер это просто благодать.

— Пожалуйста, дед, пей.

— Да. Иное было у нас времечко. И варенье и печенье к столу. А ныне...— старик, как обычно, начал вспомнить недавние, мирные дни.

Где-то снова раздалась автоматная очередь. Но сестры словно не слышали ее: привыкли. Они внимательно слушали рассказ соседа, рассказ о том, как он в молодые годы увлекся одной красивой и очень хитрой цыганкой.

— Бреду за табором. А куда — сам не знаю. Думал, что пристану к ним окончательно. Да вот такая штука вышла...

Досказать веселую историю старик не смог: совсем рядом, под окном, загремели выстрелы.

— Что еще за наваждение?— дед повернулся к окну.

— Совсем рядом,— ахнула хозяйка.

Не прошло и двух-трех минут, как деревня задрожала от частой стрельбы.

— Что же это такое?— хозяйка вскочила с места, побледнела.

— Может, партизаны напали?— радостно вздохнула Надя.

— Ничего не случилось, не беспокойтесь!— равнодушно проворчал старик.— Есть один секрет. Услышите, еще из пулеметов будут стрелять.

— Это он хочет свою силу показать,— имея в виду врага, выразила догадку хозяйка.

— Нет, извините, он свою слабость показывает,— подмигнул дед.— Видела ли ты богатыря, который ходил бы и кричал: посмотрите, какой я сильный?

— Немец боится? Кого?

— Нас! Боится тебя, меня, тетки Анны, старухи Матрены Кирилловны, вот того горбатого Якова... Поверьте, ночью немец становится трусливым зайцем, я только вчера об этом догадался... Да иначе и нельзя ему.

— Уж очень высоко ты берешь. На словах легко быть богатырем,— недовольно произнесла хозяйка.

— Почему на словах! Я враг пустых слов. Но надо смотреть всегда вперед.— Старик закурил длинную и толстую козью ножку и снова начал прерванный рассказ о красивой, хитрой цыганке.

Женщины внимательно, как прежде, слушали старика. Но вдруг на улице, напротив окна, раздались пьяные выкрики и нестройная песня. Все на мгновение смолкло.

— Собачьи игры, попачкают и пройдут,— прошептал старик.

Но он ошибся. Немцы не прошли мимо. В дверь с грохотом застучали, под окнами послышался грубый топот солдатских сапог. Сестры с испугом вскочили и в замешательстве смотрели в сторону двери. Они поспешно надели пальто. Старик, затянувшись махоркой, пустил густой дым, кинул окурок на пол и зло придавил его сапогом.

— Пусти их!

Хозяйка медленно двинулась в переднюю.

Фашисты вошли, и дом наполнился запахом спиртного и пота. Немцев было пятеро — четыре солдата с подвешенными на шею автоматами и высокий, худой ефрейтор.

Ефрейтор внимательно обвел взглядом стены комнаты, холодно посмотрел на женщин и старика.

— Это кто?— с трудом выговорил он по-русски, показывая на деда и Надю.

— Он из нашей деревни, сосед наш! А это — сестра моя,— тяжело дыша, ответила хозяйка.

— Муж есть? Где он?— спросил ефрейтор.

— Как все, на фронте!— ответила хозяйка, опустив глаза.

Надя стояла прислонившись к стене. Она понимала бессмысленность испуга, старалась держаться смелее, с каждым мгновением все ее существо наполнялось какой-то гордостью. Но от того, что солдаты из-под серовато-зеленых касок уставились на нее бесстыдно похотливыми глазами, девушка невольно все плотнее прижималась к стене.

Солдаты не двигались, ждали приказаний. Ефрейтор повернулся к старику и, с интересом с головы до ног осмотрев его, что-то сказал. Солдаты захохотали.

— Сейчас вечер,— произнес ефрейтор, показывая ручные часы старику.— Что тебе здесь делать? Дом у тебя есть, старуха есть. А девочек оставь нам. Ну, отправляйся! Живо!

Мальчуган проснулся и испуганно смотрел то на пьяных солдат, то на мать.

— Володя, спи,— как можно спокойней сказала хозяйка.— Спи. Дяди скоро уйдут.

— Скоро?— ефрейтор рассмеялся.— Ну, старик, убирайся!

Дед ничего не ответил. Только его морщинистое, худое лицо передернулось, рыжеватые от махорки усы дрогнули.

— Ну, доченьки, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, дед. Заходи к нам!— крикнула вслед ему Надя.

Ефрейтор подошел к столу. С чувством отвращения посмотрел на посуду. Солдаты, положив автоматы на комод и грубо двигая стульями, уселись. Ефрейтор толстыми, грязными пальцами перелистал лежавшую на столе «Историю древнего мира», резко вырвал несколько страниц, скомкал их, сунул в карман шинели и, ни слова не говоря, вышел.

Щеки Нади задрожали. Хотелось стукнуть книгой по голове этих дикарей! Но, сжав губы, она молчала.

«Какие сволочи! Какие подлецы!»— про себя твердила девушка. Гнев и обида душили ее.

Хозяйка многозначительно подмигнула сестре и, взяв книгу, положила ее на буфет.

Широкоплечий солдат с плоским, как тарелка, лицом и выступающим вперед подбородком деловито открывал консервные банки. Другие вытаскивали из карманов хлеб, яйца, колбасу. Солдаты, видно, были голодные. Приготовления к ужину и запах продуктов раздражали их. Они притоптывали, чмокали губами, с наслаждением потирали руки.

Вошел ефрейтор. Внимательно посмотрев на женщин, он уселся, скрестив длинные ноги.

Хозяйка растерянно подавала стаканы, ножи, вилки. Надя отошла в окно и повернулась спиной к немцам.

Девушка еле держалась на ногах. Ее раздражали каждый стук вилки, каждое немецкое слово. Не в силах больше выносить присутствие гитлеровцев, она вышла в сени. Спотыкаясь в темноте, Надя прошла к старому ящику и села на него. Вслед за ней вышла и присела рядом сестра.

Сидели молча, невольно прислушиваясь к тому, что творилось в комнате.

А там гулянка была в разгаре. Слышался звон стаканов, крики, хохот.

— Не думай о них! Что еще можно ждать от грабителей?— успокаивала Надя.— Да,— вспомнила она,— а мы так и не провели бойца. Проголодался, наверно.

— Я собиралась после того, как уйдет старик, выбрать момент. Хотела накормить его. Но теперь нельзя. Скажи, не будут ли они обыскивать? Боюсь.

— Эти собаки нажрут, напьются и повалятся с раздутыми животами. Утром уйдут. Я кое-что из их разговора поняла. Жаль, плохо в школе учили немецкому.

В комнате что-то упало на пол и разбилось вдребезги. Раздался взрыв хохота.

— Что они там делают?— хотела встать старшая сестра.

Надя движением руки остановила ее:

— Сиди.

Но вдруг донесся пронзительный крик ребенка. Хозяйка, вскочив, кинулась в комнату. Володя, бледный, с испуганными глазами, потянулся к ней:

— Мама! Мама!

Крепко прижав к груди, мать расцеловала его, погладила мягкие волосы и принялась утешать:

— Я же сказала тебе — спи. Ну чего ты испугался? Спи.

Солдаты, продолжавшие пить и есть, не обращали внимания на крик ребенка.

Только ефрейтор с животной похотливостью не отрывал взгляда от женщины. Он с присущей развратникам развязностью подмигнул ей.

Женщина, вздрогнув, отвернулась и, уложив ребенка, склонилась у его изголовья.

Она почувствовала, что кто-то, шатаясь, приблизился к ней. Сердце замерло, не было сил пошевелиться.

Вот к ней протянулись грубые руки, потрепали по щеке и подняли ей голову. Женщина, словно почувствовав нож убийцы у своего горла, в ужасе вскочила, дрожащими, высохшими губами прошептала:

— И вам не стыдно? Вы же командир! Прошу, оставьте меня в покое, не пугайте ребенка...

Ефрейтор удивленно отшатнулся и, выпрямившись, крикнул:

— Кровать нужна, освободи!

Одной рукой он указал на ребенка, другой — на дверь.

В это мгновение вбежала Надя:

— Что случилось?

Ефрейтор невольно отступил. Хозяйка молча подняла ребенка и торопливо прошла к двери, успев крикнуть Наде:

— Пойдем, выходи быстрее!

Девушка повернулась к двери. Но солдат — по всей вероятности, недавно надевший шинель студент, молодой, сильный, с выражением игривого кокетства на лице — проворно загородил ей дорогу. Он сузил покрасневшие глаза и, улыбаясь, пригласил:

— Барышня... с нами...

Солдат указал на стол, но девушка спокойно ответила:
— Спасибо, не желаю!

Немец внезапно протянул руки и, словно встретив свою приятельницу, легко склоняющуюся перед каждым его желанием, фамильярно произнес:

— Барышня, одну минуту посидите с нами. Будем говорить, выпейте половину половины стаканчика. Я дам вам французское вино, это очень хорошее вино, от него лицо девушки расцветает, как цветок, разыгрывается ее сердце. Прошу, пожалуйста.

— Не хочу... Не хочу...

Солдат крепко взял девушку за локоть:

— Пожалуйста. С нами.

— Нет, не трудитесь напрасно,— произнесла Надя, напрягая всю свою волю, чтобы держаться спокойно.— Голова у меня болит. Сейчас ничего не хочу. Отпустите меня.

Но немец по-прежнему крепко держал ее. Он даже начал подталкивать девушку.

— Вы свою силу показываете! Бесполезно. Знайте, что у меня тоже есть сила. Я — человек...— резко оттолкнув немца, Надя высвободила локоть и побежала в переднюю. Гитлеровцы захохотали.

Над кем они смеялись — неизвестно.

Скоро вновь послышались пьяные выкрики, звон разбитого стакана, стук сапог и звуки губной гармошки.

Передняя была темной, сырой, холодной. Володя лежал на ящике. Он вздрагивал, не мог уснуть на голых досках.

— Успокойся, сынок. Засни. Ну, родной.

Надя, забившись в угол, молча замерла там. Вся жизнь казалась ей пустой, бессмысленной.

Хозяйка попробовала отыскать спички. Но не смогла. Споткнувшись о ведро, опрокинула его. Наконец, нащупав табуретку, сказала сестре:

— На, садись. Что с тобой? Что ты молчишь?

— О чем говорить?— глухо ответила Надя.

В комнате не прекращались крики и смех.

Надя, усталая, обессиленная, закутавшись в легкое пальто, задремала на табуретке. Спать ей не дали.

В переднюю вошел немец, приглашавший ее к столу. Его глаза горели, как у хищника. В лицо девушке хлестнул луч электрического фонарика. Надя вскочила и крикнула:

— Кто это?! Что вам нужно?

Немец шагнул ближе, запах спиртного ударил в

нос. Солдат бросился на девушку и, обняв, поволок ее наружу.

— Барышня, немножечко гуляй,— пьяно покачнувшись, сказал он.

— Ты кто? Солдат? Если ты животное, убей меня, но не оскорбляй!

Хозяйка, задыхаясь, пыталась вырвать у солдата сестру. Но немец ударил ее ногой. Женщина со стоном упала.

Надя продолжала вырываться из цепких лап солдата. Но немец был сильнее.

— Барышня... Барышня,— прижимал он девушку к стене, задыхаясь.

Надя плюнула ему в лицо. Солдат зло отшвырнул ее. Она упала на что-то твердое, вскрикнула.

Солдат, громко ругаясь, открыл дверь на улицу. Вышли из комнаты и его товарищи. Они тут же, на пороге, справили свои нужды.

Надя с отвращением закрыла лицо руками.

Солдаты со смехом прошли мимо женщины в комнату, повалились кто где смог и сразу захрапели.

Ночь казалась бесконечной. Сестры не сомкнули глаз, прислушиваясь к каждому шороху.

Утром гитлеровцы не спеша покинули дом. Ефрейтор криво усмехнулся:

— В следующую встречу согласишься, а?

В дверях он еще раз нахально подмигнул хозяйке мутными, пьяными глазами.

Лица женщин были бледны. И хотя теперь сестры почувствовали облегчение, в глазах их все еще затаился страх.

Едва затихли шаги немцев, хозяйка закрылась на замок.

В комнате было грязно, все разбросано. Будто здесь ночевали не люди.

Пока хозяйка убирала дом, губы ее не переставали шептать:

— Бандиты... Свиньи.

Несмотря на то, что в комнате был наведен порядок, женщины завтракали в передней. Володя продолжал прижиматься к матери, испуганно косясь на дверь.

Надя решила навестить своих подружек. Надела на себя все старое.

— Куда ты? Не ходи,— пробовала отговорить сестра.

— Ничего не случится, не бойся.

Когда Надя ушла, хозяйка плотно закрыла калитку,

постояла, прислушиваясь к шуму на улице, и направилась к сараю.

Али недавно проснулся и, вероятно, ничего не знал. Он вежливо поздоровался.

— Как спалось? — поинтересовалась хозяйка.

Али, довольный, улыбнулся:

— Очень хорошо. Сейчас проснулся. Сон — наслаждение. Видел интересные сны...

Женщина сходила в комнату и вернулась с тарелкой жареной картошки и куском хлеба.

Али тщательно вымыл лицо, руки, уселся на корточки и позавтракал.

Хозяйка, нагнувшись, таинственным и печальным голосом начала рассказывать о ночном происшествии. Али, уже много повидавший, слушал этот рассказ, покачивая головой.

— Пришел враг, пришла напасть, — произнес он. — Немец говорит: или подчинись — или умри. Проклятый, черный враг. Хозяйка, большой рахмат тебе. Но может быть, сегодня ночью уйти мне?

— Куда? Если хочешь попасть в руки фашистов — иди. Для меня будет меньше забот и страха.

Али задал вопрос ради приличия, чтобы узнать отношение хозяев к себе.

— Вот уедут из деревни эти ироды, — продолжала хозяйка, — тогда и ты пойдешь искать своих.

Приложив руку к груди, Али поблагодарил хозяйку:

— Большой рахмат. Большой...

Глава одиннадцатая

Фронтовые медсестры, несмотря на трудности и тревоги, всегда проявляли искреннюю заботу о раненых. Пожалуй, больше, чем дома о своих родных. Среди медсестер было много таких, которых и пуля не брала. Скромность этих отважных девушек, одетых по-солдатски, просто удивляла. Они никогда не говорили о своих славных делах.

Рашид сидел на гладком пне недавно спиленного дерева. Один из друзей Бектемира, он жил когда-то в соседней деревне, а сейчас служил с ним в одном полку, но в другом батальоне.

Рашид прислушался. Иногда вдали раздавался артиллерийский гул, будто кто-то ногой пинал большую пустую

корчагу. Когда мимо пронесли раненых, он внимательно оглядывал их.

«Что с моими земляками?— думал Рашид.— Живы ли? Придется ли увидеть?»

Мысли Рашида были прерваны появлением медсестры. Эта девушка, Ксения Орлова, успела уже прославиться.

Вчера ее наградили орденом Красной Звезды, а совсем недавно во фронтовой газете был ее портрет.

Девушка остановилась и, сдвинув брови, взглянула на бойца. Высокая, с огненно-рыжими волосами, с реденькими, похожими на крупинки золота веснушками, которые придавали миловидность ее невинному лицу, она выделялась среди подруг. Много в ней было озорства и настоящей отваги.

— Ты свободна? — спросил Рашид с видом старого знакомого.

— Как? Разве на фронте достаточно времени? Что тебе нужно, скажи? — улыбнулась Ксения. — Только если это касается дела.

— Хочу поговорить. Очень скучно... — откровенно признался Рашид.

— Нет, спасибо. Разговоры будут после войны, мой черноглазый друг!

— Постой, ты не понимаешь шуток! Напиши, пожалуйста, мне письмо. Правая рука не работает. Вот! — показал на руку Рашид.

— Это другое дело. Письмо — тоже оружие бойца. Серьезное оружие. Давай, давай. Сейчас я достану листок бумаги.

Вскоре она вернулась и, усевшись на пень, приготовилась писать.

— Та-а-к. Ты откуда? Когда ранен был? Скажи, кому мы будем писать. Жене твоей? Или любимой девушке? Надо написать такое красивое письмо, чтобы всегда носила на своей груди, чтобы читала каждый день... Верно?

— Жены нет, пиши, анаджан! — покосился Рашид на Ксению, пытаясь угадать, какое впечатление произведут эти слова на жизнерадостную девушку.

— А ты любил? Не скрывай, знаю вас, мужчин...

— Люблю, — ответил Рашид, мечтательно прищурил глаза. — Очень люблю.

— Хорошо! Любить надо. Жизнь без любви, как бы тебе сказать, похожа на цветок без запаха, на день без солнца. Твоя любимая — красивая девушка? Она тоже черноглазая? Я скажу прямо: мне нравятся черноглазые.

Но глаза у моего Саши голубые. Только такие прекрасные, такие чистые, такие пламенные, словно южное небо... Но он тоже далеко, очень далеко, он тоже воюет, но не на земле, на море он...— В глазах Ксении на мгновение мелькнула тень печали.— Ну, ладно. Говори, что писать. У меня нет времени.

— Дорогой анаджан салам. Сестре Хакиме салам, — степенно начал Рашид. — Сестричке Наиме салам. Любимому брату Хашимджану и невестке Шарафатхон привет...

Девушка, успев все записать, положила листок на колени и посмотрела на бойца: дальше что?

— Дяде Халмату салам. Председателю колхоза Махмудову салам, — продолжал Рашид.

— Что это за письмо? — засмеялась Ксения. — Опиши свою жизнь, свое положение... Нет! Письма не так пишут!

Рашид словно не слышал ее слов, тихо продолжал:

— Самандару-ака (этот человек — колхозный бригадир) салам. Еще зятю Кари салам, еще...

Ксения, стукнув карандашом по колену, нетерпеливо прикрикнула:

— Ух, товарищ боец, в жизни не писала такого письма. Подумай, ведь ты перечислил всех людей своего кишлака.

Рашид серьезно ответил:

— Не всех, много людей в кишлаке. Это самые родные...

— О себе сообщи.

— Письмо — глаза и уши. Грамотный человек прочтает — увидит свое имя, неграмотный — услышит. Салам, наш привет, дороже подарка. Пиши: другу Кадырджану салам. Этот человек — чайханщик. Когда ни придешь, крепкий зеленый чай готов. За словом в карман не лезет. Пиши: звеньевому Садыкджану салам.

Ксения решительно возразила:

— Хватит, хватит! У меня нет больше бумаги. Посмотри, целая страница с одними саламами.

— Барышня, прибавь Садыка. Ладно, уж это будет последний. Если хочешь знать, этот человек — первый в кишлаке. Дал по девяносто центнеров хлопка с гектара. Понимаешь, по девяносто?! Как же ему не передать привет с фронта?

Девушка, кивнув головой, нехотя написала и это имя. Потом, внимательно посмотрев на бойца, спросила:

— Да. Постой, почему ты не передал привет любимой девушке? Как ее имя? Самый горячий, самый сердечный привет прежде всего должен быть для нее. Что, ты ее

забыл? Она, бедняжка, наверное, всем сердцем, всеми мыслями с тобой. А ты... Нельзя так.

— В этом письме не должно быть ее имени. Нехорошо, — смутился Рашид.

Ксения удивленно подняла брови.

— Почему? Поссорились вы?

— Нет, у нас такой закон, — серьезно ответил Рашид. — Это общее письмо. Будет по рукам ходить. Если будет написано имя девушки, обидятся ее родители, обидится она сама.

— Ничего не понимаю, какие-то дикие обычаи.

— Стыдно будет, понимаешь? Стыдно! — улыбаясь, пояснил Рашид. — Ладно, пиши: я, слава богу, жив-здоров. Желаю, чтобы и вы были здоровы. Мы на войне. Не знаю названия местечка, где мы стоим. Кругом сосновые леса. Одеты мы тепло. Кормят неплохо. Настроение хорошее. Очень истосковался по вас. Пока не пишете письмо, потому что неточный адрес. Ваш сын Рашид.

— А разве не напишешь о своем ранении?

Рашид взглянул на перевязанную руку, подумал и нерешительно сказал:

— Не хочется в теплую страну посылать холодную весть.

— Верно. Не нужно тревожить их.

Девушка сложила письмо треугольником, написала адрес и поднялась. Положила руку на плечо бойца, попрощалась:

— До свидания, товарищ из Узбекистана. Я сама отправлю письмо.

— Очень хорошо. Спасибо, сестра, — согласился Рашид.

Девушка торопливо, не оглядываясь, пошла по узкой тропинке и вскоре скрылась за деревьями.

Рашид смотрел ей вслед и мысленно продолжал беседу с веселой, смелой девушкой. Потом, вздохнув, он тоже поднялся и направился к группе солдат.

Среди только что прибывших раненых он увидел знакомого бойца. Голова его была перевязана широким бинтом, бескровное лицо белело, как буз, глаза горели, словно в сильном жару. Рашид, ускорив шаг, подошел, поздоровался, расспросил его о здоровье, о земляках:

— Кого ты видел за это время?

— Уринбаев Бектемир вчера вместе с нами участвовал в бою, — тяжело выдохнул раненый. — Потом потерял его из виду. Не знаю, что с ним. Сильный бой вели. Много людей погибло в роте.

Боец смолк. Вероятно, не хотелось ему вспоминать страшные картины. Он медленно закрыл и снова открыл глаза.

«А если погиб...— подумал Рашид. — Бектемир!.. Бектемир, неужели ты погиб?..»

От этой мысли он побледнел, вздрогнул.

Простившись с земляком, Рашид молча пошел к палатке. Но дойти он не успел.

Раздался гул самолетов.

— Воздух!

Эта команда заставила людей броситься в укрытия, в густой лес. Даже тяжелораненые, которые, казалось, не в силах были поднять головы, тоже спешили спрятаться.

Самолеты приближались с каждой секундой.

Враг бросил несколько бомб и «прочесал» лес градом пуль.

Одна медсестра была ранена. Ее положили на носилки и понесли в землянку. Понадеявшийся на авось и оставшийся за рулем шофер не шевелился.

Рашид видел несколько часов назад, как этот шофер ходил вокруг машины, чинил что-то, грубовато, но так, чтобы не обидеть медсестер, шутил с ними. Сейчас он был мертв.

А в общем потери после этого налета были незначительными.

В лесу стало так тесно, что Рашид долгое время ничего не мог различить, слышал только взволнованный шум и крики людей.

Словно слепой, он наталкивался то на деревья, то на головы пофыркивавших лошадей. Невесть где, должно быть на узких дорогах, как попавшие в засаду хищники, рычали машины. Водители без злобы ругались. Боец вскоре понял причину этой кутерьмы: спешное отступление.

По отрывочным словам сестер, работавших без устали, он почувствовал, что враг близок и грозит окружением.

Под минометным огнем противника санбат покидал лес. Рашиду удалось, опустившись на колени, забиться в угол машины, где плотно разместились раненые.

Там и тут слышались крики:

— Помогите!..

— Поднимите меня!..

— Сестричка!..

Раненые от боли стонали, ругались, выкрикивали бес-
связные слова.

— Спокойней, товарищи, — раздавались голоса медсестер. — Спокойней.

Разноцветная россыпь ракет, пролетев над лесом, исчезла, не достигнув земли.

Утром санбат остановился на какой-то станции. Здания с выбитыми окнами в предрассветном тумане зияли пустыми глазницами. Перрон вокзала был завален грудами кирпича и земли, обгоревшими досками.

Воспользовавшись короткой остановкой, Рашид выпрыгнул из машины. Ноги свело, и он еле двигался. Боец одной рукой тщательно потер колени, икры. Пальцы были в темных пятнах крови.

По-прежнему раздавались крики о помощи.

Врачи, медсестры с пожелтевшими от усталости лицами пытались помочь обессиленным людям.

— Сейчас, сейчас. Все будет в порядке.

— Поднимите голову. Выше. Сейчас забинтую.

На станции Рашид увидел много женщин, детей, стариков.

Они стояли, согнувшись под грузом узлов, мешков и чемоданов. Глаза людей были устремлены на убегавшие вдаль рельсы.

Раненые с удивительной быстротой размещались в санитарных вагонах.

Рашид, очутившись в тамбуре, взялся здоровой рукой за поручень вагона и с чуть заметной улыбкой посмотрел на девушку, стоявшую рядом с замаскированной санитарной машиной.

Это была Ксения Орлова.

Поверх белого фартука девушки свешивалась с пояса кобура револьвера. Ксения разговаривала с бородатым человеком в очках. Этот человек, как отметил Рашид, был чем-то похож на профессора...

Боец вдруг почувствовал острое желание остаться рядом с девушкой. Но это было только желание... Сейчас от Рашида ничего не зависело.

Поезд готов был к отправлению. Молодая женщина в форме железнодорожника, взобравшись на груду кирпича, отдавала машинисту последние приказания.

Небо, только что просветлевшее, наполнилось знакомым гулом. Где-то рядом зенитки открыли сильный огонь. Люди на перроне кинулись в разные стороны.

Рашид увидел крыло самолета. Он спрыгнул на землю и побежал, чтобы спрятаться среди груды кирпичных об-

ломков. От первых разрывов бомб полетели вверх комья земли, осколки камней, щепки.

— Спасите!

— Проклятый фашист!

— Наташа... Наташа... Где ты?

Крики людей, полные отчаяния, ужаса, тонули в грохоте.

Тишина наступила внезапно.

Рашид побежал к горевшему вагону, откуда на носилках несли Ксению Орлову. Приблизившись, он с болью крикнул:

— Сестра... Ксения!

Один из санитаров, с нахмуренными бровями, с застывшим, как камень, лицом, проворчал:

— Что кричишь? Все уже...

Глава двенадцатая

Ветер со свистом подхватывал иней с отвердевшей земли, безжалостно срывал листья, трепал грязные, обожженные пулями шинели солдат.

Бойцы укрепляли берега речки. С усталых лиц обильно стекал пот.

Аскар-Палван снял пилотку, вытер лоб и вздохнул:

— Ох и жизнь! Ни минутки отдыха.

Этот вздох не от тяжести фронтовой жизни, а, скорее, от душевной угнетенности, рожденной отступлением.

Состроит кто-нибудь убийственную гримасу: дескать, все пропало, и настроение испорчено.

Некоторые, осмелев, бросали недобрый слух:

— Бежим. Вовсю бежим.

Но бойцы знали, как поступать с такими «всезнайками».

После того, как батальон вышел из окружения, день и ночь шли оборонительные работы.

Капитан Никулин, сообразно с планом общей обороны, должен встретить врага на берегу речки.

— Вот здесь-то мы и побьем как следует фашиста,— говорил он, потирая руки.

Капитан хотел, чтобы с этой мыслью сжились бойцы, и повторял ее при каждом удобном случае.

Все, пожалуй, шло хорошо. Одно беспокоило Аскара-Палвана — разлука с земляками.

«Где они могут быть? — раздумывал он. — Может быть, Али попал в плен, а Бектемира убили?»

Не давали покоя и мысли о семье. С тех пор как боец

ушел из дому, он еще не получил ни одного письма. Часто, закрыв глаза, он с тоской вспоминал свою дочь, мать, жену. И тогда забывал все на свете. Он жалел сейчас о том, что в мирное время не проявлял большой заботы о семье. Почему он мало времени проводил с дочерью, не играл с ней вечерами? Зачем он иногда из-за какой-то мелочи сердился на жену — женщину трудолюбивую, тихую, воспитанную? В должной ли мере он проявлял почтение к любимой матери, которая не уставала молиться за их счастье?

Вода, с журчанием протекавшая под тополями в маленьком дворике, прохладная супа в летние дни, цветник рядом с ней, лоза винограда — все это казалось теперь недостижимым. Суждено ли ему когда-нибудь поцеловать доченьку, прижать ее к своей груди, выпить глоток холодной воды, сорвать кисть винограда?

...Аскар-Палван посмотрел на Дубова, усы которого при каждом ударе лопаты развевались, как кисточки кукурузного початка.

Лицо Дубова, изборожденное редкими, но глубокими морщинами, кривилось от боли. И Аскар-Палвану стало не по себе.

Дубов недавно был ранен в локоть, но все-таки остался в батальоне. Аскар-Палван, приблизившись к другу, посоветовал:

— Береги руку от пыли.

Дубов невольно улыбнулся:

— Что ж, сидеть мне, отдыхать? А немец?

Вечером Аскар-Палван сопровождал вызванного в штаб полка капитана Никулина, потому что ординарца комбата, веселого солдата Суворова (иронизируя над его фамилией, бойцы называли ординарца генералом), ранило.

Аскар-Палван, восседая на гнедой лошади, ехал вслед за капитаном.

По немощеной, замерзшей дороге они добрались до деревни.

Улицы были безмолвны, дома казались пустыми. Около колодца стояли старик с пышной бородой и женщина, полная, круглая. Рассматривая неожиданных гостей, они о чем-то шептались. Деревню миновали быстро и повернули на дорогу, ведущую к лесу. Около штаба полка Никулин ловко соскочил с лошади и отдал повод Аскар-Палвану.

Капитан оглядел свои сапоги, шинель, поправил ремень и сделал несколько шагов. В это время из землянки вышел полковник. Это был крепкий человек лет сорока.

Никулин четко доложил, что явился по его приказанию.

Полковник взял Никулина под руку, повел в землянку.

Аскар-Палван привязал коней к дереву. Чтобы чем-нибудь занять себя, некоторое время гладил их. Потом, напевая про себя песенку о черных глазах, он стал вышагивать по ковру золотых листьев.

Вокруг стояла необыкновенная тишина.

И в этой тишине неожиданно раздался крик:

— Стой!

Аскар-Палван, подумав, что ему сейчас попадет за какое-нибудь нарушение, замер на месте. Потом резко, по-военному, повернулся на каблуках.

Напротив Аскара в нескольких шагах стоял хохотавший Бектемир. Друзья кинулись в объятия друг к другу.

Глаза Аскара-Палвана наполнились слезами.

— Жив-здоров? Темир мой! Во сне или наяву?

— Когда увидел тебя издали, не поверил своим глазам. Говорят же: надевший саван уйдет, не надевший придет назад обязательно.

Бектемир положил руку на плечо друга.

— Что ты знаешь о наших? — спросил Аскар-Палван.

— Почти ничего.

— Али пропал без вести?

— Путь кривого оказывается тоже кривым. Неизвестно о нем ничего: ни о живом, ни о мертвом, — сказал Бектемир. — Ну, а как там товарищи? Дубов наш крепок?

— Из тех, кто покуривал с тобой и кто воевал вместе, многих уже нет, — вздохнул Аскар-Палван. — Дубов здесь. Частенько он вспоминает тебя.

Друзья присели на балку и продолжали вполголоса беседовать. Бектемир коротко рассказал о своих приключениях. Аскар-Палван тоже поделился пережитым.

— Помнишь богатырей, которые в сказках избирают путь, «откуда нет возврата», дерутся с драконами, дивами, разрушают заколдованные преграды? — заговорил Аскар-Палван. — По-моему, эти самые богатыри горя не видели. А мы воевали среди болот, проливали кровь, жевали траву, пили мутную воду и выбрались все же из окружения. Когда от холода, усталости не было сил, мы связались с какой-то ротой. Уже вытянувшиеся от худобы, люди обрели надежду, будто в высохшие арыки пришла вода. Однажды на рассвете, когда сеял дождь, мы с двух сторон ударили по фашисту. Да так, что память вышибли у него!

— Наш командир такой человек: если уж возьмет ка-

мень в зубы — разгрызет. Мысль у него ясная, а в сердце у него такой огонь, что даже со смертью не потухнет! — восхищался Бектемир.

— Наш Никулин — лучший из командиров! — с гордостью произнес Аскар-Палван. — Не знает, что такое страх, действует, как подсказывают ему голова и сердце. Напрасно не кричит «ура», не гонится за славой. Прежде всего заботится о бойцах. Знает, где надо крепко сказать, а где утешить. Если бы все командиры были такими, дела наши были бы хороши.

— Это действительно, — согласился Бектемир. — Бойцы плохого командира не могут сделать хорошим. Но хороший командир из плохих бойцов может сделать настоящих орлов.

— Капитан Никулин нас из ада вывел целыми, — произнес Аскар-Палван и, вздохнув, добавил: — Вот, слава богу, свиделись мы с тобой. О таком счастье даже не мечтал.

— Точно. В таком грохоте увиделись! Редкий случай.

Бойцы положили руки на плечи друг другу. Гордость и вместе с тем добрая, внимательная улыбка, говорившая об искренности их чувств, отразилась на суровых, почерневших лицах земляков.

Колючий ветер срывал над головами друзей последние, редкие листья. Бойцы невольно посмотрели на дрожащие деревья, на застывшие над ними облака, на дорогу с затвердевшей грязью. Чувство тоски наполнило сердца воспоминаниями о родных местах.

Аскар-Палван припомнил пытавшегося всегда над ним шутить своего соперника по курашу Гупчак-Палвана, нечестного в борьбе и хвастливого.

— Взяли ли этого хвастуна в армию? На каком фронте он ходит-пыхтит? А все-таки неплохой он человек.

Бектемир думал о другом.

Он пожаловался, что нет писем. И с печальной улыбкой добавил:

— Как-то подсчитал я детей брата. Их, оказывается, двадцать один...

— Их крик и визг весь кишлак оглушит, — засмеялся Аскар.

— Не знаю, если брата тоже взяли в армию, этим цыпятам трудно придется. Было бы письмо, все узелки распутались бы. Возможно, пишут одно за другим, да только оттого, что кружит нас ветром в пучине, словно вот эти листочки, до нас не доходят вести.

— Верно. Если иные бойцы не находят свои части, где уж там бумаге малюсенькой разыскать нас! Но, Темир мой, если тело мое смешается с землей до того, как я получу из дому маленькое письмецо, ох и недовольный уйду я из этого мира!

— Оставь, не расстраивайся, пусть голова будет здоровой!— посоветовал Бектемир.— Вон, зовут меня. Соседи мы, оказывается. Я еще приду. Передай привет ребятам!

В это время пробегавшая мимо медсестра внезапно повернула назад и резко остановилась около бойцов.

— Салям, братья, слова ваши, как огнем, обожгли мой слух.

Аскар-Палван, опешивший, смотрел на нее.

Бектемир вскочил с места и сжал между своими ладонями протянутую руку девушки.

— О боже, узбечка? Откуда вы прибыли? Из Ташкента? Вы доктор?

— Нет, простая сестра. Из Ташкента. Недели две, как приехала.

Девушка протянула руку Аскар-Палвану, который, только теперь опомнившись, вскочил с места. Палван долго жал руку девушки.

— Хвала вам! Рахмат! Вон из какой дали вы прибыли! Как Узбекистан? Давно оттуда?

— Узбекистан такой, каким вы его видели. На поле и в городе кипит работа, — улыбнулась девушка. — Ничуть не изменился. Только стал больше трудиться.

Бойцы, взволнованные и удивленные, не в силах были оторвать взгляда от девушки с большими черными глазами. Они не знали, что говорить, и только переглядывались между собой. Наконец Аскар-Палван тихо сказал:

— Удивительные девушки у нас есть. Их смелость не описать. Как в легендах. Как вас зовут?

— Алтынай, — просто ответила медсестра. — Алтынай...

— Хвала нашим сестрам. Уже то, что они ходят по такому аду, — героизм, — улыбнулся Бектемир.

— Нет, нет, преувеличиваете. На войне все мы равны, все мы бойцы. Ну, о чем вы здесь беседуете? — спросила девушка.

— О делах наших... — произнес Бектемир, нахмутив брови. — Отступаем. Москва в большой опасности. Немцы, без конца посылают свои танки, самолеты. Тяжелые времена.

— Да, времена тяжелые, — согласилась Алтынай с серьезным видом. — Будут сильные, кровавые бои, но все

же мы опрокинем немца. — Она посмотрела на Аскар-Палвана и Бектемира. — Конечно опрокинем. Возможно, мы и умрем, но наша Родина победит...

— Знаем, — ответил Аскар-Палван. — Видим каждый день, как бьются наши.

— То-то, — засмеялась Алтынай.

— Как хлопок, осведомлены вы? — вдруг торопливо спросил Бектемир.

Алтынай вновь рассмеялась:

— Хлопок хорош, план, конечно, будет выполнен. Народ замечательно работает.

— Радостно об этом слышать. Расскажите, сестричка, о Ташкенте.

Девушка решительно ответила:

— К сожалению, больше не могу. Работы у меня много, раненые ждут.

— Хайр, племянница. Будьте осторожны... — посоветовал Аскар-Палван, прощаясь.

— Постараюсь.

Бектемир прошел с ней еще несколько шагов. Не хотелось ему расставаться с девушкой.

— Как-нибудь я приду к вам в санбат, хорошо? — сказал он и смутился.

— Хорошо. Здесь недалеко. Пожалуйста, — протягивая руку, произнесла девушка.

Прощаясь, Бектемир задержал ее руку, пристально взглянул в глаза.

Девушка ответила добрым, ласковым взглядом.

— Заходите, — повторила она шепотом.

Она стояла, опустив голову перед бойцом, который так неожиданно встал на ее пути.

На потемневшем небе с реденькими облаками тускло блестел серп луны. Еле слышно доносился орудийный гром.

Ветер слегка шевелит коротко подстриженные волосы девушки.

А она все не может поднять голову, прислушиваясь к тяжелому дыханию солдата, сердце догадывается о его горячем взгляде.

Вздвогнув, Алтынай посмотрела на бойца, медленно освободила руку из широкой ладони и ушла.

Бектемир сразу почувствовал вокруг какую-то пустоту.

Девушка исчезла за реденькими деревьями.

Бектемир остался наедине с чудесной, необыкновенной мечтой, рожденной этой неожиданной встречей.

Генерал встретил Никулина рассеянно. Резким движением руки он указал комбату на табурет и продолжал прерванную беседу с двумя молоденькими лейтенантами в новом обмундировании. Видимо, эти командиры только что прибыли на фронт.

Никулин, прислушиваясь к разговору, посмотрел на широкую, сложенную наспех, гудевшую от пламени печь. Пробегая взглядом по сырой землянке, он иногда исподлобья посматривал на высокого, худого, с густыми черными волосами генерала, один глаз которого был всегда чуть прищурен.

Хотя при первой же встрече некоторые стороны его характера пришлись капитану по душе, он сказал себе, что бои покажут, из какого материала он слеплен.

А сейчас Никулину нравились и тонкие, глубокие борозды, пролегшие от длинного, острого носа к уголкам губ генерала, и волнение, переполнявшее его, когда он говорил.

Генерал Соколов встал и крепко пожал руку лейтенантам. Проводив их до двери, он закурил папиросу и, пуская клубы дыма, снова опустился на табурет.

— Что вы любите в жизни, капитан? — серьезно и совсем неожиданно спросил Соколов.

— В каком смысле? — опешил Никулин.

— Известно, что природа наделяет человека определенными склонностями. Я люблю, например, рыбалку. Просто так. Чтоб душа успокаивалась. Когда остаешься на целые часы в одиночестве на берегу тихой речки, погружаешься в какие-то красивые думы, приближаешься к правде, и все становится, как утреннее небо, чистым и ясным... Ладно, можете думать, что я идеалист.

Генерал повернулся и задумчиво посмотрел на лампу. Капитан, улыбаясь, молчал. И только он решил рассказать о своих любимых занятиях, как зазвонил телефон.

Генерал, откашлявшись, взял трубку и долго говорил. Потом сел на место и, будто только что увидел Никулина, спросил совсем о другом:

— Ну, как дела? Фашиста ждем, а?

— Ждем, чтобы угостить, проклятого, его же собственной кровью.

— Вот, чтобы прорваться в этом месте, — провел пальцем по карте генерал, — они собирают силы. Но и наших сил здесь немало. Новые части готовы к бою. Немец в этот раз разобьет себе голову. Но если учесть прошлый опыт и взглянуть прямо в глаза опасности, то положение все же серьезное.

— Совершенно верно! — произнес Никулиц, морща лоб. — Поэтому мы очень осторожны.

— Главное от вас зависит... — произнес Соколов, многозначительно постукивая пальцами по столу. — Удержимся сейчас — дальше дела пойдут лучше.

Капитан Никулин понимающе кивал головой.

— Нужно как следует подготовиться, — продолжал генерал. — Без хорошей подготовки все, что мы задумали, не будет стоить и гроша. Ты все это знаешь, Никулин. На вас большая надежда. Что у тебя сейчас за люди?

Резким движением генерал отбросил упавшие на висок волосы и протянул руку к спичечной коробке.

— Разные... Это меня тоже больше всего мучит, — сказал Никулин, отрываясь от стола. — У меня есть ребята, бывшие немца и сами на себе испытавшие его железную силу, его хитрость и коварство. Но есть из других частей. Эти еще не привыкли друг к другу. Много бродили в одиночку по лесам.

Генерал, наклонившись над картой, слушал комбата внимательно.

— Им веревка кажется змеей. Они боятся немца и думают, что его никакая сила не отразит — пуля не пробьет, сабля не возьмет.

— Гмм... Вопрос ясен, — нахмурился Соколов. — При- тупленное оружие надо наточить, и оно режущим станет. Это уже от тебя зависит. Расставь таких между крепкими солдатами. Заставь поверить в силу пули, штыка, гранаты. Заставь осознать, на что способен пулемет, если он в руках отважного человека.

— Я считаю, что нельзя действовать только методом приказа, — согласился Никулин. — Очень важно усилить в бойце веру в собственные силы.

— Вот, вот, — подняв указательный палец, подтвердил Соколов. — Это основное. Если боец будет верить в себя, он не только у немца, у черта душу вырвет. — Генерал посмотрел на часы. Задохнувшись дымом, он со злостью бросил недокуренную папиросу и велел ординарцу принести кофе. Никулин спросил, нет ли к нему других вопро- сов.

Соколов отрицательно махнул рукой:

— Нет... Полковник все скажет. Выпей стакан кофе.

Никулин, взяв из сумки записную книжечку, начал было быстро делать краткие пометки, понятные только ему. Генерал посмотрел на комбата и недовольно проворчал:

— Остынет же. Пейте.

Капитан быстро сунул книжку и карандаш в сумку, отхлебнул горячего кофе.

— Отлично, отлично! Умеет готовить, — облизывая губы, произнес Никулин.

— Советую вам: почаще пейте кофе. Я им жив...

Никулин небольшими глотками допил кофе, попросил разрешения встать. Он уже собирался уйти, но, по обыкновению прикусив губу, задумался. Потом, решившись, спросил генерала:

— Сюда прибывают штучки, новенькие-преновенькие. Сверкающие.

— Вот артиллерия! Целовать хочется, — гордо произнес Соколов.

— Мне, конечно, тоже достанется? — с волнением произнес Никулин.

— Это остается в распоряжении командования. На каком участке враг сосредоточит свои силы, туда их бросят.

— Я стою на больших и важных дорогах. Значит, имею право взять, — решительно произнес Никулин.

— Разбойник избирает места поукромнее...

— Но этот разбойник стал таким нахальным, что на машинах гонит прямо к воротам дома.

— Еще лучше. Мы как раз и откроем глаза глупому разбойнику, — сказал Соколов и крепко пожал руку капитану. — Отучим его. Дадим, как говорится, от ворот поворот.

Никулин, покачиваясь на лошади, ехал по затвердевшей грязи. Видно было, что он не кавалерист — на лошади сидел неловко. На дороге встречались кренящиеся, высоко груженные машины. Шагали группы усталых пехотинцев.

Переехав через деревянный мост над узкой речкой, Никулин свернул на ровное широкое поле с высохшей густой травой и, придерживав лошадей, повернулся назад:

— Ты что побледнел, Ашуров? Ветер сильный, а?

— Вот-вот каску сорвет, — сказал Аскар-Палван, гарцуя позади на вероной лошади.

— Идет русская зима, — выделяя каждое слово, выразительно произнес Никулин. — В когтях зимнего льда вся земля становится как камень. А фашист? Он ведь не выносит холода! Как муравей, будет гибнуть.

— Хорошо, — засмеялся Аскар-Палван. — И война, значит, быстро закончится!

— Не знаю...— нерешительно ответил Никулин, затем, пробежав глазами по полю, где завывал ветер, продолжал: — Купкар любишь?

— А, улак! Улак! — оживившись, произнес Аскар-Палван. — На улак вы полюбуйтесь в Фергане! Очень интересная игра.

— А сам ты какой, смелый человек в улаке?

— Немножечко, — хитро улыбаясь, ответил Аскар-Палван. — В прошлом году на колхозном празднике выиграл большую телку.

— Молодец, богатырь! — кивнул головой Никулин. — Вот прогоним немца — и такой улак организуем, какого не было во всей истории.

— Вот это отлично! — взволнованно крикнул Аскар-Палван. — Тогда на большом поле сделаем пробу. Узбекский кураш вы видели? Очень интересно бывает. Ох, кураш, кураш!

— Ты участвовал и в курашах?

Аскар-Палван гордо кивнул головой.

— И-и, да ты во всех играх, оказывается, отличиться можешь! Настоящий джигит! Молодец!

Аскар-Палван с увлечением начал толковать, что такое кураш.

Стонал ветер, лошади, упрямо мотая мордами и фыркая, двигались вперед, к черневшему вдали лесу.

Никулин сидел чуть наклонившись и внимательно, с интересом слушал бойца, который, не находя нужных слов, начинал выразительно жестикулировать.

Командир много раз испытал мужество и преданность Аскар-Палвана. Ничего, что боец казался малоподвижным. На него можно было положиться в любом деле.

Когда они вернулись в батальон, Никулин остановил лошадь, спрыгнул на землю, отдал повод Аскар-Палвану и сразу же ушел.

Темень была густая, луна еле светила. Ее тусклый свет почти не доходил до земли.

Никулину нужно было точно знать, как укреплены позиции. Не заходя в штаб, он направился проверять огневые точки. Ротные командиры встречали его с большим уважением, но и с некоторым опасением.

В одном из подразделений Никулин почувствовал какую-то угнетающую тишину, унылое настроение. Бойцы сидели скучные. На вопросы отвечали вяло, неохотно.

Комбат внимательно посмотрел на бойца, который, присев на корточки, курил самокрутку.

Матово блестели его щеки. Обросшее широкое лицо было печальным.

Никулин присел около солдата.

— Юлдаш! — тихо произнес капитан.

Боец вздрогнул, поднял голову. Увидев рядом с собой командира, он явно растерялся и не знал, встать ему или сидеть. Никулин нажал на его плечо — сиди. Боец замер, с тоской поглядывая на огонек самокрутки.

— Ты видел, как догоняют в скачках девушек. Сам-то гнался хоть за одной? — пошутил Никулин.

Боец-каракалпак в ответ слабо улыбнулся.

— Наверное, гнался, да не смог догнать. Так, что ли?

— Нет... Что вы?.. Для джигита это смерть, — оживившись, произнес боец. — Говоря правду, один раз отстал. Но сама девушка была быстрее могучего скакуна. А вообще я семь раз выигрывал на скачках и вовсю целовал девушек. Ох каких красивых девушек! — улыбнулся боец.

Никулин, хлопнув ладонью по коленям, захохотал. Бойцы, не зная, о чем шел разговор, поворачивались в их сторону с удивлением и интересом.

Никулин встал с места, подробно и живо рассказал про игру на народных празднествах.

— Преследование девушки, — пояснил он, — одна из национальных игр каракалпаков.

Кто-то из бойцов крикнул:

— Касымбеков, сколько раз ты целовал каждую девушку?

— Не спрашивай счет, спрашивай о сладости поцелуя! — ответил Касымбеков.

Зазвучал смех.

Никулин незаметно стал душой компании.

— Товарищи бойцы! А ну, споем песню! Только не громко, а тихонько — немцы близко.

Дирижерским жестом взмахнул рукой и начал песню. Один за другим ее подхватили все бойцы. Песня росла, голоса звучали все сильнее.

Спели одну, начали другую.

Никулин пробежал взглядом по лицам солдат. Настроение поднялось.

Касымбеков уже что-то толковал бойцу рядом про девушек:

— Глаза горят, как звезды. Таких глаз я еще не видел.

— Ей-богу, после песни теплее на душе стало!

Никулин сделал рукой знак — все умолкли.

— Песня зимой для солдатского духа — костер. А летом песня — весенняя прохлада. Приду завтра — споем еще. Бойцы согласились. Старший сержант с гордостью сообшил:

— У нас есть и свой поэт. Попросим его, он сочинит новую, огненную песню про бои. Таковую, чтоб душа горела.

— Это даже лучше, — похвалил комбат.

В холодной, наполненной дымом землянке Никулин разговаривал с командирами рот. Затем комбат вызвал группу разведчиков.

Бойцы вошли, вооруженные гранатами, сигнальными ракетами. Они не могли скрыть внутреннего волнения.

Это душевное состояние хорошо было знакомо Никулину.

— Ты простужен... Остайся, — сказал капитан кашлявшему бойцу.

— Товарищ капитан, я совсем здоров...

— Нельзя. Кашляешь так, что землянка трясется!

— Да, верно, если раз чихнешь, когда войдем в деревню, все дело испортишь! — произнес командир разведчиков, маленький крепыш.

Проверив подготовку к поиску, Никулин напутственно махнул бойцам рукой и тихо сказал:

— Желаю вам успеха!

В землянку вползла тишина. Никулин поправил фитиль лампы, слабо мигавшей среди горького дыма. Почувствовал озноб. Накинув шинель на плечи, сел на табуретку и, облокотившись на стол, сжал лоб.

Вспомнилась карта генерала, над которой они склонялись вместе. Сколько на ней красных и синих черточек, маленьких кружков — разных огневых точек! Это линия обороны. Здесь надо дать отпор врагу, решившему сделать скачок к Москве.

Голос телефонистки заставил комбата прервать свои думы.

Он открыл глаза.

— «Фиалка»!, «Фиалка»! Я — «Верблюд»!, «Верблюд»! — кричала девушка.

Хотя он на фронте бесчисленное множество раз слышал еще более нелепые слова, употреблявшиеся для связи, сейчас почему-то удивился:

«Фиалка» — «Верблюд»... Надо же придумать! Логика войны!»

Аскар-Палван принес ужин. Никулин, молчаливый и усталый, дымил папирсой.

— Едва отогрел, ешьте, а то остынет,— подвинул Аскар-Палван котелок к капитану.

Никулин откинувшись назад и прищурив глаза, произнес:

— Ну, что скажешь, если нарушим шарият?

— А! Шарият? — не понял Аскар-Палван.

Никулин засмеялся, щелкнул пальцами по горлу.

— А, сейчас, сейчас! — Аскар-Палван кинулся в темный угол.

Вынув бутылку из ящика, он ловко стукнул по доннышку. Сделал один глоток: попробовал. Потом вытер усы и наполнил стакан.

Аскар-Палван сказал о том, что видел друга Бектемира.

— Какой это?

— Уринбаев. Жив-здоров. В третьем батальоне, оканчивается. Обижен он. Попал в хозяйственную часть. Возьмите к нам, товарищ капитан.

— Да, жалко скакуна в телегу запрягать!

Снаружи внезапно послышались топот и шум. Через мгновение несколько бойцов ввели кого-то из передней.

По тому, как дернулся неизвестный, было ясно, что на пороге ему дали хорошего пинка.

— Шпион! Поймали на краю оврага,— задыхаясь, доложил один из бойцов.

— Чуть было не отпустил. Посмотрите на одежду! — сплунув, произнес второй.

Никулин резко отодвинул котелок, встал с места, поправил ремень и хмуро уставился на человека средних лет в красноармейской одежде.

Во всем облике фашиста выражалась злоба.

Аскар-Палван, желая выяснить, похож ли шпион на человека, вытянул шею и смотрел, приблизившись почти вплотную.

— А ну, поближе, выдернем-ка перышко из птицы Гитлера! — сказал Никулин, сжав зубы.

...На другой день к вечеру в роту пришел Бектемир. Дубов крепко обнял его.

— Я уже давно зарыл было тебя в землю,— произнес он.

— Комбат узнал. Снова взял к себе... — объяснял, довольный, Бектемир. — Хороший человек капитан...

— Теперь, значит, на дорогах Москвы-матери будем вместе бить фрица! Так-то, брат... — похлопал друга по плечу Дубов.

Вскоре пришел Аскар-Палван. Он привел с собой зем-

дяка Хашимджана. Бывший учитель недавно стал младшим лейтенантом. Бектемир поздравил его.

— Братец, я недоволен этим званием,— произнес Хашимджан.— Раньше отвечал только за свою голову. Теперь — за многих. Чем выше поднимаешься, тем больше ответственности. Есть древнее изречение: «Если полководец с умом — враг перевернется кувырком». Чтоб быть главой над многими, братец, нужны сообразительность и талант.

— Это придет со временем,— пообещал Бектемир.

— Еще трудно сказать,— пожал плечами младший лейтенант.

— Письма не получали из дому?— спросил Бектемир.

— Нет,— вздохнул Хашимджан.— Как птицы гибнут, натолкнувшись на буран, так и письма — словно горят в этом огненном буране. Как увижу семью, приятелей во сне, настроение портится.

— Хвала тебе... И со мной так же,— засмеялся Бектемир.— Однажды, ну прямо как Насреддин, поверил своему сну. Насреддин во сне явился с петухом на базар. «Сколько?»— спрашивает покупатель. «Две таньги»,— отвечает эфенди. «Одна таньга!»— говорит покупатель. «Нет!»— «Полторы таньги».— «Нет».— «Ну уж ладно, без четверти две таньги!»— говорит покупатель. Ходжа Насреддин опять ответил: «Нет»— и вдруг проснулся. Смотрит — ни петуха, ни покупателя. Тогда он быстро закрыл глаза и говорит: «Ладно, давай руку, согласен на без четверти две таньги!» Так вот и я,— продолжал Бектемир,— заснул на краю оврага, продрог. Вижу наш прекрасный сад, прохладную супу, вода журчит. Отец, бедняга, приносит из сада корзину инжира, кладет около меня и хлопает по плечу: бери, сынок. Гладит меня по голове. Когда я направлял в рот инжир, большой, как лепешка, глаза мои открылись. Ни отца, ни инжира. Гудит одна стужа! Быстро закрыл глаза снова, жую, решил всласть, вдоволь наесться инжира.

Земляки захохотали, Хашимджан перевел Дубову. И тот посмеялся:

— Вот такова жизнь солдат. Поцелуй во сне — любовь и счастье для него!

— Когда буран утихнет?— наивно спросил Аскар-Палван.

— Когда?— вздохнул Хашимджан.— Сейчас огонь бурана идет с запада. Потушим его до того, как он дойдет

до Москвы. Кровь за кровь, смерть за смерть! Сейчас надо думать только об уничтожении врага. Чем скорее мы его истребим, тем скорее кончится война.

Где-то поблизости один за другим взорвались снаряды. Зброшенный деревянный дом затрещал...

Глава тринадцатая

Али, укывшись в чулане маленького дома, так там и остался. Что ему было еще делать? Хотелось бы выйти наружу, да вокруг гитлеровцы. Он слышал, как обращался враг с пленными. Страшный враг. Нет для него ничего святого в этом мире. А что может сказать Али? Они даже не поймут его, гитлеровцы. Нет. Выходить пока нельзя. Живым-здоровым попасть в руки врага — позор. Это понимал Али. Отец — народ, мать — тоже народ. Где весь народ, там должен быть и каждый человек. Весь народ защищает сейчас советскую землю. Значит, и его, Али, место тоже здесь, на войне.

Бедняк Али Ярматов, родители которого не имели крова, а сам он ходил в отрепьях, батрачил на баев, только при Советской власти почувствовал себя человеком.

Сыновья его катаются на велосипедах, дочурки одеты в шелковые платья, а сам он, молодецки открыв грудь нараспашку, ходил хозяином колхоза, который простирается до самого горизонта.

Кто дал ему свободу, такую жизнь? Али задумался. Сейчас он по-настоящему оценил Советскую власть. Ее нужно защищать, эту власть. Нужно воевать с врагом. А он прячется, как сурок. От таких мыслей Али становилось не по себе. Но выйти за пределы двора он тоже не мог.

Как только Али открывал дверь чулана, руки и глаза сразу искали дела. С удовольствием он чистил хлев, коллол дрова. Но вот во дворе появлялась хозяйка, и Али, виновато втянув голову и плечи, бежал в свою «печальницу».

Хозяйка была очень ласкова. Али про себя благодарно думал:

«Такой женщины не найдешь во всем мире. Если кончится война, если вернусь живым с дороги, «откуда нет возврата», пошлю ей чемодан чудных узбекистанских шелков. А потом еще буду посылать ей все фрукты своего сада. Самые чудесные буду присылать ей фрукты!»

Хозяйка не стесняла бойца в питании. Она, по обыкновению, подходила тихо и, просунув голову в темный сарай, называла его по имени.

Грустный Али, в душе которого было так же темно, как и в этом чулане, открывал дверь, впуская женщину.

Каждый раз хозяйка, проклиная врага, начинала рассказывать о последних событиях, происходивших в деревне и вокруг. Али, наморщив лоб, слушал напряженно.

— Ненасытный, фашист, прорва!— опустившись на лавку, начинала причитать хозяйка и рассказывала, как враг жаден до еды, что в скором времени в деревне от кур, уток, свиной ничегошеньки не останется.— Рыскают по деревне. Находят зарытую картошку.

А за мешок зерна они проломил голову тетке Анне. Твари с собачьим нравом!

Она рассказывала о наглости фашистов, об их скотском отношении к женщинам, девушкам, о том, как они изнасиловали дочь бригадира — пятнадцатилетнюю девочку и как надругались над учительницей за то, что она не давала сжечь школьную библиотеку.

— Вот что творится...— вздыхала хозяйка.

Али не покидали страшные думы. Положенне-то в самом деле было тяжелое. Он боялся не только за свою голову. Из-за него могла погибнуть семья.

«Была не была. Пусть свершится то, что суждено мне!» И Али решил бежать.

«Пойду в лес. Может быть, дойду до части или же буду помощником богатырям партизанам!»

Ночью в деревне поднялась страшная суматоха. Крики, беспорядочная стрельба, взрывы гранат. Али приподнялся, прислушался. Это не было похоже на панику, при которой пьяные вдрызг «победители», пугаясь каждой тени, начинали сыпать пули в разные стороны.

Али кинулся во двор. Ночь была холодной, темной. На другом конце деревни, где еще продолжалась стрельба, что-то ярко горело. При взлете пламени, разгонявшего ночь, дым, клубясь, поднимался вверх. Постепенно выстрелы утихли.

«Должно быть, партизаны напали. Враг теперь еще больше взбесится»,— подумал Али. И словно нож направили в его сердце. Ведь, разыскивая спрятавшихся партизан, фашисты могли сейчас бегать по всем домам и наткнуться на него.

Чтобы действовать наверняка, Али решил получше все разузнать у хозяйки. Он не спрятался в свой чулан, а сел

около забора. Если вдруг пагрянут немцы, он сразу же перемахнет на другую сторону, а если ему суждено встретить смерть, пусть она будет за пределами этого дома.

Но немцы не показывались. Они до самого рассвета поливали улицы огнем из пулеметов и автоматов где-то далеко в стороне. Али снова укрылся в чулане. Хозяйка появилась гораздо позже, чем обычно.

— Проголодался, наверное,— сказала она, протягивая молоко и хлеб.— Ты слышал ночной шум? Партизаны пришли. На том краю деревни, вблизи шоссе, уничтожили много машин с грузом.

Лицо женщины сияло от радости.

— Не один фашист захлебнулся в своей крови. Но этого мало. Пусть на каждом шагу их ждет смерть.

— А сейчас как, спокойно?— спросил Али.

— Утром всех собрали на площадь,— покачав головой, ответила хозяйка.— Вплоть до детей, которым от горшка два вершка. Кругом пулеметы. Главный их, как волк, выл. Говорит: подожду деревню.

— А? «Подожду»? Где винтовка?— засуетился Али.— Люди будут гореть в огне?— стукнул он себя в грудь.— Нельзя допустить этого.

Хозяйка пристально посмотрела ему в глаза. Она впервые увидела бойца таким разгневанным, словно приготовившимся к прыжку.

Бывшего председателя колхоза — старого, мирного человека — расстреляли. Семнадцатилетнего Мишу, гармониста, повесили. Ужас! А еще сколько людей забрали!..

Хозяйка,— произнес Али, слегка дотронувшись до руки женщины,— есть у меня один план: уйду к партизанам. Ты только помоги мне выйти отсюда. Помогни и не отговаривайся. Пусть спокойным будет твой сон.

Хозяйка подняла голову. Глаза ее были полны слез.

— Хорошо!— согласилась она.

На другой день в сумерках Али вышел из своего «заочения». Вел его дед Яшкин. Долго они шли по лесу, наконец старик остановился.

Садись, отдохнем. Жаль, что с тобой по-настоящему и не поговоришь. Садись же,— произнес старик, облегченно вздохнув, словно только что избавился от опасности.— Ночью сюда немцев и золотом не заманишь.

Лес стоял темный, настороженный.

— Если партизаны где-то близко, то нам лучше идти,— предложил Али.

— В начале пути мы еще, друг. Партизан — птица

хитрая, где попало гнездышко не вьет,— произнес старик и, усевшись поудобнее, достал кисет с табаком.

Если говорить правду, он ничего не знал о партизанах. Когда несколько дней назад на опушке леса дед косил сено, из-за стога внезапно вышел незнакомый человек с винтовкой.

Старик вначале испугался. Но, догадавшись, кто перед ним, хитро улыбнулся и предложил ему помощь.

— Передайте своим командирам,— сказал дед,— что готов исполнить любое ваше поручение.

Старик рассказал об этой встрече Марии — женщине, которая приютила солдата.

Когда же она попросила Яшкина проводить Али к партизанам, он сразу же согласился и даже похвалил:

— Раз уж ты в деревне, где кишмя кишат враги, сумела хранить под своим подолом бойца, значит, твоя голова на месте и сердце у тебя храброе!

Сейчас в холодной ночи, в черной пучине леса он рассказал об этом Али.

Боец кивал головой, но ничего не понял. Он по-прежнему смотрел на деда с уважением, как на отважного партизанского разведчика.

— А партизан мы разыщем,— заверил старик.— Это же наши люди.

За свою долгую жизнь он отпечатал в своей памяти живую картину всех окружающих мест.

В самом деле, на другой день дед Яшкин привел Али прямо к лагерю партизан.

— Откуда ты взялся, старик?

— Потом, потом объясню...— отмахнулся дед от молодого парня с винтовкой в руках.— Веди к начальству.

В землянке дед оживился.

— Вот, командир, привел к тебе одного героя,— сказал он командиру отряда и, чтобы сделать для него приятное, с видом знатока похвалил:— Хорошее местечко ты выбрал. Знаю, это место природа словно по заказу партизан создала. Поэтому сердце мое и привело меня сюда, не удивляйся!

Командир отряда, бывший зоотехник, полный, с чуть прищуренным левым глазом и небольшими черными усами, весело ответил старику:

— Ну что ж. Гостям мы всегда рады.

Приблизившись к Али, который стоял на пороге землянки, командир добавил:

— Ну, Ташкент — город хлебный! Пришел партиза-

нить? Партизанская жизнь не сладка! Вот каким должен быть!— он крепко сжал свой большой кулак.

— Голова моя теперь ваша!— произнес Али кратко. Этот ответ он подготовил заранее, пока старик разговаривал с командиром.

Подумав, боец решил, что такого заявления маловато. И он, жестикулируя, пояснил, каким хорошим партизаном обещает быть.

Командир приказал женщине, повязавшей голову до самых глаз толстым шерстяным платком:

— Дай ему поесть и укажи место, пусть отдохнет.

Шагая по узкой землянке, сказал сам себе:

«Нужно, конечно, научить его языку. Чтобы хорошо знал. Такие моменты бывают, что одно слово дважды не успеешь сказать; шепнешь — а оно для бойца план большой задачи».

Дед Яшкин, оставшись с командиром наедине, рассказывал о положении в деревне.

Командир из уважения к старику внимательно выслушал, хотя все это ему было известно.

— Ну, мне пора в дорогу,— наконец встал старик.

Командир тоже вышел из землянки, и, еще больше прищурившись, с лукавой и довольной улыбкой долго смотрел ему вслед.

Рашид лечился в маленьком, тихом русском городке. Он быстро привык в госпитале к смеси запахов разных лекарств.

Его рана была не очень тяжелой. Через день Рашид посылал в кишлак письмо, свернутое треугольничком.

Почти все свое время боец проводил у окошка, разглядывая улицу, милиционера, который стоял посреди многолюдной площади. По вечерам он рассказывал анекдоты про Насреддина, смешил раненых. Товарищи удивлялись, что этим анекдотам нет конца.

— Их веками складывали...— пояснил Рашид.— Из поколения в поколение передают.

В неделю раз в госпиталь приходили местные артисты, давали концерты.

Через несколько дней Рашид начал выходить в город.

Однажды вечером он пришел в парк с молоденькой медсестрой. На дорожках, посыпанных песком, почти никого не было. Холодный ветер срывал листья с огромных деревьев.

Рашид и девушка, довольные этой тишиной, уселись на скамейке. Клара, дочь старого учителя литературы, студентка художественного техникума, с самого начала войны добровольно работала в госпитале.

Девушка любила экзотику. Она расспрашивала о природе Узбекистана, караванах, песчаных степях, «хлопковых деревьях», минаретах Самарканда, о которых она много слышала.

Черноглазый боец с лохматыми бровями, положив здоровую руку на плечо девушки, рассказывал увлеченно.

— Может, пойдем в кино?— предложил Рашид, когда они вышли из парка. Девушка согласилась.

Около кассы среди военных Рашид увидел знакомого:

— Камал!

Тоненький, высокий лейтенант пристально посмотрел на Рашида и кинулся к нему:

— Рашид-ака, вы ли это? О боже, что вы тут делаете?

Это был младший брат Бектемира. Земляки отошли от толпы к забору, стали рассказывать друг другу о своих приключениях.

Камал Уринбаев в районе, близком к границе, встретил врага огнем своей батареи. Раненый в Белоруссии, он лежал там во многих госпиталях и наконец попал в этот город, где и вылечился.

— Хорошо, что встретились,— произнес Рашид, прикуривая папиросу от трофейной зажигалки.— Завтра отправляюсь на фронт. Ну, как там Бектемир? Хорошо воюет? Я, к сожалению, быстро вышел из боя. О земляках ничего не знаю. Нет ли письма из дому?

— Здесь получил я одно письмо,— сказал Камал и проверил свой карман.— Все живы-здоровы. Отец, оказывается, стал председателем, сестричка Зайнаб — бригадиром. Из пятерых братьев остались только двое — Ташир-ака и Кадыр-ака. Ой, что же мы стоим? Девушка ждет вас. Эх, да как же так можно? Оставить такую девушку! А ну, живо к ней!

Рашид покраснел и засмеялся.

Глава четырнадцатая

Октябрь пришел со снегом и морозами. А бои становились с каждым днем все упорнее, горячее. Покоя — ни днем ни ночью. Земля ни мгновения не отдыхала от разрывов бомб и снарядов, небо — от гула самолетов.

По словам Аскар-Палвана, дни стояли такие, как будто черные дивы, разорвав свои цепи, намеревались растоптать весь мир.

Сколько танков!

Сколько самолетов!

Советские дивизии, полки, батальоны встали против этого половодья железа и огня. Половодье росло, ширилось. Росла, ширилась и наша сила, самоотверженность, гнев. Позади — Москва, об отступлении нельзя было и думать.

Чувствуя свое бессилie, враг становился более озлобленным, коварным.

Между боями, в короткие периоды затишья, земляки встречались.

— Как настроение?— спрашивал Аскар-Палван у Бектемира.

— Ничего. Глины поел немало. Да и ты вытри физиономию!

— Берегись танков,— советовал Аскар-Палван.— Ведь танк не лошадь, за гриву его не поймаешь.

— Ладно, на этот раз посмотрим, как ты их удержишь,— усмехнулся Бектемир.

Однажды на рассвете, подняв голову, Бектемир увидел, что кругом белым-бело. Ветер швырял колючий снег в глаза. На душе Бектемира стало грустно. Он вспомнил торжества в Узбекистане по случаю первого снега. Люди поспешно пишут своим друзьям «снежные письма», с волнением и хитростью пытаются вручить их, чтобы добиться желанного подарка. Кто-то бежит, кого-то догоняют. Устраиваются угощения. Дети наполняют шумом улицы, строят горки, валяются в белом пуху, играют в снежки.

Сам Бектемир в прошлом году по «снежному письму» заведующего колхозной фермой зарезал барана с курдюком, тяжелым, как большая корзина. Хорошо Бектемир угостил своих друзей! Дом был полон друзей и приятелей... Дутар, песни, шутки.

Кто из этих парней остался сейчас в кишлаке? Трудно сказать.

Аскар-Палван хватал пригоршнями снег. Он с улыбкой произнес:

— Помнишь, когда я женился, в день свадьбы выпал пышный снег. В наших краях такой снег бывает очень редко. Жена, находившаяся, по обычаю, за занавесью в

-углу, спросила: «Джаным, не по вашей ли просьбе снег пошел?»

— А ты что ответил?— спросил Бектемир.

— Я?— прищутив глаза, переспросил Аскар-Палван.— Я ответил, что не снег идет. «Поверь, милая, это мука падает. Изобилие будет».

— Вот тебе и раз! Ну и ответил!

— Ну а что ответил бы ты?— поинтересовался Аскар-Палван.

— На свадьбе нашей снег, а в душе нашей весна! Я бы так ответил.

— Ты что, находился в учении у Фазыла-бахши?— Аскар-Палван шутливо швырнул в лицо друга горсточку снега.— Да, кстати, тебе еще удалось увидеть Алтынай или нет?— вдруг серьезно спросил он.— Девушка приятенькая, как шелковая кисточка.

Бектемир, пытаясь унять взволновавшееся сердце, медленно расправил плечи.

— Э, брат, в думах моих она единственная. Желание встретиться с ней — всегда в душе.

— Красавица девушка, беленькая как пух. Стоит того, чтобы ты мечтал о ней. И разум у нее на месте. Помню, с каким огоньком она говорила о том, что мы раздавим фашиста. Мудрая девушка,— степенно, чеканя каждое слово, проговорил Аскар-Палван.

Бектемир, погруженный в свои мечты, промолчал. Затем, тяжело вздохнув, тихо сказал:

— Друг, я всей душой люблю ту девушку. Но ведь нет никакой возможности встретиться с ней. «Война — не место любви»,— говорю я себе. Но в душе всегда любовь и мечта о ней... Конечно, как-нибудь выберу время и пойду в санбат, найду ее,— твердо произнес Бектемир.

Лицо его менялось. То становилось грустным, то вдруг тень какой-то надежды мелькала на нем.

— Если увидишь, не забудь передать привет и от меня. Ее обращение и слова понравились мне,— улыбнулся Аскар-Палван.

Подожел связист Азимов, широкоплечий, огромный, с острым носом, с тоненькими, словно нарисованными карандашом, бровями, под которыми живо бегали черные глаза.

В голенище сапога солдат носил най. Совсем недавно, после отражения нескольких атак противника, внезапно среди тревожной тишины нежно и печально потекли звуки наяр. Это, усевшись в глубоком окопе, играл Азимов. Все притихли.

Сейчас Азимов весело осмотрел земляков.

— А, дети солнца, поздравляю с зимой!— громко произнес он.— Это только ягодки. Русская зима у-у-ух! бывает какой лютой. Ноги, грудь надо в тепле держать. Вот бы сейчас крепкого, горячего чайку!

— И в нутро к нам пришло бы лето!— поперхнувшись, произнес Аскар-Палван.

— Подожди говорить о час. Как бы немец не заставил в огне купаться!— Бектемир, прикусив губу, улегся в снежный окоп.

И действительно, скоро начался бой. Атака гитлеровцев была похожа на предыдущие.

— Не может успокоиться, гадина!..

— Нужно его утихомирить.

Бойцы готовились отразить врага, который приближался к окопам.

Впереди танки, за ними автоматчики, потом снова танки, и снова под их защитой пехотины.

Оставив три подожженных танка и десятки убитых, враг отошел. Но через некоторое время, с новыми силами, опять бросился в атаку. До наступления темноты гитлеровцы, не успокаиваясь, продолжали натиск.

Свежий снег окрашивали темные пятна.

* * *

Был ясный день. Сверкающий на солнце снег слепил глаза. В лесу, наряженном в красивые зимние одежды, господствовала глубокая и величавая тишина.

Только в партизанском лагере, невидимая для чужих глаз, шла жизнь. словно раскаленные угольки, покрытые золой, она далеко распространяла свое тепло.

Али вместе с Верой Петровной распиливал длинную толстую сосну. Он любил такую работу. Поплевывая на ладони и ловко орудуя пилой, он поторапливал женщину:

— Ну, Петровна, давай, давай!

Приглушенный звук пилы, растущие кучки опилок, гряда поленьев доставляли ему радость.

Вера Петровна, рослая, сильная, немногословная женщина, тоже, казалось, не знала усталости.

— Ничего, ничего, — отвечала она. — Не отстану.

Почти все хозяйство партизан лежало на ней. Она была дальней родственницей командира отряда. Муж ее погиб в финскую войну. Вдова честно трудилась в колхозе, жила в достатке. Свое счастье Вера Петровна видела в дочери. Мечтала послать ее в Москву, в институт.

В день, когда немцы ворвались в деревню, пятнадцатилетняя девочка, гнавшая с поля корову, погибла от пули врага.

Мать похоронила единственную дочь между двумя безрезами за околицей деревни.

Вера Петровна о своем горе никогда не говорила. Старалась держаться бодро.

Таковыми были и другие члены партизанской семьи, хотя много пережили, много повидали за последнее время.

Али очень быстро свыкся с полной опасностей жизнью партизан, требовавшей беспредельной самоотверженности, выносливости и отваги.

Слово «партизан» он произносил с какой-то особой гордостью. Он то и дело толковал кому-нибудь:

— Раз есть партизан, дела немца паршивы. Почему, спрашиваешь? Да потому, что хвост у него не свободен.

— Правильно,— улыбался собеседник Али.

Воодушевленный Али развивал свою мысль:

— Фашисту надо голову размозжить. Но если как следует будем наступать ему на хвост, он в конце концов растянется обессиленный. Вот тогда и раздавим голову. И конец делу будет!

В отряде насчитывалось человек тринадцать. Один киргиз, несколько украинцев, один азербайджанец, узбек Али. Остальные — русские. Почти все они — колхозники этого края. Партизаны любили своего смелого, решительного, всегда готового на риск командира. Он никому не давал покоя:

— Отдыхать некогда... Потом, потом отдохнем...

Али уже участвовал в нескольких операциях. Он был доволен, что попал в крепкую боевую семью.

— Хороший народ. Не пропадешь с вами,— восхищался Али.

Люди не знали усталости. Забыв про сон и отдых, они вели напряженную, суровую жизнь.

...Али взглянул на спокойное лицо женщины. Оно только покраснело, но даже тени усталости на нем не было.

Вера Петровна по-своему истолковала этот взгляд.

— Довольно. Устал ты,— сказала она и, потирая ладонью колени, встала.

— Я до завтра могу работать.

— Давай рубашки твои, выстираю,— неожиданно предложила женщина.

— Мыло у тебя плохое — немецкое. У меня есть свое. Сам вымою.

Рядом кто-то зашуршал. Али прислушался. Лисица, сверкнув красноватой шерстью, нырнула в кустарник.

— Шуба! Шуба! — кричал Али.

Вера Петровна поняла его слова по-своему. Побледнев, она кинулась к землянке командира.

Командир выбежал с винтовкой в руках.

— Что случилось? Кто?

Он озирался по сторонам.

— Где? Кто? — испуганно спросил Али.

— Вы кричали? Кого увидели?

Али, ничего не понимая, стоял разинув рот.

— Где шуба? Что это за человек? — продолжал волноваться командир отряда.

— Нет, не человек, — ответил Али.

Он не знал, как назвать лисицу по-русски, и начал растолковывать:

— Есть четыре ноги, быстро бегаёт. Хвост большой, пушистый. Шубу сделаешь. Хорошая, теплая будет! — Подумав, Али добавил веский довод: — Дорогая шуба.

— А, лисица, — махнул рукой командир, и все трое весело рассмеялись.

Али не мог удержаться от смеха, когда возвратился в землянку.

Молчаливый, сильный киргиз Бегимкулов, только что вернувшийся из дозора, удивленно поднял голову.

Али, весело покачивая головой, рассказал, в чем дело. Бегимкулов тоже рассмеялся.

— Язык, оказывается, нужен, Али-ака. Язык! — произнес он затем. — Незнание языка может дорого обойтись. Видишь, из пустяка — и уже тревога. А может и хуже случиться.

— Верно, сколько наших настоящих богатырей погибло только из-за незнания языка.

Али, вероятно, кого-то вспомнил из друзей, тяжело вздохнул. Затем он залез на усталенные сеном нары и улегся на них.

Со стены напротив смотрит на него Ленин — простой и близкий.

Али разглядывает портрет и думает: его колхоз носит имя Ленина. В его доме, построенном два года назад и обращенном фасадом прямо к солнцу, также был портрет Ленина.

А разве не песню о Ленине каждый день, заглядывая

в книгу, звонко и радостно разучивал сын? Али вздохнул. Он словно услышал голос сына.

Али мысленно повторял слова песни, и в глазах его от волнения сверкнули слезы.

«Ленин — великий человек. Он всех народов отец. В далеком Узбекистане, в моем доме — Ленин. Здесь, в лесу без конца и края, в укрытиях партизан, похожих на берлогу медведя, — тоже Ленин!»

Али задремал.

Ночью командир разбудил партизан.

— Дело, — коротко пояснил он.

Вышли на дорогу. Снег скрипел под сильными ногами. В лесу царил холодная тишина. На белых снежных одеяниях деревьев играл желтовато-голубой свет звезд.

Внутреннее волнение заставляло ускорить шаг, сближало сердца. Кажется, что переживания и думы всех партизан были понятны без слов.

Идти все труднее. Мешают кустарник, корни, попадаются ямы. Али, надвинув меховую шапку на самые уши, едва успевает за всеми.

— Будь осторожен, друг. Внизу вода. — Командир останавливается, смотрит на звезды, как будто прислушивается к темному, без конца и края, лесу. Потом подает знак двигаться дальше.

Группа, прежде чем выйти на большую дорогу, за которой начиналась деревня, остановилась в овраге. Командир посмотрел на часы. Совсем близко из-за редких деревьев прострочил автомат. Партизаны залегли.

Через некоторое время по условному свистку они ринулись вперед, стремительно перебежали дорогу и вскоре очутились у приземистого здания. Полетели гранаты.

В одно мгновение здание погрузилось в пучину огня. Немцы кидались из дверей и окон.

— Так их, гадов! — радостно кричали партизаны. — Бей!

Гитлеровцы почти не сопротивлялись. От неожиданного нападения они обезумели.

Бегимкулов хладнокровно стрелял по врагу. Али тоже бросил вслед немцам гранату, за ней — вторую.

Командир вытащил кого-то из охваченного пламенем здания и хрипло закричал:

— За мной!

Только после того как вошли в лес, Али узнал, что получил тяжелое ранение и скончался один из партизан.

Опустившись на колени, Али погладил закрывавшую грудь партизана черную бороду:

— Хороший ты человек был, бабай!

Глава пятнадцатая

Шли машины с солдатами. Двигались подразделения пехотинцев, громыхали орудия и танки. И так на всех улицах, на всех площадях.

Камал увидел мужественный город, к воротам которого приблизилась война.

В Москву Камал Уринбаев заехал по пути на фронт. Во всем, с чем он встретился на улицах города, чувствовалась яростная сила ненависти к врагу. Москва была великой и гневной.

Камал видел это в баррикадах, и в ошетинившихся противотанковых «ежах», и в кудрявой голове погруженного в глубокую думу Пушкина.

Фасады больших зданий, словно гримасы шута, приняли какие-то уродливо-бессмысленные формы. Камал смотрел с удивлением, словно видел перед собой сказочных колдунов с одним глазом на лбу и с бородой в девяносто аршин.

Людей в Москве было полным-полно. Проходили батальоны самые разные: и не видавшие пыли войны, и почерневшие, отправлявшиеся с одного участка на другой, еще более ответственный.

Запыхавшаяся старушка поставила корзину на землю и внимательно рассматривала проходивших мимо солдат, словно искала своих сыновей. Она утерла краем головного платка глаза и что-то прошептала.

Камал последний раз был в Москве в сентябре прошлого года. Те дни остались в памяти как самые счастливые. Когда он только отдыхал! Ведь почти от зари до зари бродил по Москве и не знал усталости.

Москва понравилась ему своими улицами, кипучей жизнью площадей, незабываемым искусством Большого театра, взмывающим до самых небес шумным волнением стадионов, величавой тишиной библиотек, коралловыми бусами электрических ламп.

Набродившись вдоволь по улицам, Камал приходил на сельскохозяйственную выставку, в павильон «Узбекистан», ел в чайхане нанизанный на вертелы шашлык, жирный плов, запивал все этой парой чайников зеленого чая, пере-

брасывался гроздьями острословия со старым мастером приготовления плова. Затем снова отправлялся бродить.

...Камал, предавшись воспоминаниям, вышел на Красную площадь. На этой широкой, раздольной площади — святыне советского народа — Камала охватило волнение.

Шаги стали медленными, торжественными. Будто впервые увидев, он долго не отрывал взгляда от Мавзолея Ленина.

Внезапно Камал почувствовал боль в сердце, по его телу прошла дрожь. Ведь здесь лежит Ленин! Как же мы могли подпустить ненавистных врагов к самому порогу Москвы!

Но тут же глаза Камала вспыхнули огнем решимости. Он вспомнил слова старого учителя истории.

Когда Камал учился в Самарканде, он слушал рассказ о героической обороне одного города. Война эта происходила давно, в древности.

Учитель тогда сказал:

— Залог победы не только в могучих воротах, но и в надежном страже, стоящем у ворот.

«Партия — страж наших ворот, — невольно подумал Камал. — Поэтому в Москву враг не попадет!»

Вечером Камал подошел к невзрачному старому зданию. «Точно, этот дом. Только она, наверное, давным-давно отправилась в Ташкент».

Но Камал все-таки поднялся по темной лестнице на третий этаж. Дверь открыла старуха.

— Салима Хасанова дома? — спросил Камал.

Старуха оглядела парня с головы до ног, затем, повернувшись, крикнула:

— Салимочка!

Выбежала девушка с растрепанными волосами. Она удивленно посмотрела на гостя и, радостная, пригласила:

— Камал-ака? Пожалуйста, пожалуйста!

Камал протянул руку.

— Нет, через порог не здороваются, — сказала она по-русски.

В маленькой комнатке Камал сел на табурет. Чувствуя себя неловко, он снял шапку и, будто отряхивая от пыли, несколько раз хлопнул по ней ладонью.

Смуглая, улыбающаяся девушка торопливо начала наводить порядок в своем маленьком хозяйстве.

Камал познакомился с Салимой в прошлом году на выставке в Москве. Несколько раз они были вместе

в кино, один раз на футбольном матче. Камал вспоминал ее. Да что тут греха таить: она ему очень понравилась.

Девушка поправила рукой волосы и присела к окошку напротив гостя. Она была взволнована.

— Ого, артиллерист, лейтенант!— произнесла Салима, шуточно качая головой.— Ну никак я не могу уразуметь, каким ветром занесло вас в эту хижину? Из Узбекистана едете? Как живете?

— Это вас надо послушать. Уже десять месяцев, как я в этих краях. Ах, каких дней мы только не видели!

— Отступление, окружение, гнев, горе. Понимаю,— вздохнув, произнесла Салима.

— Сейчас самое тяжелое время. Просто страшно. Или жизнь, или смерть. Другого выхода нет!

Он рассказал о делах на фронте, о своих товарищах.

— А как вы живете? Уже кончили учиться? Помню, вы учились в архитектурном институте.

— Да. Кончила. Вот только...— смутилась Салима.— Перед сдачей дипломной работы война началась. Сложила все свои бумаги в папку, оставила. Вон теперь лежит на полке. А сама тружусь на заводе. Работа у нас днем и ночью, снаряды выпускаем. Очень часто остаемся ночевать в цехе. Сейчас пришла проверить, нет ли письма, пришла час назад. Письма не оказалось, зато пришел земляк-герой!— показывая красивые, как жемчуг, зубы, улыбнулась Салима.

— Письма получаете?

— Получаю,— ответила Салима, встав с места и роясь в шкафу.— Мать пишет, зовет: приезжай. Больная. Два брата на фронте. Один, должно быть, в Ленинграде, про другого ничего не знаю. У невесток много детей. И еще взяли на воспитание двух сирот. Четырехлетнего мальчишку называли Хушбахт, трехлетнюю девочку — Зебинисо. Ведь это имя знаменитой поэтессы! Одну ее песню чудесно поет Халима Насырова, не слышали?

Салима высыпала на блюдце орехи, фисташки и продолжала:

— В наш дом из этой квартиры переехали пять человек. Написала, чтоб их хорошо встретили. Ведь близкие как-никак. Угощайтесь! Вы, наверное, соскучились по подаркам из Узбекистана.

Камал крепкими зубами с треском разламывал орехи и ел крупные, золотистые зерна.

Салима опустила толстую занавеску на маленьком окошке, зажгла лампу и села, придвинув табурет ближе к Камалу.

Салима была довольна, что этот сильный и простой человек, который в прошлом году ходил вместе с ней, как брат, навестил ее в такие тяжелые дни.

— Берите, берите,— продолжала угощать девушка.

Она разглядывала молодого лейтенанта внимательно.

Камал был молод, хорош собой. Он заметил внимание девушки и был счастлив.

В этой умной, смуглой девушке, в одежде простого рабочего, с открытой душой, он чувствовал теплоту своей страны, ее красоту. И сейчас совершенно были забыты пережитые им муки.

— Военная форма очень к лицу вам!— произнесла Салима.

— А вот если бы вы увидели меня на передовой: на голове каска, покрытое копотью лицо, глаза красные от бессоницы. Что бы вы тогда сказали?

— Сейчас это и есть самая яркая красота...— просто ответила Салима.

— Хорошая вы, Салимахон. Я счастлив, что встретил вас,— с искренним волнением произнес Камал и, погладив теплую руку девушки, продолжал:— Как только вспомню Москву, вижу вас. Все припоминал я: как вы разыскивали меня, когда я заблудился в метро, как мы сидели в зале кино.

— Вспоминали?— хитро прищурила глаза девушка.— Значит, поэтому не написали ни одного письма!

Лейтенант покраснел. Он попытался переменить тему разговора. Рассказал некоторые трагические и комические эпизоды из солдатской жизни.

Салима сидела, подперев подбородок, и внимательно слушала. Откуда-то донеслись выстрелы зениток. А вскоре ухнул далекий взрыв. Окно задрожало.

Лейтенант и девушка многозначительно переглянулись.

Салима посмотрела на ручные часы. Камал по-солдатски торопливо соскочил с места. Салима поверх рабочей блузы надела толстую телогрейку, поправила на голове кубанку.

Когда они вышли, на улице была кромешная тьма. Фары машин, словно коптилки, бросали тусклый свет.

Шли тихо. Их угнетали ночь и разлука.

— До завода близко. Рахмат,— остановилась Салима.

Камал вздохнул про себя. Дрожащим голосом он произнес:

— До свидания, Салимахон, до свидания. Будьте здоровы.

Он пожал руку девушке.

— До свидания, Камал-ака,— произнесла Салима, прижавшись к нему.— Уничтожайте врага во имя узбекского солнца. Чтоб ни одного не осталось!

Камал неловко обнял девушку. Почувствовал, что прижал к своей груди очень дорогого, любимого человека... Тяжело было расставаться.

— Для джигита нет большей чести, чем пролить кровь за свою Родину! Не страшно умереть за Москву,— взволнованно прошептал Камал.

— После победы мы встретимся в Москве!— сказала девушка.

— Обязательно встретимся.

— Я буду ждать, Камал-ака.

И они расстались. Лейтенант отправился на фронт, а девушка — на завод.

Глава шестнадцатая

Стужа с каждым днем становилась все сильнее. Земля затвердела, снег скрипел под ногами, как несмазанная арба.

Аскар-Палван хмуро наблюдал за воздушным боем. Он подул на замерзшие пальцы и недовольно произнес:

— Мой нос как будто потеряли перцем.

— Зубы русской зимы только что прорезаются. Ладно, скорее бы они выросли!— сказал Бектемир.

— А?!— удивился Палван.— Мать твоя родила тебя в снежный буран, что ли?

— Мать родила меня летом, в жару, в июле, когда земля накалена была, как тандыр,— засмеялся Бектемир.— Но ты посмотри-ка на немца. Дрожит, как привидение.

— Правду говоришь, Бекчи мой,— произнес Палван.— И я то же думаю про немца, чтоб в могиле он превратился в свинью. Оказывается, слабак он до холода. Поэтому так вот и бесится...

— Суетливая утка и головой ныряет, и хвостом...— напомнил Бектемир.

Поблескивая черными глазами, в разговор вмешался Хашимджан Сеидов:

— Снова о зиме? Деды наши были более выносливые.

Когда Бабур-мирза покорил Самарканд, была очень крепкая зима. Он нырнул в ледяную воду. А ведь ему, если бы он пожелал, подогрели бы целое озеро. И поэт, и царь!

— А когда жил тот молодец?— серьезно заинтересовавшись, спросил Бектемир.

— По-моему, он умер в тысяча пятьсот тридцатом году!— не задумываясь ответил Хашимджан.

— У меня есть дядя один. В возрасте, кажется, шестидесяти шести лет,— оживился Бектемир.

— Эх, и удалой же старик,— качая головой, вставил Палван.

Бектемир, подтвердив взглядом похвалу друга, продолжал:

— Есть у него молодая жена с чернущими глазами, со сросшимися бровями. Ни на одну ночь не разлучается с ней старик. В ледящий холод, на рассвете, когда капля воды на лету замерзает, он покидает теплое одеяло и по снегу бежит к большому арыку. Если вода замерзла, он ударом руки разбивает лед и ныряет три раза. И каждый раз, когда выныривает, произносит: «Бог един!» Затем вприпрыжку бежит домой в объятия своей жены.

— Да, старик из таких богатырей, что верблюда, не посолив, целиком проглотит,— сказал Аскар-Палван.

Хашимджан засунул руки за пазуху. Вытащил записную книжку. Тоненьким заостренным карандашом он записал в нее фразу и с сияющим лицом отдельно прочитал:

— «Верблюда, не посолив, проглотит!»

Аскар-Палван и Бектемир переглянулись.

— Да что вы удивляетесь?— пожал плечами Сеидов.— Возможно, думаете, что я помешанный? Нет, я собираю народные пословицы, поговорки, меткие словечки и выражения. Здесь сталкиваешься с бойцами из разных кишлаков Узбекистана, из малознакомых уголков. Они иногда говорят такие словечки, которые редко услышишь, как редко встретишь яйцо птицы анко! Я знаю профессоров, которые поседели, скитаясь по горам в поисках жемчужин народной мудрости.

Сеидов с уважением посмотрел на книжицу.

— Недавно после боя у оврага,— продолжал он,— мне пришлось пойти к артиллеристам. Прислушался: они пели очень древнюю песню. Каждое слово ее — золото. Записал я. «Что вы делаете?»— спросил джигит. «Имя твоё в истории останется. Я записал: мол, в таком году, на такой-то войне. в таком-то месте, подобно соловью, пропел

эту песню артиллерист Тургунбаев. Понял?» Он, довольный, улыбнулся.

Аскар-Палван и Бектемир с интересом посмотрели на блокнот.

— Я на этом материале книгу напишу,— пообещал Хашимджан.

Обыкновенные ресницы бойцов начал смыкать сон. Хашимджан, попрощавшись с земляками, пригнувшись, пошел в свою роту.

Далеко, за домами, видневшимися на фоне снежного поля, шел бой. Словно взрывались горы, не утихал сильный, непрерывный грохот.

Казах Султанкулов, отважный в бою и мягкосердечный в обращении с друзьями, поднял противотанковое ружье и понес его на огневую позицию.

Капитан Николин, в шапке пепельного цвета, туго затянутый ремнями, быстро появляется то там, то здесь.

Он шагает от бойца к бойцу. Его лицо иногда на мгновение озаряется улыбкой, иногда на нем проплывает облачко гнева.

Не дремлет передовая.

Вот уже несколько дней, как враг перешел в новое наступление. Металл грызет, жует снежные поля, сотрясает небо.

Враг бросает в бой полк за полком, дивизию за дивизией. Он рвется вперед на дорогах, которые, подобно сосудам сердца, сходятся в Москве. Седьмого ноября враг намерен устроить свой парад в Москве на Красной площади. Но он сосчитал пельмени сырыми.

Прошло две недели, а немцы все еще бьются головой о каменный порог Москвы.

Среди снежных буранов завывает пучина смерти. Враг, приняв свое погребение за радость, гремит, бьет в барабаны на весь мир и воровато поглядывает на Москву.

Но Москва, подобно огромной скале, стоит нерушимо, гордо.

...Генерал Соколов сидел в маленьком деревянном домике, затерявшемся в лесу. Глаза от недосыпания покраснели. Но генерал бодрствует. Выпив немного горячего кофе, он вспоминает недавний разговор с солдатами. С какой надеждой смотрели на него, как ждали утешительных вестей!

Но генерал мало что мог сказать. Пока он мог только выразить надежду: мы сдержим врага. Ценой своей жизни сдержим.

— Нам бы техники добавить,— пожелали бойцы.

— Сейчас идет хорошая помощь,— неопределенно пообещал Соколов.

— Тогда удержим столицу, товарищ генерал.

С болью в сердце смотрел генерал в честные глаза простых воинов. Эти люди опять вышли победителями из неравного боя. Навстречу танкам полетели гранаты. И немецкие автоматчики не смогли уже поднять головы от земли.

Так солдаты будут держаться и в следующем бою.

...Генерал очень устал.

— Обед остыл. Подогреть немножко?— спросил проворный ординарец.

— Проголодался, давай скорее!— вспомнил генерал.

Он снял шинель и повесил ее на гвоздь.

Взгляд генерала неожиданно упал на конверт. Знакомый, ровный, красивый почерк. Письмо написано в дороге. Писала жена, выехавшая в Алма-Ату.

Простое, теплое письмо.

Их сыну уже десять лет. Генерал несколько раз пробежал глазами короткие строки.

Он невольно улыбнулся: письмо шло десять дней.

— Давно отправили. Война есть война,— сказал он себе.

Генерал склонился над письмом, вспомнил мирную жизнь, семью.

— Может быть, водки налить?— спросил ординарец.

— Принеси, выпьем вдвоем, но только немножко, самую малость,— согласился генерал.

Ординарец ловко раскупорил бутылку и наполнил стакан.

— Выпейте, ведь холодно очень. Хорошо отогреет.

— Налей и себе. Моему Володе исполнилось десять лет. Правда, несколько дней назад. Но мы выпьем за него сегодня...

Из-за леса показались самолеты. Бектемир инстинктивно понял, что они опять летят «клевать» наши окопы.

— Спрячь голову между колен!— подмигнул он Аскар-Палвану.

— А что с задом будем делать? Каской прикроешь, что ли?— произнес тот в ответ и стал ругать фашистов как только мог.

Все уже привыкли к воздушным атакам немцев.

Самолеты, взмесив тесто из снега, земли и крови, повернули было назад. Но краснозвездные соколы догнали их и принудили к бою. В беспредельном просторе неба закружилась стремительная карусель.

А земля в это время содрогнулась под гусеницами тяжелых танков. Они, покачиваясь, медленно двинулись вперед, направляясь к нашим окопам. Иногда останавливались, словно выбирая дорогу, и снова шли неудержимой грохочущей лавиной.

Противотанковые пушки подпустили тяжелые машины на такое расстояние, что, кажется, танки вот-вот одним прыжком раздавят их. Но нет, в самую последнюю минуту вражеские машины встретил беспощадный огонь пушек.

Над окопом Бектемира прошел танк. Сбросив с плеч и головы пуд земли и снега, боец поднялся. Размахнувшись, он бросил вслед железному чудовищу гранату. Танк остановился, охваченный пламенем.

Впереди на почерневшем поле окутались дымом другие танки. Немецкая пехота покатила по снегу, уходя. Но сзади, со стороны холма, покрытого низеньким кустарником, внезапно открыли интенсивный огонь немецкие автоматчики.

Опять разгорелся бой.

Советские бойцы поднялись в атаку. Аскар-Палван стрелял, перебегая из воронки в воронку.

Совсем рядом с ним разорвался снаряд.

Аскар-Палван, оглушенный, еле поднял голову. Выплюнув изо рта глину, осмотрелся.

Бой стал откатываться дальше.

Аскар-Палван, еще не успев продумать план дальнейших действий, увидел группу немецких автоматчиков, которые шли, посинев от холода.

— Опять вы здесь,— злобно пробормотал боец и открыл огонь из винтовки.

Двое немцев сразу упали навзничь, остальные бросились на землю.

Аскар-Палван удобно устроился в воронке. Он поискал глазами Бектемира, намереваясь что-то сказать ему.

В нескольких шагах от него торчит бугорком каска, чуть подалее — оторванная рука...

— Рус сдавайс!— слышит он вблизи чужой, злой голос. Палван одну за другой швырнул две гранаты и нетерпеливо поднял голову.

— Есть,— удовлетворенно прошептал он.— Вот тебе «сдавайс»!

Он отполз назад, в другую воронку.

Кто-то из немцев бросил гранату. Она упала как раз в том месте, где только что был Аскар-Палван. В лицо бойцу попали отлетевшие кусочки замерзшей глины.

Он увидел, что немцы, пытаясь рассмотреть свою жертву, подняли головы. Выстрелил из винтовки. Послышался вопль. Озлобленный враг швырнул еще одну гранату. Аскар-Палван ответил тем же.

— Получай, гад!

Его граната снова угодила в цель.

Гитлеровцы начали стрелять с разных сторон.

Аскар-Палван отвечал до последнего патрона. Он от злости потемнел. Колени его задрожали. На секунду уткнул лоб в землю.

«Почему Бектемира нет?— думал боец.— Где он может быть?»

Немцы, осторожно переползая, приближались к затихшей воронке. Возможно, они хотели взять живым «этого упрямого русского».

Но терпение Аскара-Палвана иссякло, и он внезапно кинулся на врагов. Его будто выкинула сама земля.

Страшным, почти истерическим голосом он закричал:

— Бей!

Огромный, черный джигит с широко открытыми глазами опустил приклад винтовки на голову немца. Потом ударил другого. Что-то выкрикнув, он проткнул штыком третьего, но внезапно голос его оборвался.

Окровавленный боец опустил на колени и медленно упал.

В это время с помощью танков и артиллерии батальон Никулина перешел в контратаку и оттеснил врага.

Дубов издали позвал рукой Бектемира. Тот склонился над телом друга.

Лицо Аскара-Палвана было изуродовано. Бектемир, вытерев кончиком рукава глаза, посмотрел на Дубова.

Дубов, хмурый, с окровавленным лбом, сунул Бектемиру самокрутку, которую курил сам.

— Неплохая смерть! Герой!— вздохнул он.

Бектемир ничего не ответил.

Аскара-Палвана зарыли на склоне холма.

Глава семнадцатая

День был тусклый и гнетущий. Несмотря на ранний час, комната наполнилась предсмертной темнотой.

Мария, бессильно скрестив руки, сидела на табурете, который скрипел от малейшего движения.

Сердце женщины сжималось, она изредка вздыхала, поглядывая на сына. Володя крутил колеса игрушечной машины и, забывшись, повторял немецкие слова, которые слышал от гитлеровцев.

Затем, повернувшись, спросил:

— Мама, когда придут наши? На площади скоро будет праздник?

— Придут, придут, конечно,— печально и рассеянно ответила мать.— И будет, конечно, праздник... Скоро...

— Тогда героев покажешь мне?— просит Володя.

Мать кивает головой:

— Конечно покажу...

Болезненное лицо мальчика радостно просияло.

Деревня сейчас напоминала дом после грабежа.

Враг, как саранча, уничтожил еду, отобрал все запасы у населения. Немцы на глазах у Марии увели старую корову, на которой держалось все хозяйство.

Деревня пустела день ото дня. Люди потихоньку куда-то уходили. Три дня назад был повешен дед Яшкин — за то, что распространял листовки, призывавшие к борьбе. Откуда он их принес, дед так и не сказал. Измученный старик держал себя перед казнью смело и гордо.

В день казни всех погнали на площадь. Но Мария скорее согласилась бы умереть, чем увидеть на виселице своего соседа.

Со дня казни она не была еще в той стороне, где находилась площадь. Она боялась даже подумать про это страшное место.

Как и во многих домах, немцы часто ночевали у нее. Приходилось скрывать горевший внутри гнев и отвращение. Она должна была улыбаться при бессмысленном смехе и шутках оккупантов, опускать вниз глаза при угрозах, молчаливо выполнять приказания.

Взгляд Марии упал на окошко. Там по улице проходил Кандалов. Сердце женщины сжалось от ненависти, комок подступил к горлу.

Кандалова немцы назначили деревенским старостой. В прошлом он не был ни кулаком, ни торговцем, служил до революции всего-навсего кучером у какого-то помещи-

ка. Но видно, не зря он лизал посуду богатея, не пристав впоследствии ни к какому делу. Если и поступал на работу, его быстро оттуда гнали или он сам бросал ее. Поглаживая расчесанную бороду, играя тусклыми глазами, Кандалов объяснял знакомым: не поладил с начальством. Невозможно ведь...

А сейчас в деревне он полный владыка. Над всеми хозяин.

Кандалов, злой, наглый, заходил в дома. Исподлобья осматривал помещение, хозяев. Затем, словно готовясь к речи, крутил в воздухе указательным пальцем:

— Я хочу разрешить один вопрос, принципиальный!

Вопрос сводится к одному: как вырвать для немцев необходимые продукты.

Мария не боялась его. Когда он встречался на улице, ей даже доставляло удовольствие каким-нибудь жестом или словом выразить ему свое отвращение.

Сейчас, когда она увидела его силуэт сквозь мутное стекло, сердце ее дрогнуло. Мария боялась новой беды.

Со вчерашнего дня исчезла ее сестра. От горя и усталости Мария чуть не валилась с ног.

О чем только она не думала, пытаясь представить, что случилось с Надей.

«А если девушка лежит где-нибудь в лесу, опозоренная фашистами, убитая...» — думала Мария.

Долгую, длинную ночь она лежала не смыкая глаз, прислушиваясь к каждому шороху. Не давала покоя мысль, где и как она будет разыскивать Надю.

Девушка в последнее время почти каждый день ходила к Яше Бублику, в дом на соседней улице, и подолгу засниживалась там.

Каждый раз она возвращалась оттуда радостной, воодушевленной.

Бублик был горбат. Он чинил бочки, примусы и другие вещи.

Немцы не обращали на него внимания: мелкий частник — и все.

Бублик вытаскивал инструменты к калитке и молча занимался своим нехитрым делом. Ясно, человек зарабатывает деньги. Из-за денег он иногда скандалил с женщинами, нервничал.

Марию встретила жена горбатого — женщина полная, властолюбивая.

— Мастера дома нет. Не знаю, куда запропастился, — небрежно бросила она.

— А Надя?— настороженно спросила Мария.— Где Надя?

— Откуда мне знать? Интересная вы женщина. Возможно, где-нибудь обучается... по-немецки!

— Побойся бога, Дуня! Не стыдно ли?— с горечью сказала Мария.

Жена горбатого, видя волнение соседки, вдруг переменилась, начала утешать ее:

— Найдется, никуда не денется. Волк, что ли, съел ее? Мария с трудом дошла до дому.

Куда девушка могла уйти с горбатым? Куда? Что это еще за дело у них?

В это время Надя сидела вместе с Бубликом в густом лесу, в пятнадцати километрах от деревни.

Они покинули деревню вчера в сумерках.

Оттого, что Бублик надел толстую, на подкладке, одежду, горб его почти не был заметен. На голову он надвинул ушанку.

В сапогах, туго подпоясанная веревкой, в длинном, просторном тулупе, который дала жена Бублика, Надя походила на простую крестьянскую девушку.

Бесполезно искать в лесу укромного убежища. Ветер воев в деревьях, словно дикое животное. Снег слепит глаза.

Бублик и девушка, озираясь порой по сторонам, беседуют возле маленького костра. Дело, за которое они взялись, было опасным. И горбатый и девушка заметно волновались.

Реденькая бороденка Бублика окуталась дымом. Щелкая суставами пальцев, бугорчатых от огня и кислот, он доказывал, что надо идти в деревню и что с ними ничего не случится.

— И догадаться никто не догадается!..

После каждой фразы он хитро играл бусинками-зрачками.

Бублик с детства читал газеты. Он всегда любил спорить с активистами деревни о международном положении. Сидя в своей маленькой мастерской, он рассуждал о делах государственных важно, авторитетно.

Когда началась война, Бублик представлял себе ее ужасы, но по-своему. Он знал цену героизма русского народа и считал, что враг будет быстро разбит.

Бублик долгое время не верил известиям о зверствах фашистов на советской земле.

— Все дело в технике! — упрямо повторял он сам себе. — Просто техника помогает им.

Когда враг вошел в деревню, которую Бублик не покидал с рождения, он прозрел. Он вернулся с улицы расстроенный, пожелтевший.

Жена только что сварила борщ, сидела около окна, гладила кошку и смотрела на улицу.

Бублик кивнул в сторону окна:

— Ну и завоеватели! Выкидывают такие номера, что их ни под какую статью не подведешь. Вот что..

Он прошелся по комнате и выругался:

— Чтобы вы захлебнулись собственной кровью! При чем тут мирная деревня?

Жена, вздохнув, ответила осуждающе:

— Сам ты виноват. Нашел бы какую-нибудь тележку, добрались бы мы до станции, а там — в далекую теплую Азию!

Она встала и принялась накрывать на стол. Чтобы утешить мужа, сказала:

— Не горюй... На самом деле враг не так уж страшен. Давеча прошел один офицер — такой ладный, чистенький, шаги размеренные... Что плохого может сделать такой человек?

Через три дня она оказалась свидетельницей бесчинств этого самого офицера. Женщина в ужасе бежала с площади, где вешали односельчан, словно за ней гналась сама смерть. От испуга она слегла в постель.

После этого Бублик решил мстить врагу. Им овладело упрямое желание сделать бомбу.

Он решил создать ее своими руками, своей мыслью.

Когда жена пристально смотрела ему в глаза, Бублик вздрагивал. Вскоре тайну скрывать стало невозможно, даже опасно.

Теперь «изобретатель» сидел, запершись в подвале, а жена следила за тем, что творилось на улице. В случае опасности ей нужно было предупредить мужа. И он снова брался за старые примусы.

Жена исполняла свою роль отлично.

Скорей бы бомба была готова!

Иногда она слышала адский взрыв, который, казалось, опрокинет горы, и, вздрогнув, вскакивала с места. Но это где-то вдали взрывался снаряд.

Бублик работал увлеченно, упрямо.

Когда у него уже не осталось сомнений в успехе задуманного дела, он серьезно начал задумываться над тем,

как бы использовать бомбу. Ему нужен был помощник. В деле, где требуются разум, отвага, самоотверженность, жена не годится: она пуглива и нервна.

Больше, чем другие односельчане, ему по душе приходилась Надя. Он был близким другом ее отца, уважал ее мать. Бублик считал Надю умной и благородной девушкой.

Он никогда не чувствовал ее жалости или фальшивого сочувствия к себе. Надя относилась к нему так, будто не видела его физического недостатка. Это для Бублика с его чрезвычайно чутким самолюбием было тоже важно.

В предложении Бублика Надя увидела ненужную романтику. «Разве простой деревенский мастер не напрасно тратит время, чтобы сделать бомбу?— думала девушка.— Ведь чтобы стрелять по врагу, можно достать винтовку. Чтобы взрывать врага, можно достать гранаты».

Но она побоялась высказать эти сомнения, чтобы не обидеть и не погасить искренние чувства Бублика, который вложил весь свой гнев в эту бомбу.

Мастер поглаживал реденькую бородку, наблюдая за каждым движением Нади. Он увидел, что она в чем-то сомневается.

— Я не профессор, моя бомба — это выдумка простого русского человека, но она не примус и не зажигалка. Во всяком случае, то, что я создал,— штука не простая...— И он многозначительно кашлянул.— Сейчас время, когда надо использовать все знания, все умение для борьбы,— продолжал Бублик.— Русский человек не только отважен, он и умелец.

Надя, вероятно потому, что в ее сердце бурлил и искал выхода гнев против врага, вдруг увидела в лице Бублика удивительного героя. Она с волнением сжала его руку.

Бублик и Надя поспорили о том, как лучше использовать бомбу, когда она будет готова.

Если ее взорвать на улице, то после этого враг обратит в дым и пепел всю деревню. Они отказались от этой мысли.

Решили отыскать и уничтожить как можно большую группу врага в отдаленном от деревни месте.

В воображении Бублика возник высокомерный, представительный немецкий генерал в окружении высших офицеров. Вот бы кого уничтожить!

Девушка и Бублик условились о встрече с наступлением темноты.

Бублик, поцеловав свою побледневшую, дрожащую жену, вышел задворками из деревни.

Через час Надя встретила его на поле, около старой сломанной мельницы. Бублик нес тяжелую «штуку», завернутую в мешок.

Откуда-то изредка доносилась пулеметная стрельба. Они торопливо пошли по направлению к лесу.

Ночь они провели в лесной чаще, дрожа от холода. На рассвете, спустившись в яму, разожгли костер, отогрелись и снова тронулись в путь.

Бублик пошел на разведку. Долго он не возвращался. Надя испытывала сильную тревогу. Чтобы было легче, сбросила тулуп, взобралась высоко на дерево, осмотрелась вокруг. Но Бублика не увидела.

Наконец он вернулся — усталый, шатающийся. Тяжело дыша, безнадежно махнул рукой:

— Плохи наши дела... На дорогах многолюдно. Машины, танки... Приблизиться невозможно.

Надя внезапно почувствовала слабости.

— Что же мы теперь будем делать?

Девушка внимательно смотрела на Бублика. Тот молча рылся в золе потухшего костра.

Надя еще раз подтвердила, что, каким бы рискованным ни было поручение, она готова выполнить его одна.

— Покажите, как с ней обращаться.

Бублик невесело улыбнулся:

— Ничего не выйдет у тебя.

Девушка обиделась. А про себя обругала: трус ты — и все!

Бублик посмотрел исподлобья, почувствовал неловкость.

— Доченька, не спеши. Торопливый всегда спотыкается. Семь раз отмерь, один раз отрежь. Я хорошо усвоил обстановку. И оружие я хорошо знаю — мое дитя оно...

— Ну так покажите вашему «ребенку» железную дорогу, — не без иронии ответила Надя.

— Вот это идея! — подняв голову, сверкнул взглядом Бублик. — Целый эшелон бы...

Они обстоятельно обсудили предложение Нади. Только Бублик очень устал и не мог отправиться в путь. Он все тянул, говорил, строил планы, объяснял, как установить бомбу под рельсом.

Наконец он взглянул на свои старые, с выцветшим от времени циферблатом, большие часы.

Чтобы поддержать свои силы, они перед дорогой съели по паре картофелин. Только на другой день путники увидели в просвете деревьев железнодорожное полотно.

Надя залезла на дерево и внимательно посмотрела на линию: не охраняется ли она.

В полночь они поползли к полотну железной дороги.

Сердце девушки сильно колотилось. Бублик тяжело дышал. Он шептал что-то, но Надя не слышала.

«А что, если «изобретатель» не успеет убежать?» — подумала Надя и толкнула Бублика вниз с откоса.

Девушка установила бомбу под рельсом сама и пулей полетела с полотна, как только услышала шум приближающегося поезда.

Раздался страшный взрыв. Они упали ничком. И в снегу лоб ее, кажется, горел.

Подняв голову, Надя увидела огонь и дым.

— Скорее, скорее отсюда!

Они поднялись и снова побежали от железной дороги.

Воздух наполнился трескотней выстрелов.

— Хватит, отдохни. Черта с два догонят! Глянь назад, доченька, какое дело произошло! — сказал Бублик, тяжело дыша в лицо Наде.

Они не думали о подвиге. Они сделали, что было в их силах, стремясь задержать продвижение гитлеровцев к Москве.

Так поступали тысячи советских людей...

Глава восемнадцатая

Майор Калашников с офицерами находился на небольшом холме у края леса. Здесь был наблюдательный пункт. Когда артиллерийский огонь ослаб, на НП появился Камал.

Он представился в соответствии со всеми правилами и сообщил, что прибыл в дивизион командиром огневого взвода. Глаза широкоплечего, коренастого майора метнули на него недобрый зеленый огонек.

Камал почувствовал, что не понравился ему.

С усталого лица майора, заросшего густой бородой, слетела кривая испытующая улыбка. Должно быть, он подумал, что этот лейтенант очень молод, зелен и вообще неизвестно что собой представляет.

Камал держался спокойно, бодро.

Майор высек огонь из зажигалки в форме нагана, закурил. Нервно посасывая папиросу, проворчал:

— Обстановка... гм... такая, что вся тяжесть пала на артиллерию.

Камал спокойно согласился:

— Это же естественно. Она ведь — бог!

— Ну что же,— продолжал Калашников,— давайте знакомиться.

Майор, играя толстым цветным карандашом, сразу же ознакомил Камала с обстановкой и разъяснил задачу.

Внезапно телефониста, который в углу приглушенным голосом повторял отрывистые слова, обсыпало землей.

Это вверху разорвалась мина. Телефонист, молодой парень, как будто ничего не случилось, потрянул плечами, чертыхнулся и снова закричал в свою трубку.

Майор, кашляя и фыркая от пыли, поставил карандашом точку на карте. И уже дружески произнес:

— Ну, отправляйся теперь на батарею да сыграй подходящую музыку.

Пришлось выкатить две пушки вперед и бить прямой наводкой по немецким танкам и пехоте. Во что бы то ни стало надо было загородить путь врагу.

— А ну еще раз!

Камал Уринбаев быстро вошел в свою роль, поднял боевой дух и настроение бойцов. В такие моменты он говорил: двум смертям не бывать, одной — не миновать.

Он помнил слова своего старшего брата — лихого наездника: «Если в улаке пощадишь соперника, сам будешь побежден».

Бойцы переглядывались, удовлетворенно кивая друг другу головой. Им, чувствуется, понравился этот командир, явившийся в самый разгар боя.

Из-за кустарника показалась башня, а затем весь танк.

Камал точно определил расстояние до цели и подал команду.

Танк, вздрогнув, окутался черным дымом.

Ободренный успехом, молодой лейтенант продолжал командовать громко, уверенно.

Атака гитлеровцев сорвалась.

Лейтенант Уринбаев старательно натер руки и лицо скрипящим снегом и вместе со своим помощником — лобастым, безбородым украинцем Терещенко уселся на кучу хвороста и веток поесть.

В стороне, дымя папиросами, отдыхали два русских бойца, подносчик снарядов и заряжающий. Эти войны, прошедшие огонь и воду, говорили что-то о своем новом командире. Один из них добавил:

— Недурен, на огонек есть терпение.

— Да... С корабля на бал угодил.

Терещенко, улыбнувшись, подмигнул Камалу. Камал или ничего не слышал, или сделал вид, что эти слова к нему не имеют никакого отношения. Но про себя молодой командир, конечно, порадовался.

Неожиданно перед лейтенантом появился пожилой боец с морщинистым сухощавым лицом.

— Вы узбек, братец? — спросил он молодого командира.

— Да,— спокойно ответил Камал.

— Ассалам! — боец протянул руку.— Где вы пропадали, земляк? Я еще издали определил, что вы сын узбека! Очень хорошим человеком показались вы мне...

Боец стоял, почтительно приложив руки к груди.

— Откуда вы? Где служите? — недовольным голосом спросил Камал.— Ведете себя не по-солдатски. Чем вы занимаетесь?

— Парикмахер я, товарищ командир,— отчеканил тот вытянувшись в струнку и уставившись в одну точку.

Камал, улыбнувшись, попросил парикмахера рассказать о себе.

— Раньше я шелка ткал, братец... Хан-атлас, что на солнце десятью огнями переливается, глаза сплит. Потом скучновато мне стало на этой работе. Пошел садоводом в колхоз. В колхозном саду такой цветник создал, поэтам бы его воспевать... Люблю цветы с детских лет. Тысяча красок, тысяча запахов... Днем и ночью соловьи до опьянения поют. Война занесла меня сюда. Парикмахером стал.

Боец осмотрелся по сторонам и продолжал.

— Вам ведь известно: если у нас загорится какой-нибудь дворик, то вся махалля бежит с ведрами,— подогнув свои длинные ноги и удобней усаживаясь, произнес он.— Враг — чтоб на том свете он стал свиной — намерен обратить в дым и пепел нашу великую страну. Поэтому весь народ должен тушить этот страшный огонь.

— Очень верно говорите. Каждый должен делать то, что в его силах.

— Хвала! — произнес парикмахер.— Вот я бритвой почем зря играю, а вы бухаете пушками. Однажды животные всего мира — от льва до мухи — прислали святому Сулейману подарки. Конечно, у слона один подарок, у мухи — другой.

— Остроумно говорите, ну дальше? — засмеялся Камал.

Парикмахер попросил табак у Терещенко, который курил и задумчиво смотрел на колечки дыма.

— Табак, правда, не то удовольствие. Что сделаешь, если нет насвая!

Однако сам очень ловко свернул козью ножку. И продолжал, посерьезнев:

— Есть у меня просьба к вам...

— Ну что же, говори,— приготовился слушать Камал.

— Что, если я брошу парикмахерство? Я способен свершать более достойные дела на фронте. Вы не удивляйтесь. Это не пустые слова. Я отец джигитов-соколов. Мой старший сын — летчик. Говорят, он в подчинении у одного из самых уважаемых генералов. Меньший танки гоняет. Раньше подобные нам бедняки по земле ходили, опустив голову. Советская власть сделала нас хозяевами земли, а птенцов наших научила летать беркутами.

Парикмахер вздохнул и, закинув голову, посмотрел на небо, словно там, над лесом, укутанным в снежную шубу, он хотел найти одного из сыновей. Но небо было пустым и холодным, а сын его летал где-то далеко-далеко.

Парикмахер посмотрел на командира:

— Давайте столкнемся с вами: поговорите вы с большим начальством, чтобы мне дали достойное дело.

— Какое еще дело? — спросил Камал, что-то разыскивая в планшете.

— Дело, достойное джигита.

— Например? — нетерпеливо поинтересовался Камал.

— Например, перевели бы в конницу. Хорошо: один конь, одна плетка — и пошел на врага! — воодушевившись, горячо произнес парикмахер.

— Ого, видно, вы все серьезно обдумали,— попытался обратить разговор в шутку Камал.

— Конь — крылья человека. В пехоте мне, должно быть, трудно будет. Там еще и ползать приходится.

Камал посоветовал этому воинственно настроенному земляку не оставлять своей профессии:

— Продолжайте свое дело. Оно тоже нужно людям.

Затем молодой лейтенант терпеливо объяснил:

— Для того чтобы быть хорошим кавалеристом, надо тренироваться, долго обучаться этому делу.

— Кости у меня еще крепкие,— произнес мастер и покосился на свои худые, костлявые плечи.— Ездить на коне — для узбека нетрудное дело. Ведь деды-то наши выросли, играя в орехи под ногами коней...

— Чтобы на фронте показать себя, не обязательно вести танк или мчаться на лошади.

Парикмахер внимательно слушал лейтенанта.

— О, вам, наверное, еще это не довелось испытать. Иногда наступает такой момент, когда в руки берут оружие все — от генерала до повара и парикмахера — и в полный рост устремляются на врага. Дерутся не на жизнь, а на смерть. Помню первые недели войны. И день и ночь шли яростные бои. В самый напряженный момент повар Мухин — мы его звали дядя Муха — лег за пулемет и пригвоздил к земле десятки гитлеровцев.

Парикмахер, пощипывая усы, молчал. Камал в конце концов пообещал, что он еще раз попытается узнать о возможности пристроить его в какую-нибудь кавалерийскую часть.

Боец, упираясь ладонями в колени, встал и, прижав руку к сердцу, поблагодарил Камала, поглаживая другой рукой свою реденькую с проседью бороду.

Кивнув головой, парикмахер ушел быстрыми шагами. Камал передал Терещенко суть разговора.

Тот степенно улыбнулся:

— Настоящий человек. Ну что там? Заполним у немца какого-нибудь коня, посадим на него парикмахера — и вся недолга.

— Хорошая мысль. Простая... — улыбнулся командир.

В один из вечеров при свете самодельной лампы, которую смастерил один из артиллеристов, Камал принялся за письмо. Лейтенант в жизни не писал девушкам писем. Только недавно ему казалось, что его мыслей и чувств хватит на целую книгу. Сейчас же слова потускнели, пропали. А некоторые казались бессмысленными.

«Салимахон!» — просто написал он, по-детски послунявив кончик карандаша, и задумался. Девушка сейчас же встала перед ним, кокетливо играя черными-пречерными миндалинами пронизательных глаз, слегка склонив свою красивую головку.

Камал закурил папиросу. Посмотрел на часы. Приблизилось время встречи с майором. Взяв карандаш, он быстро начал писать:

«Салимахон! Простите, что пишу с таким опозданием. Вот уже шесть дней, как я в боях. Я пришел и сразу же занял место лейтенанта, погибшего несколько часов назад. О его героических делах много рассказывали бойцы.

И с тех пор я среди огня. Мои товарищи очень дружные, в бою стремительные, как молнии.

Салимахон, ваши слова в моем сердце, я поклялся оправдать их. Джигит не отрекается от своего слова, лев не возвращается по следу — верьте этим мудрым словам наших дедов. Вы всегда, Салимахон, рядом со мной. Я всегда слышу вас. Кишмиш, который положили вы мне в карман, после тяжелого боя недавно я поделил понемножечку между бойцами. «От кого?» — спросили они. «От любимой девушки», — ответил я. Сказали: «Пусть ваша жизнь будет сладкой, как кишмиш!» Салимахон, прочтя эти строки, не обижайтесь на меня. Я в точности записал их слова. Если вы напишете мне письмо, хоть два слова, сердце мое зацветет, как весна Узбекистана».

Сложив письмо треугольником, Камал посмотрел на часы. Время было позднее. Не надписав адреса, лейтенант побежал на командный пункт.

Всегда требовательный, майор Калашников на этот раз сделал вид, что не заметил его опоздания.

Подмигнув, он неожиданно сунул в руку лейтенанта кусок шоколада:

— Бери, бери. Калории.

Майор совершенно изменил свое мнение об Уринбаеве. Вчера, разговаривая по телефону с командиром части, он даже гордо произнес:

— Задание я поручу «городу хлебному». Этот не подведет.

Камалу также понравился этот суровый, мужественный, пренебрегающий опасностью человек.

Лейтенант долго ходил с командиром, проверяя позиции. Майор шагал быстро, легко перескакивая через различные препятствия, не видя их, а словно чувствуя.

То и дело, оставляя огненный след, пролетали трассирующие пули. В безлюдной деревне гулял ветер. Вдали на возвышенности вздымалось к небу лохматое пламя — горел немецкий танк.

Это зрелище, ставшее привычным, сейчас почему-то показалось жутким и таинственным.

Когда майор и лейтенант возвращались снова на командный пункт, пламя по-прежнему полыхало над возвышенностью. Били наши орудия.

— Дела фашиста плохи, теряет силы он, — произнес Камал.

— Ясно. Сейчас он и во сне «капут» говорит. Очень скоро своими ушами услышим. — Майор многозначительно

взглянул на Камала:— Дай вот только соберемся с силами.

Камал с командного пункта дивизиона, где он вдоволь надышался дымом, вернулся в свое подразделение усталый. Было довольно поздно.

Лейтенант присел на корточки около небольшого костра. Вокруг огня сидели несколько бойцов. Они уже успели рассказать друг другу, кто кем работал прежде, откуда прибыл, о семье. Одни курили, другие ели хлеб и колбасу, сжимая их в почерневших руках и простоудушно подшучивая друг над другом. Как огонь, разговор порой вспыхивал ярко, особенно когда речь касалась интересных тем, далеких от смерти и крови.

Лейтенант слушал оживленную беседу, изредка вставляя шутливое словечко.

Скоро около костра стало пусто. Камал, потирая пальцами полусонные глаза, задумался: снова вспомнилась Салима.

Теперь лейтенант в мыслях был на заводе, внешне похожем на черную гору, а внутри светлом и шумном. Там он видит девушку в голубой блузе с засученными рукавами, сложившую густые, выющиеся волосы в толстые витки.

Джигит, расстроенный тем, что ему не удалось послать письмо, сейчас сам на миг побывал у нее.

Камал сидел в полудреме. Костер грел лицо, спину же принимал лютой холод.

Голос парикмахера заставил его раскрыть глаза.

— Пожалуйста, уста. Не уставать вам! — протяжно зевнув, пригласил Камал.

Словоохотливый и знающий толк в людях земляк, приблизив грудь к огню, начал неумолчно стрекотать. Через некоторое время он достал из-за пазухи что-то завернутое в газету и положил на колени.

— Как вы до колбасы? Хорошая. Во рту растает, а внутри костерчик разожжет.

— Ие, откуда вы взяли это? — с аппетитом поглядывая на колбасу, удивился Камал.— Да вы, оказывается, охочи не до коня, а до конской колбасы. Знаем мы теперь вашу тайну, уста!

— Вот и не угадали,— поиграл белками глаз парикмахер.— Конь — крылья солдата, сказал я. На войне стоит целовать копыта аргамака ...А тут такое случилось: недавно на глазах моих покалечило коня. Дивной красоты был. А ну скажите, что лучше: гнить ему в земле или обратиться в колбасу! Русский народ, оказывается, не ест конины.

А молодой и хороший конь — отменная пища. Срезал я жирные места и сунул их в очаг. Зимой шубы не надевай, а ешь колбасу...

— Ну что ж, нарежьте. Хватит разговаривать.

— И это правильно, братец.

Уста красивым, острым ножом с ручкой, украшенной цветными камнями, ловко нарезал колбасу. Камал взял один кружок и с аппетитом съел.

— Недосолена, но все равно хороша! — похвалил лейтенант.

— Один недостаток — тмина нет. Да и откуда быть тмину, когда даже насвая нет? — тоскливо вздохнул парикмахер. — Разве до этого здесь...

Камал расправился с жирной колбасой и вытер губы бумагой.

— Спасибо, уста. Утешил.

— Я все о том же, — несмело начал парикмахер. — Все о коннице... Как же мне быть?

Камал пожал плечами и опять пошутил:

— Найдем вначале коня-летуна, как у Алпамыша.

— Да ничего, братец, лишь бы сносен был. Ведь дело в человеке, — серьезно произнес парикмахер.

— Вот тебе и раз! Вы же сами говорите, что конь — крылья война. И хорошо, когда крылья эти сильные, не устающие!

Уста на мгновение разинул рот. Жуя реденькую бородку, подкинул хвороста в костер, раздул.

Он, должно быть, немного обиделся, но потом его сушошавое, морщинистое лицо внезапно озарилось улыбкой.

— На войне и плохая лошадь приносит пользу, — уверенно произнес он. — Немножечко терпения, я растолкую вам.

Парикмахер подправил костер и продолжал:

— Есть притча одна. В былые времена Искандер Зулкарнаин дал бой царю по имени Доро. У каждой стороны было несметное число воинов. Знамена, говорят, солнце заслоняли. Перед большим побоищем поутру Искандер надел золотые доспехи. Сел на коня, который мог и через гору перескочить, и выехал на бранное поле. Оглядел свои войска. У всех кони ржут, нетерпеливо кусают удила... Среди них только у одного джигита лошадь махонькая, худушная, смирененькая. Не ржет и не бьет землю копытами. Искандер гневно подскочил к нему: «Эй, трус, не стыдно тебе садиться на такую клячу? Да как ты будешь на такой кляче воевать?» Джигит ответил: «О повелитель

мира, все, кто сидят на хороших конях,— трусы!» Искандер, удивленный, попросил: «Раскрой мне смысл своих слов». «Они только и думают о том, чтобы ускакать на своих конях-летунах, если враг начнет одолевать... Моя же цель — не бежать, а вот на этой кляче до конца драться на саблях с врагом!..» Эти слова очень понравились Искандеру.

Парикмахер посмотрел на лейтенанта и хитро улыбнулся.

Лейтенанту нечего было возразить, он покачал головой, улыбнулся. Как говорится, сказка — ложь, да в ней намек — добрым молодцам урок.

— Вот видите,— тоном победителя произнес парикмахер.

Он, чувствуется, был очень доволен и даже возгордился своей притчей.

Но Камал сбил с него спесь:

— Все это так, но мы намерены отсюда гнаться за отступающим врагом. А для этого нужны настоящие аргамаки.

— Вначале надо сломать хребет врагу. А врага без хребта можно догнать и на муле,— не унимался уста.

Камал засмеялся:

— Вам, оказывается, невозможно мат поставить. Остер вы, остер!

Когда парикмахер ушел, Камала одолела дрема. Потирая глаза, он попытался встать. Но тяжелая усталость совсем разморила его.

Подошедший Терещенко улыбнулся. Он снял свою шинель, постелил недалеко от огня на плащ-палатку, затем сильными руками легко поднял Камала, положил его и заботливо подоткнул шинель под бока.

Оправив свой ватник и надвинув поглубже на голову шапку-ушанку, Терещенко опустил на корточки у костра, уже покрытого легким слоем золы, и тихо, очень тихо запел одну из своих любимых песен, которых он знал очень много.

Так до утра сидел он, покачивая головой в такт песне.

Глава девятнадцатая

На фронте все с благоговением и гордостью говорили о славном подвиге двадцати восьми панфиловцев.

Некоторые пытались найти среди них близких, земляков. Бектемир сказал Дубову:

— Богатыри. Оправдали молоко, которым поили их матери. У каждого одна смерть. Вот так надо умирать!

— Да, они счастливые люди,— смахивая с усов иней, произнес Дубов.— Боец, который только вчера, продрогший, сидел в окопе,— сегодня известен всему миру. Весь мир знает о нем... Вот героизм! Вот люди!

В разговор вмешался третий боец, Попов. Скривив лицо от боли в замерзших ногах, он произнес:

— И все-таки положение наше такое, что смотришь — проклятый фашист еще загонит нас на улицы Москвы!

— Бои идут решительные. Или мы их, или они нас. Но если ты будешь похож на поджигающих танки панфиловцев, тогда мы выгоним немцев на самые улицы Берлина! — твердо сказал Дубов.

Боец почувствовал, как нервно двигаются покрытые инеем усы Дубова, отвернулся от него и вопросительно посмотрел на Бектемира, словно искал у него поддержки.

— Камень день ото дня становится тяжелее, Попов,— произнес Бектемир, шутливо упирая ему в живот кулак.— Народ на всех скоростях выпускает новенькие пушки, танки. Глаза у тебя или дырка на овчине? — вдруг гневно махнул он головой.— Чтоб тебе пусто было...

Попов виновато улыбнулся, опустил голову и продолжал потирать свои ноги.

— Послушай меня,— Бектемир обнял Попова за плечи.— Сегодня немец атаковал шесть раз и занял шестьдесят аршин. Мне кажется, что Никулин вернет эту землю все равно...

— Капитан наш — золото,— покраснел Попов.

— Все бы так воевали!

— Вот и воюй,— Попов неопределенно пожал плечами.

Через два часа немцы подвергли позиции батальона ураганному обстрелу, бросив в бой танковый десант.

И тут случилось неожиданное. Попов со связкой гранат кинулся под танк. Танк загорелся.

Бойцы переглянулись. Так раскрылось сердце одного из их товарищей, тихого, невзрачного на вид человека.

Ночь прошла сравнительно спокойно.

Холодным, морозным утром Бектемир, продрогший, сидел в окопе. Бойцы выдыхали клубящийся пар. На их ресницах, усах, бороде сверкал иней. Земля хрустела.

Черновато-желтое, грязное лицо Бектемира, иногда искажалось гримасой боли. Ныло под левой лопаткой.

Это во время атаки один немец стукнул Бектемира по спине чем-то тяжелым. Сначала боец не ощутил боли и даже успел проткнуть фрица штыком. Но вот сейчас она дала о себе знать.

Прибежал Хашимджан Сеидов, как всегда озабоченный, суетливый.

— Жив? Вчера многие из нашей роты погибли. И сам я, казалось, тысячу раз умирал и тысячу раз воскресал,— произнес он, присаживаясь к земляку.

— Где ваша давешняя тетрадь? — спросил Бектемир.

— На что она тебе? Попроси лучше горячей пищи. Или «водицы райской». Лицо-то у тебя бледное, как капустный лист,— ответил Сеидов с братской заботливостью.

— Без шуток,— ответил Бектемир.— Ночью не успели дойти мы до врага, пришлось залечь. Голову ни на секунду нельзя поднять. Ноги тяжелые, точно камень. Вдруг я вспомнил про твою книжечку. Подумал я: если вдруг что-нибудь случится с Хашимом-ака, то и тетрадь пропадет. И горько мне стало. Поругал я себя за то, что не сказал до сих пор. Примите меры к сохранению этой книжки. Пусть народу останется она. Запишите в нее еще одну поговорку: «Прислушайся к слову друга — иначе раскаешься».

Сеидов удивился душевной красоте этого простого парня, его человечности.

— Вы пошлите ее домой, подальше от смерти,— посоветовал Бектемир.

— Будь спокоен, братец,— улыбнулся Сеидов.— Тетрадь попала в надежные руки. Я сам безмерно рад этому случаю.

— Так у кого же тетрадь? — оживившись, спросил Бектемир.

— Дал я ее на хранение одному ученому. Доволен? Вчера мне пришлось зайти в санбат. Там я встретил своего московского учителя. Двенадцать языков знает. По-узбекски остер говорить. И на аския способен не хуже любого узбека. Одно время он приезжал в Ташкент, читал нам лекции. Тогда я был аспирантом.

Сеидов вздохнул, мечтательно улыбнулся:

— Такое времечко было, что и пищей для меня и сном являлась книга... Однажды я пригласил ученого к себе домой. Вечером это было. Он постучал в комнату. Вы-

шел, значит, мой дядя... Ученый, приложив руки к груди, сказал: «Если ты ценишь слова более, чем изумруд, то смотри не на меня, а на мои слова». Потом этот ученый пояснил моему дяде, что эта фраза принадлежит великому Алишеру Навои.

Бектемир, довольный, смеясь, еще раз повторил их.

— Удивительный русский ученый. Большевик, — продолжал увлеченно Сеидов. — Да... Значит, захожу я в санбат, а среди раненых сидит мой учитель. В телогрейке, на голове какая-то старая ушанка, за кожаным поясом — книга. Одна нога забинтована до самого колена. Уговаривали его выехать из Москвы, не согласился он. Не вставая с места, обнял меня. Поинтересовался научными работами своих друзей, учеников из Узбекистана.

Опять Сеидов мечтательно улыбнулся. Видно, вспомнил о былых временах.

— Ну и показал я ему свою книжицу. Ученый полистал, пробежал глазами. «Изумруд! Изумруд!» — произнес он взволнованно. Я ему сказал: «Возьмите с собой. Вернуть живым — возвратите. А если не суждено, пусть останется вам на память». Задумался он: «Я еще не возвращаюсь. Хромой Тимур завоевал полмира. А для хромого профессора разве не найдется какое-нибудь дело на фронте!» И оставил он книжечку, чтобы читать в госпитале, а потом пошлет жене. Теперь моя душа спокойна... Ну, мне нужно идти, — заторопился Сеидов, — на минутку ведь забежал.

Вслед за Сеидовым, улыбаясь, как всегда, явился Азимов. Его длинное красивое лицо теперь опухло и пожелтело. Бектемир от души любил Азимова, ему хотелось чем-нибудь поднять его настроение.

Не успел связист сесть, как Бектемир, щелкнув портсигаром, протянул сигареты.

Азимов, сняв толстые, грубые рукавицы, сунул их в карман. Покрутил в своих тонких пальцах сигарету, затем франтовато сжал ее в уголке губ.

— Эх и получил же я наслаждение — пять часов спал. Вот! — хвастливо заявил он. — Да еще где вы думаете? В землянке девушек!

Бектемир облизнул губы и, заинтересовавшись, подвинулся ближе.

— Как это тебе удалось?

Азимов несколько раз затынулся, поморщился:

— Фу, чем это, лучше листья сухие курить! — И сно-

ва о девушках: — За одну их косичку можно жизнью пожертвовать. Царицы огня!

Понизив голос, он неожиданно добавил:

— Вчера одну похоронили. Верой зовут. В огне — как рыба в воде. Ловкая, смелая связистка. Стоит с ней пошутить, она тут же вытаскивает из кармана фото. На снимке джигит в форме летчика. Кто знает, может быть, один вот из этих бравых соколов?

Азимов задумчиво поглядел на холодное, тусклое небо. Огромная стая самолетов высоко летела курсом на запад.

— Ну, держись, немец! — погрозил Азимов. — Дадут тебе сегодня.

В это время появился Дубов, как всегда с обвислыми, обындевелыми усами. От быстрой ходьбы он тяжело дышал.

Бектемир хотел его о чем-то спросить, но Дубов посоветовал быстрее заканчивать завтрак и почистить котелок снегом.

Он пошевелил усами и тихо произнес:

— Смысл активной обороны, оказывается, такой: если он не идет, ты идешь!

— И если он идет, ты все равно идешь! — засмеялся Азимов.

— Правильно. Ладно, пусть идет! — резко сказал Дубов. — Уже не раз встречали.

Ложка Бектемира только по-настоящему разгулялась в котелке, как явился связной и с подчеркнутой торжественностью сообщил, что его вызывает капитан Никулин.

Бектемир, недоумевая, вопросительно посмотрел на Дубова.

Друг, набивший рот кашей, пожал плечами: откуда мне знать?!

Азимов понимающе покачал головой:

— Покрепче затяни ремень. Специальное задание.

Около командного пункта Никулин хриплым голосом что-то объяснял группе бойцов.

Солдаты с ног до головы были одеты в белое и издали походили на снежных баб, вылепленных мальчишками.

Бойцы слушали внимательно.

Бектемир подошел к командиру батальона строевым шагом и доложил о своем прибытии.

Капитан, многозначительно улыбнувшись, движением руки пригласил его зайти в низенький блиндаж.

Бектемир вошел и замер. И вдруг, сорвавшись с места,

кинулся к лейтенанту, который стоял около чугунной печки и разговаривал с девушкой-телефонисткой. Это был Камал. Братья слышали, как громко стучали их сердца. Бледные от волнения и счастливые, они наконец заговорили теми суматошными словами, которые рождаются при неожиданной встрече:

- Откуда?
- Когда?
- Все ли в порядке?
- Ведь нужно же...
- Ты только посмотри...

Девушка, хотя и не понимала языка братьев, с интересом слушала их, приподняв тонкие брови.

Камал усадил своего старшего брата на табурет и протянул ему раскрытую пачку папирос.

Почти ничего не говоря о себе, они вспоминали родные места, родной очаг, по которым всегда тосковали.

Бектемир наконец задал вопрос:

— Как же ты меня нашел?

— А ты у вашего капитана спроси!— смеясь, ответил Камал.— Вчера я показывал ему фотокарточку. Помнишь, в далекие годы сфотографировались вместе все братья?

— Да, да. Помню,— оживился Бектемир.— Ну-ка покажи!

Камал вытащил из записной книжечки снимок.

Глаза Бектемира загорелись. Он взял фотографию дрожащими руками и смотрел не отрываясь, пока в блиндаж не вошел Никулин.

Камал крепко пожал руку капитану, поблагодарил.

— Хотя он здесь в длинном чапане и тибетейке, но я его сразу узнал. Солдат со стальным сердцем!..— произнес комбат, потирая руки.— Хорошо, что не сказал я вам. Думаю, пусть будет неожиданная встреча. Я люблю острые ощущения. Ну как, доволен ты теперь?— обратился к Бектемиру капитан.— Подарок за тобой.

— Подарок?— растерялся боец.— Чего пожелаете... Жизни даже не пожелаю.

— Пусть твоя жизнь тебе останется. Мне больше нужна фашистская! Ясно?

— Товарищ капитан, выполню ваше желание. Обязательно выполню,— пообещал Бектемир.

Камал продолжал жадно рассматривать брата — простого, сильного, истинного воина. Он узнал, что за героизм Бектемир представлен к награде.

Захотелось снова обнять, расцеловать, но, взяв себя в руки, лейтенант только радостно вздохнул.

Капитан подошел к своему столу и наклонился над картой. Чтоб не мешать ему, братья разговаривали вполголоса.

— Товарищ Уринбаев, можно вас на минуту? — позвал Никулин, не поднимая головы от карты.

Бектемир протянул брату руку:

— Нам не наговориться. Будь здоров, братик, — ласково произнес он.

— До свидания. Увидимся еще, — сказал Камал, не охотно отпуская его руку.

— Пусть это суждено нам будет! — ответил Бектемир. Резко повернувшись, Камал вышел из блиндажа.

Сверкало яркое солнце. Над лесом таял туман.

Белое пламя снега, скрипевшего под ногами, ледяные стекла в лужах слепили глаза.

Разгоряченное лицо Бектемира лизал холод. Но его душа теперь освободилась от грусти и наполнилась светом, надеждами.

Вспомнилась в эти радостные минуты Алтынай.

Вот бы снова почувствовать теплоту ее девичьей улыбки, услышать ласковое слово!

— Удивительная девушка, — прошептал Бектемир и, опьяненный сладкими мечтами, зашагал быстрее.

Если бы не пулеметная трескотня, в эту минуту для него фронт перестал бы существовать.

Неожиданно со стороны командного пункта показалась группа командиров. Впереди шагал представительный, солидный генерал.

Забинтованной рукой он указывал на торчавшую за деревьями в голубоватом тумане башню. При этом неторопливо, спокойно что-то объяснял. Затем он повел группу к блиндажу.

Бектемир, притоптывая ногами, чтобы не замерзнуть, решил подождать.

«Если большие командиры, — думал он, — пришли посоветоваться, возможно, брат мой сейчас выйдет. Что там ему делать?»

Но ждать пришлось долго. И Бектемир пошел к своему подразделению. Мысленно он продолжал с братом беседу.

В голове оживали погасшие, далекие воспоминания. Вот они мальчишки, карабкаются по деревьям, ищут в гнездах птиц. А вот катаются на льду хауза. Но тонкий

лед не выдержал, треснул... Камал погрузился в воду. Бектемир, схватив за руки братишку, начал тянуть. Но, поскользнувшись, бултыхнулся и сам. Пришлось нырнуть, чтобы вытащить Камала.

А прогулки по горам! В последние годы учебы Камал приезжал на каникулы в кишлак. Часто бродили братья в горах.

«Теперь он совещается с генералами...— не без гордости подумал Бектемир.— Посмотреть бы на него, как он там держится».

Солдат и не заметил, как очутился в окопе. В укрытии Дубов переобувался.

— Что это искры сыплются с твоего лица? — с любопытством посмотрел он на своего товарища.

Бектемир дышал тяжело. Сняв каску, он вытер покрывшийся потом лоб.

— Видел братца. Лейтенант. Подумать только — командир!

Бектемир порылся за пазухой, осторожно вытащил и положил на колени друга фотографию.

— Полюбуйся!

Дубов внимательно посмотрел на снимок и одобрительно кивнул:

— Целый батальон! Молодцы. Все как на подбор.

Бектемир завернул фотографию в толстую бумагу и, положив в нагрудный карман, погладил ладонью. Он хотел о многом рассказать товарищу, но опять раздалась команда:

— К бою!

Командир взвода настороженно всматривался в даль. Бойцы заняли места.

— К бою! — повторил командир.

Теперь и бойцы увидели растянувшуюся цепь немецких автоматчиков.

Затем показались танки.

Сегодня гитлеровцы действовали нахальнее, бешенее, будто поняли всю безнадежность.

Они кинулись с желанием оглушить неестественным шумом, подавить сметающим все на своем пути смерчем огня.

— К деревне рвется,— определил Дубов.— Ну, посмотрим...

Враг действительно хотел овладеть населенным пунктом, стоявшим перед большой дорогой.

Огонь охватил деревню. Бой шел среди горящих домов, в густом душном дыму.

Под снарядами и минами избы трескались подобно орехам, попавшим под жернова мельниц.

Кирпичные здания рассыпались, как рассыпаются камни под тяжелым молотом.

Лист железа, видно сорвавшийся с крыши, крутясь в воздухе, с громом упал на Бектемира.

— Ты что, просил щит у бога? — крикнул Дубов.

— А? — не понял Бектемир.

Дубов махнул рукой: мол, потом поговорим.

На лицах бойцов одно желание: перегрызть горло врагу. Даже во взглядах раненых было это чувство.

— Рановато я... — выкрикнул один из раненых. — Еще бы мне немного продержаться.

К Дубову и Бектемиру подполз связной:

— Комбат вызывает.

Бойцы переглянулись и стали молча добираться до командного пункта.

Связному было легче. Маленький, юркий, он намного опередил солдат.

Капитан наблюдал за ходом боя из окопа на склоне небольшого холма. На картах этот холм значился под названием Коровий хвост.

Капитан даже не взглянул на бойцов.

Молодцеватый лейтенант с лицом, покрытым копотью, недовольно покосился. Что, мол, нужно сейчас вам, говорил его взгляд.

Над реденькими деревьями свистели пули. Они словно щелчками сшибали высохшие ветви.

Недалеко от Никулина на плащ-палатке лежал командир второй роты с забинтованной головой. Он был доставлен сюда несколько минут назад. Иногда, будто он ел что-то кислое, лицо его морщилось. Он скрежетал зубами.

Солдаты молчали, дожидаясь, когда комбат обратит на них внимание.

Хотя Дубов знал, что махорка у него кончилась, он порылся в карманах. Бектемир с сожалением взглянул на друга и хлопнул по своему карману:

— У меня тоже нет.

Бектемир осмотрелся: у кого бы занять? Но в это время раздался голос комбата.

— Два танка приблизились и стали в низинке, под самым носом, головы не дают поднять, — обратился Никулин к бойцам. — Ну? В такой момент дело лучше совещания. Уничтожим их, а? Задача нелегкая!

Друзья переглянулись.

— Уничтожим! — произнес Дубов несвойственным ему, каким-то мягким голосом.

— Выполнил задание! — поддержал Бектемир.

— Идите. Желаю успеха.

Друзья поползли с гранатами и зажигательными бутылками.

Много танков уже повидали бойцы. Сражались с ними. Видели отблеск их лохматого, дымящего пламени.

Но встретиться вот так, один на один,— все же не легко.

Поскрипывает под ними снег. Ветер гонит поверх снега пыль и копать.

Впереди ползет Дубов. В ногах Бектемира, окаменевших от холода, нестерпимая боль. Сейчас бы огня и, как поджаривают кукурузу, зарыться в горячие угли!

Опыт и инстинкт забрасывают бойцов в безопасное место. Но нужно скорее дойти до цели. Нечего прятаться!

Друзья снова, приминая снег, продвигаются вперед.

Вдруг Бектемира окликнул знакомый голос:

— Куда?

Это был Азимов. Он подполз совсем близко.

— Куда это вы собрались, братья? — связист удивленно смотрел на бойцов.

— Задание есть. Можно даже проститься на всякий случай. А вы? — произнес Бектемир.

— Опять связь прервалась,— выругавшись, сплюнул Азимов.— И провод кончился. Что теперь, жилами своими сцеплять? Вечером будет плов с казы. Приглашаю в гости.

Бектемир недовольно посмотрел на земляка: нашел же место шутить.

— Что это ты развеселился?

— Правда. Есть парикмахер один. Мастер на все руки. Такой храбрец! Бритвой грозит немецким самолетам,— Азимов подмигнул Бектемиру.— Если сегодня жив останусь, я сам поднесу вам на своей ладошке горку плова. А если расстанусь с жизнью, пусть это будет поминальный по мне плов. Дунете в мою свирель...

Бектемир грустно улыбнулся.

— Ладно уж.— И, кивнув, боец пополз вперед вслед за Дубовым, который удалился уже на значительное расстояние.

Когда немцы попытались взять деревню в третий раз, Никулин сам повел в атаку первую роту. Но, сделав несколько шагов, схватился за окровавленное плечо.

Связной с сержантом, командиром третьего отделения, отнесли офицера в овраг, перевязали ему плечо и шею.

Лицо Никулина покрылось пятнами.

«Какая бессмыслица! — с горечью подумал капитан.— И это накануне большого дела!»

В глазах потемнело. Захотелось лечь и замереть. Но, собрав последние силы, комбат продолжал сидеть.

Боясь потерять сознание, он держался, чутко прислушиваясь к тому, что происходит вокруг. Из разговора связного с сержантом комбат понял, что его дела неважные.

— Нужно донести до санбата. Видишь, сколько крови потерял...

— А как же батальон? Ведь бой идет...

Комбат смотрел вперед. Но ничего не видел, кроме дыма и взрывов.

— Нужно в санбат, товарищ капитан,— решил сказать связной.

— Подожди,— еле выдавил комбат.— Немного подожди...

— Вам же нельзя,— решительно произнес связной.— Обязательно в санбат.

— Рана у вас нешуточная, ведь свалитесь,— поддерживая связного, сказал сержант.

Никулин раскрыл было рот, хотел что-то сердито сказать, но промолчал.

Связной и сержант подняли своего командира.

В это время Бектемир и Дубов повернулись и заметили, что командир ранен.

— А ну, по гранате за капитана! — крикнул Дубов.— Держись, фашист!

Одна за другой взорвались гранаты.

Танки покрылись клубами дыма.

— Подождите,— попросил капитан.— Дайте взглянуть.

Связной и сержант остановились.

Комбат Никулин встал, посмотрел вслед своим бойцам, но вдруг покачнулся и упал.

Глава двадцатая

Русская зима — жестокая зима. Сейчас она в самом разгаре. От огромных елок, переживших века, до нежной елочки, чуть-чуть поднявшейся от земли, все в великолепном снежном уборе. Деревья стоят гордые и красивые.

Их не тронул огонь боя. Этот огонь затухал и на пороге столицы.

Москва, словно чудо-крепость, вылитая из стали, стояла, собрав все силы и волю.

На каждом метре гитлеровцев подстерегала смерть. Хорошо вооруженные, полные надежд на танки и авиацию, рвались вперед фашистские полчища.

— Не пройдет, — заявляли в ледяных окопах бойцы. И лед таял от огня, бешеного, ненасытного.

Окрестности Москвы были окружены кольцом мощной, крепкой обороны. Москвичи — и молодые и старые — днем и ночью, отказываясь от сна и отдыха, вынося тысячи мук и лишений, укрепляли город.

Зубы врага, того самого врага, который торжествующе топтал своими сапогами всю Европу, сломались, раскрылись у порога Москвы.

Хотя гитлеровцы посылали все новые и новые дивизии, хотя тысячи танков и самолетов поливали землю огнем, они не могли сломить волю нашего народа. Гнев, ненависть и жажда мести кипели в сердцах людей.

Вся сила советских народов собралась в один мощный кулак. И этот кулак повис над головой врага.

Декабрь проходил в ожесточенных боях.

Хваленая мощная техника, на которую опирался враг, перестала быть грозной. Ее побеждали люди. Плотной стеной на пути врага вставали закаленные в боях войска, новые, тепло одетые и хорошо вооруженные дивизии. Настроение царило бодрое.

Шумная беседа шла около костра и в батальоне Никулина.

— Товарищи, теперь мы забудем, что такое отступление, — говорил Дубов, окутанный махорочным дымом. — Покажем Гитлеру, как нужно бить по-настоящему. Черед наш. От нашей хватки теперь не уйдет живым ни один фашист. Русская земля станет могилой для врага! Таков приказ нашего города, нашей Родины, нашей партии! Переходим в наступление! Соберите всю свою ненависть! Есть возможность вручить ее по адресу.

— Хвала! — поддержал Бектемир. — Мы дойдем до самого гнезда фашистов и устроим великое торжество.

Солдаты продолжали шумно беседовать. Но один из бойцов, хмурый, недовольный, проворчал:

— Немец не оставит нас. Техника у него сильная. Не видели, что ли!

Сразу раздалось несколько голосов:

— Ишь ты, как заговорил.

— Фашиста трясет, а он руки поднимает.

— Почему же руки? — удивленно заморгал боец. — Я просто говорю, что техники у него много.

Но его уже не слушали.

— Когда упоминают фашиста, твоя душа уходит в пятки. Оставьте, не пугайте бедняжку, — подкрутил усы Дубов.

— Не о том я, — оправдывался боец.

— Да что ты говоришь? Давай уж тогда раскрывай ворота. Поднеси ему хлеб и соль, — вступил в разговор коренастый сибиряк.

— Джигит должен быть смелым, друг, — мягко произнес Бектемир. — Смелого и пуля боится.

Круг солдат у костра становится все более плотным. Продрогшие от холода, бойцы беспрерывно курят: хоть так согреться. Разговор идет об отваге, о заботе командиров, о героизме прославившихся солдат.

Спать никто не собирается. Да и нельзя.

Сегодняшняя тишина подозрительна.

— Это тишина перед бурей.

Как только наступил смутный рассвет, сразу начался бой.

Заговорила артиллерия. Орудия плотным огнем прижали немцев к земле.

— Не уйти врагу! — весело крикнул Дубов. — Право, не уйти.

Бойцы слышали, да многие и видели, как за последнее время оснащаются наши части боевой техникой.

— Держись, фашист! Пришел тебе конец...

Наконец, наступили дни, когда наши бойцы, наши джигиты, подобно львам, с сердцами, переполненными любовью и преданностью Родине, пошли в наступление.

На этом славном пути их не страшила смерть. Самоотверженность их не знала предела. Каждый готов был отдать Родине жизнь. Да будут прославлены в веках их имена!

В первые же дни этой небывалой битвы великого народа радостная весть о победе, подобно молнии, разнеслась над всей страной. Народ напряженно ждал новых вестей каждую секунду, каждый миг. Всем было ясно, что начался важнейший и решительнейший период Великой Отечественной войны.

Растапывая врага, упорно наращивая изо дня в день наступление, мы шли вперед.

Одна была цель — сжать врага в кольцо и задушить его, уничтожить.

Росли груды вражеских тел, корежилась в огне немецкая «несокрушимая» техника.

Советские бойцы, твердо уверенные в своей победе, шаг за шагом продвигались вперед.

Шел вперед и Бектемир — закаленный в боях, опытный солдат. Довольный, он шел бок о бок вместе со своими друзьями.

В деревне продолжается бой. Фашисты стреляют из-за заборов, разбитых окон. Но они бессильны перед яростной атакой советских солдат.

Вот уже тянутся вверх скрюченные пальцы гитлеровцев, раздаются хриплые возгласы:

— Гитлер капут....

Падают фашисты на улицах русской деревни.

Но и в наших рядах потери.

...Бектемир внезапно пошатнулся и упал.

— О, сволочи! — сквозь зубы выругался боец.

Подбежала медсестра, с трудом подняла его.

Бектемир, обхватив рукой шею девушки, с трудом добрался до полуразрушенного домика.

Девушка ловко и быстро, не причиняя боли, перевязала ему пробитую ногу.

— Что там, сестра?

— Ничего особенного. Но придется полежать.— Она ласково погладила горячий лоб Бектемира.— Рана неопасная, заживет.

Бектемир благодарно кивнул, но лицо его побледнело.

— Ничего, ничего,— повторила медсестра.— До свадьбы заживет.

Бектемир, пытаясь преодолеть боль, лежал, сжав зубы, с закрытыми глазами.

От теплого дыхания Дубова, который, вбежав в комнату, сразу же опустился перед ним на колени, он широко раскрыл глаза.

— Что с тобой? — торопливо спросил Дубов, пытаясь скрыть тревогу и испуг.

— Все в порядке,— слабо улыбнулся Бектемир.

Дубов положил свою тяжелую, сильную руку на плечо друга, который хотел подняться.

— А ну, посмотрю. Э... да ничего особенного, выздоровеешь, дружище! Но пока ты не ходок. Для пехоты ноги нужны. До свидания, дорогой.

Бектемир продолжал слабо улыбаться.

— Напиши о себе,— сказал Дубов и крепко поцеловал Бектемира.

— Прощай, друг. Если умру — прощай навеки...— вдруг торопливо произнес Бектемир, задыхаясь от боли и горя.

— Да что ты чепуху говоришь! Нам еще до Берлина шагать! Ну! Держи голову выше!— Дубов шагнул к двери, но остановился и, улыбнувшись еще раз, бодро сказал: — Выше голову! В Берлин мы войдем вместе!

Ушел боевой товарищ так же неожиданно, как и появился.

«Ах, была бы сейчас рядом со мной Алтынай,— с тоской подумал Бектемир.— Пусть будет она здорова. Ведь и ее каждый шаг полон опасностей. Может быть, увидимся...»

И лицо Бектемира осветилось чуть слабой, но радостной улыбкой.

Вбежал юркий Азимов.

— Как услышал, так и сюда сразу! Что с вами, рана серьезна? Надо вам отправляться скорее. Это мы устроим.

Повернувшись, он о чем-то переговорил с одной из медсестер.

— Хорошо, хорошо...— кивнула девушка.

Она помогла Азимову поднять Бектемира и вынести из домика.

— Друг,— умоляюще произнес Бектемир,— если увидишь Камала — знаешь же, видел ты его,— передай ему обо мне... И передай привет.

— Ладно, ладно, не беспокойтесь. До свидания. Еще увидимся!

Не успела машина тронуться, как связист исчез из глаз.

Прикусив губу от боли, Бектемир закрыл глаза.

Мороз перехватывал дыхание. Озаряя облака, поднималось солнце.

Машина вырвалась и полетела по большой дороге.